

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

ISSN 2078-9025

№ 3 (48) • 2020

12+ Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально. ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Редакционный совет журнала:

Председатель

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Заместитель председателя

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна, канд. филол. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционного совета:

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна, д-р юрид. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна, канд. экон. наук, доцент (Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович, д-р экон. наук, профессор (Финансово-экономический институт Таджикистана)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна, д-р экон. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ИСМАГИЛОВ Наиль Амирханович, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

КУРМАНОВ Альберт Сафатович, д-р юрид. наук (Башкирский институт социальных технологий)

ЛЯНЧЕ (ЛЕБЕДЕВА) Маргарита Леонидовна, д-р полит. наук, профессор (Научно-исследовательский институт проектного менеджмента и инвестиций, Ганновер, Германия)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна, д-р техн. наук, профессор (Московский государственный технический университет имени Баумана)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна, д-р ист. наук, профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович, д-р полит. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода, д-р полит. наук (Республика Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна, д-р полит. наук, доцент (Российский университет дружбы народов)

МУРАТШИН Фларит Рашитович, д-р юрид. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д-р юрид. наук, профессор (Уфимский юридический институт МВД РФ)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна, д-р филос. наук, профессор (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна, д-р ист. наук, профессор (Московский автомобильно-дорожный институт)

ТЮРИН Сергей Борисович, д-р экон. наук, профессор (Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений)

ШМИДТ Вильям Владимирович, д-р филос. наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации)

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна, д-р полит. наук, канд. ист. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Члены редакционной коллегии:

БАСКАКОВ Алексей Тихонович, канд. филос. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна, ответственный секретарь (Башкирский институт социальных технологий)

БЫСТРОВ Александр Ильич, канд. техн. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна, д-р экон. наук, доцент (Башкирский институт социальных технологий)

Юридический адрес редакции: ул. Р. Зорге, д. 17/1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059

Фактический адрес редакции: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Сайт: vestnik-bist.ru

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education
"Academy of Labour
and Social Relations"

ISSN 2078-9025

No. 3 (48) • 2020

12+

"REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.
ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

The scientific journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science.

Journal Editors

Chairperson

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Deputy chairperson

VELTS Rakhil Yakovlevna, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of the Editorial Board:

BOLTENKOVA Lubov Fiodorovna, Doctor of Juridical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

GAREEVA Nailya Alfrifovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich, Doctor of Economics Sciences, Professor (Financial and Economic Institute of Tajikistan)

ZAYNASHEVA Zarima Gafarovna, Doctor of Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

ISMAGILOV Nail Amirkhanovich, Doctor of Economics (The Bashkir Institute of Social Technologies)

KURMANOV Albert Safuatovich, Doctor of Juridical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

LYANCHYE (Lebedeva) Margarita Leonidovna, Assistant Professor, Candidate of Political Sciences, Academic Board Chairperson for FPMI, the Head of the Politology and Law Department (Research and Development Institute for Project Management and Investments, Hannover, Germany)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna, Doctor of Technical Sciences, Professor (Bauman Moscow State Technical University)

MALIKOV Boris Zufarovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Institute of Law of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation)

MATVEYEVA Lyubov Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

MEDVEDEV Nikolay Pavlovich, Doctor of Political Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda, Doctor of Political Sciences (Republic of Tajikistan)

MIKHAYLOVA Natalia Vyacheslavovna, Doctor of Political Sciences (Peoples' Friendship University of Russia)

MURATSHIN Flarit Rashitovich, Doctor of Juridical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

NAZAROVA Ulyana Anatolievna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor (Bashkir State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

RAHMATULLINA Zugura Yaganurovna, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow Institute of Road Traffic)

TURIN Sergey Borisovich, Doctor of Economics, Professor (The Academy of Labour and Social Relations Branch in Yaroslavl)

SCHMIDT William Vladimirovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Editorial Board

Senior Editor

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Members of Editorial Board

BASKAKOV Aleksey Tikhonovich, Candidate of Philosophical Sciences (The Bashkir Institute of Social Technologies)

BOCHAROVA Tatiana Yevgenyevna (Executive Secretary)

BISTROV Aleksandr Ilyich, Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

GALIEVA Gulnaz Fizatovna, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor (The Bashkir Institute of Social Technologies)

Legal address: 17/1 R. Zorge str., Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450059

Actual address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054

E-mail: vestnikBIST@mail.ru

Website: vestnik-bist.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ 7

Гиматдинов Р. Р.

Организационно-правовые механизмы
участия российских регионов в экономической дипломатии:
опыт Республики Татарстан 7

Гареева Н. А.

Оценка конкурентоспособности
региональной инновационной системы 14

Иксанов Р. А., Владимиров И. А.

Значение государственного надзора в сфере лесопользования
для развития региональной экономики 24

Джабаров К. М., Искияев Д. Б.

Развитие института государственно-частного партнерства
в целях стимулирования экономического роста дотационного региона России. 31

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 38

Нигматуллина Т. А.

Профессиональные компетенции и рынок труда:
вызовы времени 38

Тонконог В. В., Ананченкова П. И.

Сетевое взаимодействие университетов
в региональном образовательном пространстве 46

Панчихина О. Ю., Ахметьянова Р. А.

Взаимодействие органов местного самоуправления
и социально-ориентированных некоммерческих организаций:
состояние, вызовы и потенциал развития 52

Кунсбаев С. З.

Формирование политики инклюзивного образования
в постсоветской России: федеральный и региональный уровни 60

Мартирисян О. А.

Молодежная занятость и безработица
в условиях пандемии COVID-19 69

Горский А. А.

Развитие благотворительности на основе налогового стимулирования:
обзор зарубежной практики 75

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ
И ЭТНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ..... 81****Галлямов Р. Р.**

Этноязыковые процессы
в Волго-Уральском макрорегионе России в XX веке
(на примере Башкортостана и Татарстана) 81

Ананченкова П. И.

Развитие молитвенного туризма в тюркских регионах
Российской Федерации 90

АВТОРАМ 95

CONTENTS

ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIA AND ITS REGIONS 7

Gimatdinov R.

Organizational and legal mechanisms of participation
of russian regions in economic diplomacy:
experience of the Republic of Tatarstan 7

Gareeva N.

Assessment of competitiveness
of a regional innovative system 14

Iksanov R., Vladimirov I.

The importance of state supervision in the field of forestry
for the development of the regional economy 24

Jabarov K., Iskiyaev D.

Development of the institution of public-private partnership
in order to stimulate economic growth in the subsidized region of Russia 31

SOCIAL ASPECTS OF ECONOMIC RELATIONS 38

Nigmatullina T.

Professional competencies and the labor market:
challenges of the time 38

Tonkonog V., Ananchenkova P.

Networking of universities
in the regional educational space 46

Panchikhina O., Akhmetyanova R.

Interaction between self-government
and socially oriented non-commercial organizations:
condition, challenges and development potential 52

Kunsbayev S.

Policy formation inclusive education in post-soviet Russia:
federal and regional levels 60

Martirosyan O.

Youth employment and unemployment
in the COVID-19 pandemic 69

Gorsky A.

Development of charity based on tax incentives:
review of foreign practice 75

**ETHNIC IDEOLOGY
AND ETHNIC VALUES 81****Gallyamov R.**

Ethno-linguistic processes
in the Volga-Ural macro-region of Russia in the XX century
(on the example of Bashkortostan and Tatarstan) 81

Ananchenkova P.

Development of prayer tourism
in the turkic regions of the Russian Federation 90

FOR AUTHORS 95

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

УДК 339.9 (470.41)

ГИМАТДИНОВ Радик Рустамович,

кандидат политических наук

E-mail: gimatdinov@exportcenter.ru

АО «Российский экспортный центр» в Турецкой Республике,

г. Стамбул, Турецкая Республика

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Экономическая дипломатия охватывает широкий спектр вопросов, связанных с выработкой оптимальных путей обеспечения устойчивого экономического развития, реализацией инновационных идей и инициатив, повышением эффективности партнерства между государствами. В этой связи представляет интерес рассмотрение вопроса о роли субъектов федеративных государств в сфере экономической дипломатии. В статье на опыте Республики Татарстан рассматриваются организационно-правовые аспекты участия российских регионов в осуществлении экономико-дипломатических мероприятий государства.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, субъекты федеративных государств, внешнеэкономические связи, представительства Республики Татарстан.

Для цитирования: Гиматдинов Р. Р. Организационно-правовые механизмы участия российских регионов в экономической дипломатии: опыт Республики Татарстан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 7–13. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-7-13

Современные глобальные процессы охватывают прежде всего экономическую сферу общественных отношений. Одним из влияющих факторов, позволяющих повышать эффективность международного сотрудничества является экономическая дипломатия. В настоящее время экономическая дипломатия как одна из важнейших функций государства в условиях глобализации приобретает комплексный, системный характер, опирается на тесное взаимодействие государства, общественных организаций и деловых кругов. Актуализация этой темы отражается и в возрастании числа исследований, посвященных теоретическим и практическим аспектам экономической дипломатии. Среди отечественных и зарубежных авторов стоит отметить И. Дю-

мулена, Н. Гусакова, С. Караганова, В. Панькова, Л. М. Капицы, С. В. Лаврова, А. Е. Лихачева, В. К. Ломакина, Э. Обминского, И. А. Орнатского, А. В. Торкунова, Ю. В. Пискулова, В. Д. Щетинина и др. [1]

Повышение роли экономической дипломатии обусловлено широким спектром используемых средств, открытостью, многовариантностью моделей и т. д. Каждое государство в известной степени обладает своими особенными институциональными механизмами реализации экономико-дипломатической практики, обусловленной ее ролью в осуществлении внешнеэкономической политики. Динамика глобализации обуславливает и рост масштабов внешнеэкономических связей, расширяя число их непосредственных участ-

ников, в состав которых все активнее включаются внутригосударственные регионы. В этой связи представляет интерес рассмотрение вопроса об их роли и месте в сфере экономической дипломатии государства. Рассматривая функции государства в сфере международных экономических отношений в контексте участия в них субъектов федерации, представляется обоснованным выделить вопрос о региональном уровне обеспечения эффективных результатов экономическо-дипломатических мероприятий.

Участие федеративных субъектов в международных и внешнеэкономических связях возможно в двух основных формах. Во-первых, в виде прямого участия в международных делах, а также, через соответствующие федеральные органы государственной власти. Прямое участие выражается в установлении торгово-экономических и культурных связей с зарубежными партнерами, в обмене правительственными и неправительственными делегациями и обмене опытом в различных сферах жизни, в организации некоторыми субъектами федерации своих представительств в зарубежных странах. Во-вторых, субъекты федерации участвуют в решении вопросов, имеющих международный характер, через федеральные органы государственной власти. В этом случае речь идет о представительстве в верхних палатах парламентов, использование совещательных форматов федеральных органов власти с соответствующими руководителями субъектов федерации, участие в составе федеральных делегаций на переговорах с иностранными государствами и др.

Расширение международной деятельности внутригосударственных регионов накладывает на дипломатические отношения национальных государств определенный отпечаток. Стоит отметить, что нередко межгосударственные отношения непосредственно затрагивают представляемые региональными и местными властями страны интересы отдельных территорий. Необходимость включения регионов в систему наднациональных связей признается как самими государствами, так и международными организациями. Эффективная реализация функций государств с учетом динамичной конъюнктуры современных международных экономических отношений во многом

обусловлена заинтересованным сотрудничеством со стороны их субъектов. При этом, особую значимость приобретает создание благоприятных условий для их успешного участия в международных экономических отношениях.

Важной предпосылкой результативной внешнеэкономической деятельности субъектов федераций является то, что региональные власти лучше знают социально-экономические проблемы своего региона и объективно оценивают практическую значимость иностранных инвестиций в той или иной сфере экономики, привлечения технологий. Субъекты федераций заинтересованы в расширении форматов участия за рубежом в целях решения задач регионального уровня. В этих условиях современная дипломатия федеративного государства сталкивается с тенденциями двоякого характера. С одной стороны — многие проблемы, порождаемые в результате глобализации, растущих международных связей национального государства, экономической взаимозависимости субъектов хозяйственной жизни, включая государства, совершенствования регулирования в рамках политических систем. С другой — усиление влияния внешнего фактора на интересы регионов.

Для России углубление интеграции в мировую экономику со всей очевидностью связано с обеспечением национальных интересов. В концепции внешней политики Российской Федерации указано следующее: «Субъекты Российской Федерации осуществляют международные и внешнеэкономические связи в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и иными законодательными актами. Министерство иностранных дел Российской Федерации и другие федеральные органы исполнительной власти оказывают органам государственной власти субъектов Российской Федерации необходимую правовую и экспертно-консультативную помощь в развитии международных и внешнеэкономических связей, в организации и ведении переговоров, в выработке текстов соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключаемых органами

государственной власти субъектов Российской Федерации, в выполнении указанных соглашений, а также обеспечивают защиту прав и законных интересов субъектов Российской Федерации в иностранных государствах, используя в этих целях возможности Совета глав субъектов Российской Федерации при Министерстве иностранных дел Российской Федерации. Развитие межрегионального и приграничного сотрудничества является важным резервом двусторонних связей с соответствующими регионами и государствами в торгово-экономической, гуманитарной и иных областях» [3].

Из закрепленных в Российской Федерации конституционных положений следует несколько выводов. Во-первых, на конституционном уровне признается наличие у субъектов Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей. Во-вторых, поскольку их координация отнесена к предметам совместного ведения, субъекты федерации должны иметь здесь наряду с федеральной властью свои полномочия. В-третьих, субъекты федерации не вправе заключать международные договоры. В их совместном с федерацией ведении находится лишь исполнение международных договоров Российской Федерации. Вопросы же, связанные с юридическим статусом международных соглашений, заключаемых субъектами Российской Федерации, в Конституции не регулируются.

В свете отмеченного необходимо подчеркнуть, что достижение эффективности в комплексной реализации инструментов экономической дипломатии определяется и системой организационно-правового управления международной внешнеэкономической деятельностью субъектов федерации, позволяющей обеспечить баланс интересов и реальных возможностей обеих сторон федеративных отношений.

С позиции практических аспектов механизма участия регионов в продвижении экономических интересов государства, представляется значимым опыт Республики Татарстан, обладающей достаточно высоким экономическим потенциалом, в том числе и экспортным, и осуществляющей активную внешнеэкономическую деятельность. Стоит выделить следующие основные направления в этой сфере:

- дальнейшее укрепление связей со странами и регионами, расширение перспективных международных контактов;

- активизация инвестиционного процесса в республике, в том числе за счет привлечения иностранных инвестиций;

- активная торгово-экономическая поддержка отечественных товаропроизводителей, продвижение их продукции на внешние рынки;

- содействие развитию экспортноориентированных и импортозамещающих производств на территории республики;

- презентация возможностей Татарстана, его экономического потенциала в международном сообществе.

Республика Татарстан является активным участником внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. По объемам внешнеторгового оборота республика занимает 6-е место среди субъектов Российской Федерации и 1-е место в Приволжском федеральном округе. Торговыми партнерами Республики Татарстан являлись 163 страны, из них экспортные торговые операции осуществлялись со 139 странами, импортные — со 122 странами (по данным Таможенной статистики). За январь-декабрь 2019 года объем поступивших инвестиций из-за рубежа составил 1708,2 млн дол., из них наибольшая часть — прямые инвестиции 1297,5 млн дол. (76,0% к общему объему поступивших инвестиций), прочие инвестиции составили 410,7 млн дол. (24, %), портфельные — 0 тыс. долларов [4].

«Необходимость оперативного решения совокупности вопросов содействия международному сотрудничеству и координации деятельности его участников в русле единой внешней политики Российской Федерации потребовало создания и совершенствования региональных механизмов управления и поддержки комплекса международных и внешнеэкономических связей. Особое место среди органов координации внешних связей занял институт представительств Республики Татарстан за рубежом» [2]. Становление института представительств региона проходило поэтапно в течение продолжительного времени в соответствии с конституционно-правовыми основами регулирования внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации.

Одними из первых были созданы представительства Татарстана в Узбекистане, Азербайджане, Франции, США, Украине, Австрии, Чехии и Словакии, Австралии, Казахстане, Турции, Кипре, открытые в период 1992–1997 годов. В последующем были открыты представительства республики на Кубе, в Финляндии, Швейцарии, Беларуси, Туркменистане, ОАЭ, Китае. В настоящее время республика сформировала систему зарубежных представительств, перед которыми стоят задачи развития торгово-экономического, инвестиционного сотрудничества.

Полномочное представительство Республики Татарстан на территории иностранного государства наделяется в установленном законодательном порядке соответствующими полномочиями на осуществление деятельности по обеспечению международных и внешнеэкономических связей. Указанные представительства также осуществляют в государстве пребывания координацию деятельности представительств республиканских государственных учреждений, организаций и предприятий, их делегаций и групп специалистов.

В функции представительств входит также оказание консультаций, содействие в поиске деловых партнеров для татарстанских предприятий, организация их бизнес-встреч, переговоров, информационное обеспечение участников внешнеэкономической деятельности, презентация экономического потенциала республики. Важное практическое значение в работе представительств имеет продвижение татарстанской продукции с высокой добавленной стоимостью в отраслях нефтехимии, машиностроения, сельского хозяйства, интеллектуальных продуктов и т. д.

Показательным примером успешной деятельности института представительств является Полномочное представительство Республики Татарстан в Турецкой Республике, которое было открыто в сентябре 1997 г. в Стамбуле, до принятия Федерального закона Российской Федерации от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». В настоящее время Турецкая Республика входит в число основных зарубежных партнеров Татарстана. Экономическое сотрудничество Татарстана и Турции развивается актив-

но в направлении привлечения турецкого бизнеса и капитала в республику. Так в 2019 году были реализованы целый ряд совместных инвестиционных проектов, в том числе, например, строительство турецким холдингом «Хаят» второй очереди проекта по производству бумажной продукции, действующего на территории ОЭЗ ППТ «Алабуга». Инвестиции составят порядка 3,32 млрд руб., общий объем инвестиций компании достигнет 9,5 млрд рублей. Среди турецких партнеров, реализующих проекты совместно с татарстанскими предприятиями можно отметить компании «Кастамону Энтегре», «Шишеджам» — «Тракья Гласс», «Шишеджам» — «Аутоматив Гласс», «Джошкунуз» «Полилекс», и многие другие. В организацию успешного сотрудничества татарстанских предпринимателей вносит большой вклад Полномочное представительство Республики Татарстан в Турецкой Республике, при непосредственном участии которого проходят визиты в Татарстан представителей органов государственной власти Турции, министров, губернаторов провинций, бизнес-делегаций, а также проводятся совместных деловых мероприятий.

Таким образом, опыт Республики Татарстан показывает, что зарубежные представительства выступают как институциональный механизм экономико-дипломатических мероприятий, с одной стороны, направленных на привлечение иностранных инвестиций в экономику субъектов, продвижение экспортной продукции и т. д., с другой, во взаимодействии с федеральными органами власти, способствует в целом развитию международных отношений России.

В международной и отечественной политической науке трактовка выхода субъектов федераций на международную арену рассматривается с различных теоретических позиций. В отечественной науке исследователи преимущественно основываются на теории федеративных отношений, и основное внимание обращается на разграничение полномочий федеральной и региональной властей в сфере международных связей и взаимодействие в этой сфере властей обоих уровней. Такой подход занимает доминирующее место в отечественной политологии и юриспруденции, но он также широко распространен и в западной политической науке.

Действующий в Российской Федерации комплекс правовых норм, регулирующих порядок международной внешнеэкономической деятельности субъектов был принят в основном в период с 1999–2003 гг. (Федеральными законами от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [8–9] и Постановлениями Правительства Российской Федерации от 01.02.2000 № 91 «О принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств», от 24.07.2000 № 552 «Об утверждении Правил государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [5–6]).

В этой связи стоит отметить необходимость совершенствования законодательной базы по координации международной деятельности российских регионов и оптимизации процедуры подписания соглашений об осуществлении внешнеэкономических связей субъектами Российской Федерации, совершенствование механизма открытия представительств регионов за рубежом.

Многолетний практический опыт работы органов государственной власти Татарстана в сфере международных и внешнеэкономических связей показывает необходимость регулярной актуализации нормативно-правовой базы координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. В первую очередь это связано с повышением эффективности взаимодействия субъектов федерации с федеральными органами власти при осуществлении международной деятельности на уровне регионов, а также обеспечением соответствия используемых форматов взаимодействия условиям современных, динамично изменяющихся международных отношений. Функции координации осуществления международных и внешнеэкономических связей субъектов возложены на Министерство

иностраннных дел России [7]. Так, например, проекты соглашений об условиях открытия зарубежных представительств российские регионы обязаны представлять для окончательного согласования в МИД России. Многолетний практический опыт работы органов государственной власти Татарстана в сфере международных и внешнеэкономических связей показывает, что длительная многоступенчатая процедура согласования проектов соглашений нередко приводит к снижению их эффективности и актуальности, ведет к нивелированию к ним интереса со стороны иностранных партнеров, а сами готовящиеся документы теряют реальное наполнение.

Другим примером, имеющим важный практический аспект, является вопрос о том, открывая представительство на основе межрегионального соглашения, согласно рекомендациям МИД России, субъекты должны ограничить географически сферу его деятельности только одним регионом. Для расширения сотрудничества на другой регион федеральный закон требует открытия нового представительства. Например, при работе по открытию представительства Татарстана в Дубае выяснилось, что для осуществления торгово-экономической и инвестиционной деятельности нашей республики в других эмиратах необходимо открыть в каждом из 7 эмиратов отдельное представительство. При этом законодательство ОАЭ не предусматривает открытие в стране каких-либо представительств зарубежных регионов, а торговое представительство России в ОАЭ, при котором можно было бы аккредитовать татарстанского представителя, на тот момент отсутствовало. Представляется, что такой подход имеет непроработанный характер и не соответствует сложившейся практике, когда нередко для экономии бюджетных средств одно зарубежное представительство может выполнять свои функции на территории нескольких государств. Принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным ввести практику обсуждения вопросов правового регулирования координации внешних связей субъектов Российской Федерации в Совете глав субъектов с привлечением экспертного сообщества с целью определения направлений совершенствования законодательных норм.

Международные связи российских регионов в экономической сфере занимают важное место в сотрудничестве государства с зарубежными партнерами. Сложность и динамичность современных международных экономических процессов связаны с усилением конкуренции, охватывающей различные рынки и товары, затрагивают и систему национального управления. Рассмотренный в ста-

тье опыт Республики Татарстан показывает практические аспекты организации регионального уровня обеспечения экономической дипломатии с участием института зарубежных представительств. Эффективность этой деятельности обусловлена дальнейшим совершенствованием функционирования системы взаимодействия федеральных и региональных органов власти.

Литература

[1] Воронцов Д. П. Сравнительный анализ систем управления внешнеэкономическими связями регионами Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sistem-upravleniya-vneshneekonomicheskimi-svyazami-regionov-rossiyskoy-federatsii>

[2] Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р. Институт зарубежных представительств Республики Татарстан // Международная жизнь. — 2015. — № 3. — С. 136–149.

[3] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248

[4] Об итогах деятельности министерства экономики Республики Татарстан за 2019 год и задачах на 2020 год и на период на 2020 год и на период 2024 года [Электронный ресурс]. — URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2226386.pdf

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 01.02.2000 № 91 «О принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/181615/>

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.2000 № 552 «Об утверждении Правил государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/182360/>

[7] Указ Президента Российской Федерации от 08.11.2011 № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2011. — № 46. — Ст. 6477.

[8] Федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/179963/>

[9] Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешне-торговой деятельности» [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/12133486/>

GIMATDINOV Radik,

Candidate of Political Sciences

E-mail: gimatdinov@exportcenter.ru

*Russian Export Center in the Republic of Turkey,
Istanbul, the Republic of Turkey*

ORGANIZATIONAL AND LEGAL MECHANISMS OF PARTICIPATION OF RUSSIAN REGIONS IN ECONOMIC DIPLOMACY: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Economic diplomacy covers a wide range of issues related to the development of optimal ways to ensure sustainable economic development, the implementation of innovative ideas and initiatives, increasing the effectiveness of partnerships between states. In this regard, it is of interest to consider the issue of the role of

the subjects of federal states in the sphere of economic diplomacy. Based on the experience of the Republic of Tatarstan, the article examines the organizational and legal aspects of the participation of Russian regions in the implementation of economic and diplomatic activities of the state.

Key words: economic diplomacy, subjects of federal states, foreign economic relations, representations of the Republic of Tatarstan.

References

- [1] Vorontsov D. P. Sravnitel'ny`j analiz sistem upravleniya vneshne`konomicheskimi svyazami regionami Rossijskoj Federacii [Comparative Analysis of Management Systems for Foreign Economic Relations in the Regions of the Russian Federation] // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. — 2015. — No. 4 [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sistem-upravleniya-vneshneekonomicheskimi-svyazami-regionov-rossiyskoj-federatsii>
- [2] Gimatdinov R. R., Nasyrov I. R. Institut zarubezhny`x predstavitel`stv Respubliki Tatarstan [Institute of Foreign Representations of the Republic of Tatarstan] // Mezhdunarodnaya zhizn` [International Life]. — 2015. — No. 3. — Pp. 136–149.
- [3] Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii V. V. Putiny`m 30 noyabrya 2016 g.) [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on November 30, 2016)] [Electronic resource]. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248
- [4] Ob itogax deyatel`nosti ministerstva e`konomiki Respubliki Tatarstan za 2019 god i zadachax na 2020 god i na period na 2020 god i na period 2024 goda [On the Results of the Activities of the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan for 2019 and Tasks for 2020 and for the Period 2020 and for the Period 2024] [Electronic resource]. — URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2226386.pdf
- [5] Postanovlenie Pravitel`stva ot 01.02.2000 № 91 "O prinyatii Pravitel`stvom Rossijskoj Federacii reshenij o soglasii na osushhestvlenie sub``ektami Rossijskoj Federacii mezhdunarodny`x i vneshne`konomicheskix svyazej s organami gosudarstvennoj vlasti inostranny`x gosudarstv" [Decree of the Government of the Russian Federation dated February 1, 2000 No. 91 "On the Adoption by the Government of the Russian Federation of Decisions on Consent to the Implementation by the Constituent Entities of the Russian Federation of International and Foreign Economic Relations with Public Authorities of Foreign States"] [Electronic resource]. — URL: <https://base.garant.ru/181615/>
- [6] Postanovlenie Pravitel`stva ot 24.07.2000 № 552 "Ob utverzhdenii Pravil gosudarstvennoj registracii soglashenij ob osushhestvlenii mezhdunarodny`x i vneshne`konomicheskix svyazej, zaklyuchenny`x organami gosudarstvennoj vlasti sub``ektov Rossijskoj Federacii" [Decree of the Government of the Russian Federation dated July 24, 2000 No. 552 "On Approval of the Rules for State Registration of Agreements on the Implementation of International and Foreign Economic Relations, Concluded by State Authorities of the Subjects of the Russian Federation"] [Electronic resource]. — URL: <https://base.garant.ru/182360/>
- [7] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 08.11.2011 № 1478 "O koordiniruyushhej roli Ministerstva inostranny`x del Rossijskoj Federacii v provedenii edinoj vneshnepoliticheskoj linii Rossijskoj Federacii" [Decree of the President of the Russian Federation dated November 8, 2011 No. 1478 "On the Coordinating Role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in Pursuing a Single Foreign Policy Line of the Russian Federation"] // SZ RF [Code of laws of the Russian Federation]. — 2011. — No. 46. — Art. 6477.
- [8] Federal'ny`j zakon ot 04.01.1999 № 4-FZ "O koordinacii mezhdunarodny`x i vneshne`konomicheskix svyazej sub``ektov Rossijskoj Federacii" [Federal Law dated January 4, 1999 No. 4-FL "On the Coordination of International and Foreign Economic Relations of the Subjects of the Russian Federation"] [Electronic resource]. — URL: <https://base.garant.ru/179963/>
- [9] Federal'ny`j zakon ot 08.12.2003 № 164-FZ "Ob osnovax gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoj deyatel`nosti" [Federal Law dated December 8, 2003 No. 164-FL "On the Foundations of State Regulation of Foreign Trade Activity"] [Electronic resource]. — URL: <https://base.garant.ru/12133486/>

УДК 339.137.2(470.41)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Финансы и кредит»
E-mail: gareevana5@mail.ru
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова», г. Казань, Россия

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

К числу ключевых проблем современного развития России относится проблема устойчивого экономического развития каждого из ее регионов на основе последовательного реформирования рыночных институтов и проведения эффективной структурной модернизации региональной экономики. Добиться решения указанной проблемы возможно только с учетом всего комплекса внешних и внутренних факторов и условий, влияющих на региональную экономику, что обуславливает необходимость всестороннего, комплексного анализа значимых конкурентных возможностей региона. Целью исследования является объективная оценка конкурентоспособности региональной инновационной системы на основе метода интегральных индексов, уровня инновационного развития муниципальных районов и городских округов. Научная новизна исследования заключается в комплексном диагностировании конкурентоспособности региона, позволяющем выявить как наиболее благоприятные предпосылки их экономического роста, так и имеющиеся ограничения в их хозяйственном развитии.

Ключевые слова: регион, региональная инновационная система, инновационное развитие, конкурентоспособность, метод интегральных индексов.

Для цитирования: Гареева Н. А. Оценка конкурентоспособности региональной инновационной системы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 14–23. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-14-23

В условиях бурного развития качественно новых интеграционных процессов и глобализации в рамках мирового хозяйства становится актуальным анализ конкурентоспособности региональных инновационных систем, а именно регионов, восприимчивых к инновационным процессам в различных сферах хозяйственной жизни, способных наиболее эффективно с точки зрения затрат труда и капитала создавать новые технологии, обладающих развитой инфраструктурной составляющей для активизации инновационной деятельности. Как показывает практика, экономика страны конкурентоспособна, если устойчиво и динамично развиваются ее регионы. Поэтому роль региона как места базирования конкурентоспособных хозяйствующих субъектов значительно усиливается в современных условиях [1–2].

В связи с этим особую значимость приобретает объективная и качественная диагностика конкурентоспособности региональных инновационных систем, предполагающая использование множества функциональных моделей, базирующихся на принципах регионального экономического анализа [5, 9–11].

В рамках данного исследования целесообразно оценить уровень конкурентоспособности региональной инновационной системы на основе метода интегральных индексов [3]. Одной из прогрессивных региональных инновационных систем Российской Федерации является Республика Татарстан. В таблице 1 приведены исходные данные для расчета показателей оценки конкурентоспособности Республики Татарстан [6–8].

Анализируя данные таблицы 1, необходимо отметить следующие неоднозначные тенден-

Таблица 1 — Исходные данные для расчета показателей оценки конкурентоспособности Республики Татарстан за 2016–2019 гг. [12–14]

Показатели	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	Темп роста/ (снижения), %		
					2017/ 2016	2018/ 2017	2019/ 2018
1. Сальдированный финансовый результат организаций (без субъектов малого предпринимательства), млрд руб.	358,4	314,1	456,1	447,5	87,67	145,19	98,09
2. ВРП в основных ценах, млрд руб.	1933,1	2139,8	2469,2	2584,3	110,69	115,39	104,66
3. Рентабельность валовой продукции региона, % (п. 1 /п. 2 * 100%)	18,53	14,68	18,47	17,31	79,22	125,82	93,72
4. Инвестиции в основной капитал в сопоставимых ценах, млрд руб.	636,5	637,6	629,7	640,8	100,17	98,76	101,76
5. Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП, % (п. 4 /п. 2 * 100%)	32,93	29,79	25,5	24,79	90,46	85,59	97,21
6. Расходы консолидированного бюджета, млрд руб.	261,5	274,0	319,3	322,1	104,78	116,56	100,86
7. Расходы консолидированного бюджета на душу населения, тыс. руб.	67,31	70,36	81,92	82,54	104,53	116,43	100,76
8. Доля инновационной продукции в отгруженной продукции собственного производства, %	19,6	19,6	20,9	21,2	100	106,63	101,43
9. Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций, %	21,3	22,2	21,5	21,9	104,22	96,85	101,86
10. Экспорт, млрд дол. США	9,32	13,11	15,47	12,55	140,66	118	81,12

ции. Анализ показателя рентабельности валовой продукции (работ, услуг) региона показал, что за 2016–2019 гг. отмечено сокращение данного показателя с 18,53% в 2016 году до 17,31% в 2019 году.

Рост показателя расходов консолидированного бюджета Республики Татарстан на душу населения свидетельствует не только о повышении конкурентоспособности региона, но и об улучшении качества жизни населения. Названный показатель имеет положительную тенденцию к концу 2019 г., возрастает по сравнению с 2016 г. на 15,23 тыс. руб. и составляет 82,54 тыс. руб.

На протяжении 2016–2019 гг. в Республике Татарстан наблюдается увеличение ин-

вестиций в основной капитал, в 2017 году по сравнению с 2016 годом рост составил 1,1 млрд руб. или 0,17%, а в 2019 году относительно 2018 года — 11,1 млрд руб. или 1,76%. Так, при росте инвестиций в основной капитал снизилась рентабельность валовой продукции региона на 1,22% в 2019 году по сравнению с 2016 годом. Данная ситуация обусловлена объективными причинами: отдачу от инвестиционных вложений следует ожидать в более позднем временном периоде.

В качестве позитивной тенденции следует отметить рост доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции собственного производства на 1,6% в 2019 году

по сравнению с 2016 годом, а также рост удельного веса организаций, занимающихся инновационной деятельностью, на 0,6 % в 2019 году по сравнению с 2016 годом. Рост данных показателей свидетельствует об активизации инновационной деятельности в рассматриваемой региональной инновационной системе.

В таблице 2 приведены результаты экспертной оценки показателей конкурентоспособности Республики Татарстан методом интегральных индексов.

Рассчитаем изменение уровня рейтингового числа конкурентоспособности Республики Татарстан на основе метода интегральных индексов:

2017 год по сравнению с 2016 годом:

$$R = 0,93 \times 1,1069 + 0,82 \times 1,0017 + 0,81 \times 0,8767 + 0,71 \times 1 + 0,66 \times 1,4066 + 0,62 \times 0,7922 + 0,58 \times 0,9046 + 0,54 \times 1,0422 + 0,45 \times 1,0478 + 0,45 \times 1,0453 = 6,719809.$$

2018 год по сравнению с 2017 годом:

$$R = 0,93 \times 1,1539 + 0,82 \times 0,9876 + 0,81 \times 1,4519 + 0,71 \times 1,0663 + 0,66 \times 1,18 + 0,62 \times 1,2582 + 0,58 \times 0,8559 + 0,54 \times 0,9685 + 0,45 \times 1,1656 + 0,45 \times 1,1643 = 7,442822.$$

2019 год по сравнению с 2018 годом:

$$R = 0,93 \times 1,0466 + 0,82 \times 1,0176 + 0,81 \times 0,9809 + 0,71 \times 1,0143 + 0,66 \times 0,8112 +$$

$$+ 0,62 \times 0,9372 + 0,58 \times 0,9721 + 0,54 \times 1,0186 + 0,45 \times 1,0086 + 0,45 \times 1,0076 = 6,46006.$$

Полученные расчеты позволяют констатировать колебательную динамику интегрального показателя конкурентоспособности в рассматриваемом периоде, а именно в 2017–2018 гг. наблюдался рост уровня конкурентоспособности, однако к концу 2019 года имело место снижение уровня интегрального индекса. Положительная динамика уровня конкурентоспособности по Республике Татарстан к концу 2018 г. обусловлена значительным влиянием следующих факторов: ростом валового регионального продукта, сальдированного финансового результата деятельности организаций, расходов консолидированного бюджета, экспорта, увеличением удельного веса инновационной продукции. Уменьшение уровня рейтингового числа к концу 2019 г. объясняется снижением сальдированного финансового результата деятельности организаций, удельного веса инвестиций в основной капитал в ВРП, экспорта.

Далее в рамках исследования целесообразно изучить сильные и слабые позиции региона, его конкурентные преимущества и имеющиеся ограничения экономического развития на основе методологии SWOT-анализа (табл. 3).

Таблица 2 — Результаты оценки показателей конкурентоспособности Республики Татарстан методом интегральных индексов

Показатели	Балл
1. Сальдированный финансовый результат деятельности организаций (без субъектов малого предпринимательства), млрд руб.	0,81
2. ВРП в основных ценах, млрд руб.	0,93
3. Рентабельность валовой продукции региона, % (п. 1 /п. 2 * 100 %)	0,62
4. Инвестиции в основной капитал в сопоставимых ценах, млрд. руб.	0,82
5. Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВРП, % (п. 4 /п. 2 * 100 %)	0,58
6. Расходы консолидированного бюджета, млрд руб.	0,45
7. Расходы консолидированного бюджета на душу населения, тыс. руб.	0,45
8. Доля инновационной продукции в отгруженной продукции собственного производства, %	0,71
9. Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций, %	0,54
10. Экспорт, млрд дол. США	0,66

Таблица 3 — SWOT-анализ социально-экономического положения Республики Татарстан

Сильные стороны	Слабые стороны
Принадлежность к группе наиболее экономически развитых регионов Российской Федерации, лидирующие позиции в Приволжском федеральном округе по важнейшим характеристикам территориальной конкурентоспособности.	Относительно невысокие уровни денежных доходов населения и оборота розничной торговли, сдерживающие рост внутреннего регионального рынка потребительских товаров и услуг.
Природно-ресурсный потенциал, включающий запасы нефти, местные строительные материалы, сельскохозяйственные угодья, водные ресурсы.	Низкий уровень развития малого предпринимательства, негативно влияющий на доходы населения и состояние локальных рынков труда.
Выгодное геоэкономическое положение республики на пересечении р. Волги с проектируемым транспортным коридором «Запад-Восток».	Низкая доля высокотехнологичного сектора, недостаточная восприимчивость экономики к новым разработкам, препятствующая росту инноваций.
Диверсифицированная отраслевая структура экономики (нефтегазовый комплекс, химическая и нефтехимическая промышленность, отдельные отрасли машиностроения), имеющие сильные конкурентные позиции на мировом рынке.	Сдерживающее воздействие недостаточно развитой транспортной инфраструктуры на развитие хозяйственного комплекса республики.
Благоприятные условия для формирования и развития эффективных территориальных кластеров в нефтехимии, отраслях машиностроения (прежде всего, в автомобилестроении).	Сравнительно высокий уровень загрязнения природной среды, связанный с повышенным техногенным воздействием на нее предприятий промышленности и других отраслей экономики.
Возможности	Угрозы
Проводимая в Российской Федерации налоговая политика, направленная на снижение налогового бремени товаропроизводителей.	Сохраняющаяся нестабильность налогового и бюджетного законодательства.
Нарастающие тенденции создания благоприятного инвестиционного и предпринимательского климата, выравнивание условий конкуренции.	Низкая эффективность действующего механизма финансового оздоровления и банкротства.
Последовательное формирование конкурентной рыночной среды в инфраструктурном и энергетическом секторах экономики.	Значительная степень воздействия колебаний конъюнктуры мирового рынка на состояние профильных отраслей экономики республики.
Возрастающая федеральная поддержка развития высокотехнологичного сектора российской экономики и стимулирования инновационной деятельности на основе реализации различных форм частного государственного партнерства.	Вывоз капиталов за пределы республики финансово-промышленными группами и международными корпорациями, слабое развитие аутсорсинга, сдерживающие экономический рост и решение проблем занятости.

Инновационный потенциал региональной инновационной системы в целом формируется на основе уровня социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов. Рейтинг инновационного развития муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан за 2016–2019 гг. целесообразно провести на основе данных Министерства экономики Республики Татарстан по методике составления рейтинга

социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан. Числовые значения прямых показателей переведем в отнормированные значения и представим по районам — лидерам:

а) отнормированные значения добавленной стоимости:

$$X^i_{\text{норм Казань}} = (123\ 057\ 416 - 352\ 562) / 140\ 618\ 712 - 352\ 562 = 0,875;$$

$$X_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (74\,155\,171 - 352\,562) / (140\,618\,712 - 352\,562) = 0,526;$$

$$X_{\text{норм Альметьевск}}^i = (46\,893\,832 - 352\,562) / (140\,618\,712 - 352\,562) = 0,332;$$

б) отнормированные значения инвестиций в основной капитал:

$$X_{\text{норм Казань}}^i = (67\,918\,114 - 172\,264) / (67\,918\,114 - 172\,264) = 1;$$

$$X_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (49\,345\,334 - 172\,264) / (67\,918\,114 - 172\,264) = 0,726;$$

$$X_{\text{норм Альметьевск}}^i = (25\,127\,243 - 172\,264) / (67\,918\,114 - 172\,264) = 0,378;$$

в) отнормированные значения общей площади жилых домов:

$$X_{\text{норм Казань}}^i = (800\,994 - 3974) / (800\,994 - 3974) = 1;$$

$$X_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (93\,237 - 3974) / (800\,994 - 3974) = 0,112;$$

$$X_{\text{норм Альметьевск}}^i = (327\,822 - 3974) / (800\,994 - 3974) = 0,406.$$

Аналогичные расчеты проведены по всем муниципальным образованиям.

2. Числовые значения обратных показателей (уровень безработицы) переведем в отнормированные значения:

$$X_{\text{норм Альметьевский}} = (1,06 - 1,57) / (0,21 - 1,57) = 0,375;$$

$$X_{\text{норм Нижнекамский}} = (1,08 - 1,57) / (0,21 - 1,57) = 0,360;$$

$$X_{\text{норм Казань}} = (0,58 - 1,57) / (0,21 - 1,57) = 0,728.$$

3. Определим сумму отнормированных значений показателей, имеющих абсолютные и относительные значения:

а) объем добавленной стоимости:

$$S_{\text{норм Казань}}^i = (0,875 + 0,128) / 2 = 0,501;$$

$$S_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (0,526 + 0,374) / 2 = 0,45;$$

$$S_{\text{норм Альметьевск}}^i = (0,332 + 0,108) / 2 = 0,220;$$

б) инвестиции в основной капитал:

$$S_{\text{норм Казань}}^i = (1 + 0,088) / 2 = 0,544;$$

$$S_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (0,726 + 0,312) / 2 = 0,519;$$

$$S_{\text{норм Альметьевск}}^i = (0,368 + 0,072) / 2 = 0,220;$$

в) общая площадь жилых домов:

$$S_{\text{норм Казань}}^i = (1 + 0,154) / 2 = 0,577;$$

$$S_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (0,112 + 0,033) / 2 = 0,072;$$

$$S_{\text{норм Альметьевск}}^i = (0,406 + 0,138) / 2 = 0,272;$$

г) налоговые и неналоговые доходы:

$$S_{\text{норм Казань}}^i = (1 + 0,638) / 2 = 0,819;$$

$$S_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (0,195 + 0,452) / 2 = 0,323;$$

$$S_{\text{норм Альметьевск}}^i = (0,277 + 0,106) / 2 = 0,191;$$

д) отгружено товаров собственного производства по чистым видам экономической деятельности:

$$S_{\text{норм Казань}}^i = (0,581 + 0,096) / 2 = 0,338;$$

$$S_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (0,793 + 0,582) / 2 = 0,687;$$

$$S_{\text{норм Альметьевск}}^i = (0,416 + 0,159) / 2 = 0,287;$$

е) валовая продукция сельского хозяйства:

$$S_{\text{норм Альметьевск}}^i = (0,066 + 0,058) / 2 = 0,062;$$

$$S_{\text{норм Нижнекамск}}^i = (0,168 + 0,223) / 2 = 0,195;$$

$$S_{\text{норм Казань}}^i = (0,029 + 0) / 2 = 0,014.$$

Сумма отнормированных значений всех показателей, имеющих абсолютные и относительные значения, по каждому муниципальному району (городскому округу) рассчитывается аналогично.

4. Суммируем отнормированные показатели без абсолютных значений с отнормированными показателями, обладающими абсолютными и относительными значениями:

$$Y_{\text{норм Казань}}^i = \sum 0,582 + \sum 0,501 + 0,544 + 0,577 + 0,819 + 0,339 = 4,090;$$

$$Y_{\text{норм Нижнекамск}}^i = \sum 0,534 + 0,360 + \sum 0,450 + 0,519 + 0,324 + 0,687 + 0,195 = 3,142;$$

$$Y_{\text{норм Альметьевск}}^i = \sum 0,390 + 0,559 + \sum 0,220 + 0,220 + 0,272 + 0,192 + 0,287 = 2,140.$$

Сумма отнормированных показателей без абсолютных значений с отнормированными показателями, обладающими абсолютными и относительными значениями по каждому муниципальному району (городскому округу) рассчитывается аналогично.

5. Определим сводный индекс:

$$I_{\text{норм Казань}}^i = 4,090 / 7 * 100\% = 0,584;$$

$$I_{\text{норм Нижнекамск}}^i = 3,142 / 8 * 100\% = 0,393;$$

$$I_{\text{норм Альметьевск}}^i = 2,140 / 7 * 100\% = 0,306.$$

Сводный индекс по каждому муниципальному району (городскому округу) определяется аналогично. По сводному индексу проведем ранжирование. Результаты выборочно приведены в таблице 4 [12–14].

В общем рейтинге инновационного развития муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан за 2016–2019 гг. лидирующие позиции заняли г. Казань (1-е место), Альметьевский (2-е место), Нижнекамский (3-е место) муниципальные районы.

Чистопольский район поднялся в рейтинге на 9 позиций, Алексеевский и Муслимовский районы — на 7 позиций, Тетюшский район —

Таблица 4 — Рейтинг инновационного развития лидеров муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан за 2016–2019 гг.

Наименование муниципального района (городского округа)	Итоговый рейтинг			
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Казань	4	1	1	1
Альметьевский	1	2	2	2
Нижнекамский	3	3	3	3

на 6 позиций. Данные изменения обусловлены снижением уровня зарегистрированной безработицы, увеличением объемов инвестиций в основной капитал (без учета бюджетных средств) и валовой продукции сельского хозяйства и т. д.

Ухудшилось положение в рейтинге Зеленодольского (–11 позиций), Кайбицкого (–6 позиций), Сабинского (–7 позиций) муниципальных районов. Обусловлено это увеличением уровня зарегистрированной безработицы, снижением объема общей площади жилых домов, введенных в эксплуатацию и объема валовой продукции сельского хозяйства др.

Покупательная способность заработной платы (соотношение средней начисленной заработной платы к минимальному потребительскому бюджету) в 2019 году составила 2,31 раза. Максимальное значение данного показателя в Верхнеуслонском (4,06 раза), Новошешминском (3,81 раза) и Лаишевском (3,64 раза) муниципальных районах. Минимальное значение показателя — в Камско-Устьинском (1,91 раза), Мензелинском (1,92 раза), Рыбно-Слободском (1,96 раза) муниципальных районах.

По состоянию на 1 января 2020 г. уровень зарегистрированной безработицы в республике составил 0,54%. В 30 муниципальных образованиях данный показатель ниже среднереспубликанского значения. Наименьший уровень безработицы зарегистрирован в Актанышском (0,17%), Аксубаевском (0,17%), Лаишевском (0,14%) муниципальных районах. Наибольший — в Елабужском (1,08%), Зеленодольском (0,86%), Агрызском (0,82%), Нижнекамском (0,79%) и Альметьевском (0,74%) муниципальных районах.

В Республике Татарстан объем добавленной стоимости предприятий в 2019 году на душу

населения составил 284,81 тыс. руб. Среди муниципальных образований наибольший объем добавленной стоимости на душу населения приходится на Альметьевский (1473,77 тыс. руб.), Черемшанский (992,07 тыс. руб.) и Новошешминский (940,49 тыс. руб.) муниципальные районы. Минимальное значение данного показателя зафиксировано в Тетюшском (21,84 тыс. руб.), Арском (27,06 тыс. руб.) и Спасском (19,65 тыс. руб.) муниципальных районах.

За январь — декабрь 2019 г. в республике введено в эксплуатацию 2 675 529 кв. м общей площади жилья. Наибольшая площадь жилья на душу населения введена в Пестречинском (4,224 кв. м), Верхнеуслонском (2,488 кв. м) и Лаишевском (2,505 кв. м) муниципальных районах, наименьшая — в Черемшанском (0,269 кв. м), Дрожжановском (0,277 кв. м) и Аксубаевском (0,248 кв. м) муниципальных районах.

За январь — декабрь 2019 г. объем отгруженной промышленной продукции собственного производства по чистым видам экономической деятельности по полному кругу предприятий Республики Татарстан составил 2876,96 млрд руб. Основной объем промышленной продукции приходится на следующие муниципальные образования (табл. 5) [13–14].

В расчете на душу населения объем отгруженной продукции в среднем по республике составил 737,94 тыс. руб. Среди муниципальных образований республики наиболее высокие результаты по этому показателю в Альметьевском (4794,09 тыс. руб.), Нижнекамском (1933,82 тыс. руб.) и Новошешминском (1651,37 тыс. руб.) муниципальных районах.

За январь — декабрь 2019 г. налоговые и неналоговые доходы на душу населения по

Таблица 5 — Показатели промышленного производства в 2019 году

Муниципальные образования — лидеры	Отгрузка, млн руб.	% в Республике Татарстан
Альметьевский район	997 391,4	34,67
Нижнекамский район	532 805,2	18,52
г. Казань	430 622,1	14,97
г. Набережные Челны	348 893,7	12,13
Елабужский район	131 892	4,58
Республика Татарстан	2 876 959,5	100,0

Республике Татарстан составили 12 714 руб. Наибольшие значения данного показателя наблюдаются в Сабинском (69 495 руб.), Верхнеуслонском (19 708 руб.) и Черемшанском (16 080 руб.) муниципальных районах. Минимальное значение в Арском (9344 руб.), Дрожжановском (9256 руб.), Рыбно-Слободском (9216 руб.) муниципальных районах.

В 2019 году в Республике Татарстан инвестиции в основной капитал (без бюджетных средств) составили 359 213,2 млн руб. или 92,14 тыс. руб. на душу населения. Среди муниципальных образований наибольший объем по данному показателю на душу населения приходится на Нижнекамский (215,29 тыс. руб.), Пестречинский (232,92 тыс. руб.) и Новошешминский (545,87 тыс. руб.) муниципальные районы.

Таким образом, уровень конкурентоспособности региональной инновационной системы в целом зависит от конкурентоспособности и инновационной восприимчивости входящих в регион муниципальных образований. Все муниципальные образования Республики Татарстан целесообразно систематизировать в три группы:

1) высокоразвитые — к ним относятся г. Казань, г. Набережные Челны, Альметьевский, Нижнекамский, Тукаевский, Елабужский, Лаишевский, Новошешминский, Лениногорский, Пестречинский, Азнакаевский, Высокогорский, Нурлатский муниципальные образования. В этих муниципальных образованиях развиты нефтехимическая промышленность, машиностроение, газопереработка, металлургия и другие отрасли производства;

2) средний уровень развития — к ним относятся Верхнеуслонский, Зеленодольский, Камско-Устьинский и другие муниципальные образования. В этих муниципальных образованиях преобладают производство кирпича, добыча щебня и известковой муки, добыча, переработка гипса и производство гипсовых материалов, а так же сельское хозяйство;

3) низкий уровень развития — к ним относятся Сабинский, Мамадышский, Чистопольский и другие муниципальные образования. В данных муниципальных образованиях ведущее место занимает сельское хозяйство. Также в этих муниципальных образованиях преобладают производство верхней одежды, изготовление и установка различных видов металлоконструкций, производство противопожарного, сантехнического и сельскохозяйственного оборудования, производство товаров народного потребления и т. д.

В общем рейтинге инновационного развития муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан за 2016–2019 гг. лидирующие позиции заняли г. Казань, Альметьевский и Нижнекамский муниципальные районы.

В рассматриваемой региональной инновационной системе реализуются множество программ для увеличения инновационного потенциала территории. В 2016 году Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.01.2016 № 44 создана первая в России территория опережающего социально-экономического развития (далее — ТОСЭР) в моногороде — ТОСЭР «Набережные Челны». В 2017 году Постановлениями Правительства Российской Федерации №№ 1609, 1610

и 1611 приняты решения о создании ТОСЭР на территории моногородов Нижнекамск, Чистополь и Зеленодольск соответственно.

Функционирование вышеуказанных ТОСЭР позволило создать более 17 000 новых рабочих мест и привлечь в экономику республики инвестиции в размере 62,1 млрд руб., в том числе капитальные вложения около 34,3 млрд руб., что способствует росту инновационной активности в регионе.

Улучшение инвестиционного климата, создание для инвесторов комфортных и предсказуемых условий для ведения бизнеса является

одной из приоритетных задач инновационного развития Республики Татарстан [4].

Таким образом, проведенная диагностика рассматриваемой региональной инновационной системы позволяет своевременно и точно определить вектор ее инновационного развития и определить направления повышения конкурентоспособности республики, что позволит сохранить в долгосрочной перспективе ведущую роль Татарстана в общероссийской экономике, а также обеспечить сильные конкурентные позиции в системе международного разделения труда.

Литература

- [1] Алимова Г. С. Исследование региональной конкурентоспособности // Региональная экономика. — Вестник ОрелГИЭТ. — 2017. — № 1 (15). — С. 45–49.
- [2] Антонов Г. Д., Иванова О. П., Тумин В. М. Управление конкурентоспособностью организации. — М. : ИНФРА-М, 2017. — 300 с.
- [3] Баронин С. А., Семеркова Л. Н. Теория и методология управления конкурентоспособностью бизнес-систем. — М. : ИНФРА-М, 2017. — 329 с.
- [4] Воротников А. Конкурентоспособность регионов и задачи региональных властей в области корпоративной политики // Российский экономический журнал. — 2017. — № 7. — С. 94–95.
- [5] Гальвановский М., Жуковская В., Трофимова И. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерении // Российский экономический журнал. — 2016. — № 3. — С. 67.
- [6] Головихин С. А. Проблема диагностики региональной конкурентоспособности // Фундаментальные исследования. — 2018. — № 11. — С. 982–985.
- [7] Данилов И. П. Конкурентоспособность регионов России: подходы, содержание, принципы // Вестник Чувашского университета. — 2017. — № 1. — С. 27–30.
- [8] Дмитриева В. О. Основные подходы и показатели оценки конкурентоспособности регионов // Вестник Запорожского национального университета. — 2018. — № 1 (9) — С. 193–202.
- [9] Назаров Н. Методические подходы к оценке конкурентоспособности региона // Современные технологии управления. — 2017. — № 3 (27). — С. 30–31.
- [10] Неживенко Е. А., Головихин С. А. Формирование теоретических подходов к региональным экономическим исследованиям на основе выявления содержания понятия «конкурентоспособность региона» // Современные проблемы науки и образования. — 2019. — № 5 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.science-education.ru/105-7101>
- [11] Неживенко Е. А. Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования // Социум и власть. — 2017. — № 3 (35). — С. 57–61.
- [12] Республика Татарстан : краткий статистический сборник. — Казань : Татарстанстат, 2020 — 48 с.
- [13] [Электронный ресурс]. — URL: <http://mert.tatarstan.ru>
- [14] [Электронный ресурс]. — URL: <http://tatstat.gks.ru>

GAREEVA Nailya,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Finance and Credit*

E-mail: gareevana5@mail.ru

*V. G. Timiryasov Kazan Innovative University,
Kazan, Russia*

ASSESSMENT OF COMPETITIVENESS OF A REGIONAL INNOVATIVE SYSTEM

To the number of the key problems of modern development of Russia is the problem of sustainable economic development of each of its regions on the basis of consistent reform of market institutions and effective structural modernization of the regional economy. It is possible to achieve a solution to this problem only taking into account the entire range of external and internal factors and conditions affecting the regional economy, which need a comprehensive analysis of the region's significant competitive opportunities. The aim of the research is an objective assessment of the competitiveness of the regional innovation system based on the method of integral indices, the level of innovative development of municipal districts and urban districts. The scientific novelty of the research lies in the complex diagnostics of the competitiveness of the region, which makes it possible to identify both the most favorable prerequisites for their economic growth, and the existing limitations in their economic development.

Key words: *region, regional innovation system, innovative development, competitiveness, the method of integral indices.*

References

- [1] *Alimova G. S. Issledovanie regional'noj konkurentosposobnosti [Research of Regional Competitiveness] // Regional'naya e'konomika. — Vestnik OrelGIE`T [Regional Economy. — OrelGIE`T Bulletin]. — 2017. — No. 1 (15). — Pp. 45–49.*
- [2] *Antonov G. D., Ivanova O. P., Tumin V. M. Upravlenie konkurentosposobnost`yu organizacii [Management of the Competitiveness of the Organization]. — Moscow : INFRA-M, 2017. — 300 p.*
- [3] *Baronin S. A., Semerkova L. N. Teoriya i metodologiya upravleniya konkurentosposobnost`yu biznes-sistem [Theory and Methodology for Managing the Competitiveness of Business Systems]. — Moscow : INFRA-M, 2017. — 329 p.*
- [4] *Vorotnikov A. Konkurentosposobnost` regionov i zadachi regional`ny`x vlastej v oblasti korporativnoj politiki [Competitiveness of Regions and the Tasks of Regional Authorities in the Field of Corporate Policy] // Rossijskij e'konomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]. — 2017. — No. 7. — Pp. 94–95.*
- [5] *Galvanovskiy M., Zhukovskaya V., Trofimova I. Konkurentosposobnost` v mikro-, mezo- i makrourovnevom izmereniyax [Competitiveness in Micro-, Meso- and Macrolevel Dimensions] // Rossijskij e'konomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]. — 2016. — No. 3. — P. 67.*
- [6] *Golovikhin S. A. Problema diagnostiki regional`noj konkurentosposobnosti [Problem of Diagnostics of Regional Competitiveness] // Fundamental`ny`e issledovaniya [Fundamental Research]. — 2018. — No. 11. — Pp. 982–985.*
- [7] *Danilov I. P. Konkurentosposobnost` regionov Rossii: podxody`, sodержanie, principy` [Competitiveness of Russian Regions: Approaches, Content, Principles] // Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. — 2017. — No. 1. — Pp. 27–30.*
- [8] *Dmitrieva V. O. Osnovny`e podxody` i pokazateli ocenki konkurentosposobnosti regionov [Basic Approaches and Indicators of Assessing the Competitiveness of Regions] // Vestnik Zaporozhskogo nacional`nogo universiteta [Bulletin of the Zaporozhye National University]. — 2018. — No. 1 (9). — Pp. 193–202.*
- [9] *Nazarov N. Metodicheskie podxody` k ocenke konkurentosposobnosti regiona [Methodical Approaches to Assessing the Competitiveness of the Region] // Sovremenny`e texnologii upravleniya [Modern Management Technologies]. — 2017. — No. 3 (27). — Pp. 30–31.*
- [10] *Nezhivenko E. A., Golovikhin S. A. Formirovanie teoreticheskix podxodov k regional`ny`m e'konomicheskim issledovaniyam na osnove vy`yavleniya sodержaniya ponyatiya "konkurentosposobnost` regiona" [Formation of Theoretical Approaches to Regional Economic Research on the Basis of Identifying the Content of the Concept of "Competitiveness of the Region"] // Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]. — 2019. — No. 5 [Electronic resource]. — URL: <http://www.science-education.ru/105-7101>*

[11] *Nezhivenko E. A.* Konkurentosposobnost` regiona: metodologicheskie problemy` issledovaniya [Competitiveness of the Region: Methodological Problems of Research] // *Socium i vlast` [Society and Power]*. — 2017. — No. 3 (35). — Pp. 57–61.

[12] *Respublika Tatarstan : kratkij statisticheskij sbornik [The Republic of Tatarstan : a short statistical collection]*. — Kazan : Tatarstanstat, 2020. — 48 p.

[13] [Electronic resource]. — URL: <http://mert.tatarstan.ru>

[14] [Electronic resource]. — URL: <http://tatstat.gks.ru>

УДК 330:630:340(470)

ИКСАНОВ Радмир Аузагиевич,старший преподаватель кафедры политологии,
истории и теории государства и праваE-mail: iksanov333@yandex.ru

Башкирский институт социальных технологий (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа, Россия

ВЛАДИМИРОВ Игорь Александрович,кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права, процесса и цивилистикиE-mail: docentufa@mail.ru

Башкирский институт социальных технологий (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа, Россия

ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Контрольно-надзорная деятельность в сфере лесопользования является сложным видом деятельности органов государственной власти по выявлению, пресечению и предупреждению лесонарушений. Целью данного исследования являются анализ динамики и характера нарушений в лесном секторе. При принятии новых нормативных актов, регулирующих контрольно-надзорную деятельность в сфере лесопользования, законодателю необходимо учитывать требования административной реформы, регуляторной гильотины, риск-ориентированного подхода. Актуальность работы состоит в том, что данная проблема существует не только в России, но и за ее пределами, поэтому ее решение должно вырабатываться и реализовываться на мировом уровне, объединенными усилиями государств в сфере лесного хозяйства. Авторы считают, что основной проблемой, из-за которой происходят лесонарушения, является недостаточная заинтересованность государства выводить данную отрасль промышленности на мировой уровень. Проблемы в сфере лесопользования, контрольно-надзорной деятельности негативно влияют на развитие мировой и, как следствие, региональной экономики.

Ключевые слова: лесопользование, контрольно-надзорная деятельность, регуляторная гильотина, лесонарушение, незаконные рубки леса, контрабанда лесной продукции, региональная экономика.

Для цитирования: Иксанов Р. А., Владимиров И. А. Значение государственного надзора в сфере лесопользования для развития региональной экономики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 24–30. DOI: [10.47598/2078-9025-2020-3-48-24-30](https://doi.org/10.47598/2078-9025-2020-3-48-24-30)

Лесонарушения представляют собой одну из глобальных проблем современности. Большая часть России занята лесными территориями, но лишь 3% от всех видов промышленности приходится на лесной сектор. Доля эксплуатационных лесов в России составляет чуть менее половины всей площади земель лесного фон-

да. В современных условиях существует объективная необходимость как защиты леса — ценного природного ресурса, так и прав граждан на благоприятную окружающую среду [7]. Небольшой процент лесов на данный момент подлежит хозяйственному освоению. Нехватка сырья является основной причиной лесонару-

шений в России. Неурегулированное законодательством антропогенное воздействие на лесные ресурсы причиняет вред лесным экологическим системам. Это становится характерным для стран всего современного мира [5].

К контрольно-надзорной деятельности в сфере лесопользования предъявляются определенные требования со стороны различных субъектов правовых отношений. К ним относят рациональное природопользование (мониторинг лесных территорий, сохранение биоразнообразия, жизнеспособности древесных растений, выявление и сохранение редких и исчезающих видов древесных растений) и соблюдение законодательства, а также международных договоров и соглашений, норм и принципов. Анализ соотношения количества проверок, ежегодно осуществляемых контрольными органами в сфере лесопользования и количества подконтрольных субъектов, ежегодно охватываемых контрольными органами, показывает, что одна проверка проходит в среднем около одного раза в 3 года [6, с. 60–72]. Это означает, что фактически в сфере лесопользования интересы физических и юридических лиц и общества в целом не защищены системой государственного контроля и надзора. Во время исследований авторами был проведен обзор литературы в области организации и осуществления мероприятий по выявлению видов и характеру правонарушений в лесном секторе в близлежащих странах.

В силу того, что экологические преступления в наше время совершаются с большей частотой и масштабами, существует необходимость введения наиболее усовершенствованной уголовной ответственности за конкретные виды преступлений в сфере лесопользования. При проведении сравнительного анализа правового регулирования в сфере лесопользования в разных странах в учет следует принимать форму государства конкретной страны, экономическую ситуацию и процент площади покрытых лесом земель к территории анализируемого государства. Изучением вопроса влияния антропогенных факторов на лесные экосистемы и количества правонарушений в лесах ежегодно занимаются ученые Бутана [10]. За последние 30 лет внесен огромный вклад в изучение влияния незаконных рубок и сбыта дре-

весины на состояние экономики государства, была четко прослежена и подтверждена закономерность того, как уровень экономического благосостояния в лесном секторе сказывается на количестве лесных правонарушений и увеличении незаконного рынка сбыта лесной продукции [12]. Чуть позже данные исследования были дополнены рядом индонезийских ученых, результаты работ базировались на конкретном узкоспециальном лесонарушении — незаконной вырубке лесов и контрабанде [11]. Было установлено, что низкий уровень подготовки кадров природоохранной инспекции тесно связан с высоким уровнем лесонарушений [13].

Некомпетентность и незнание юридических формальных аспектов своей профессии приводит к тому, что фактически сотрудники становятся соучастниками лесных правонарушений. Исследованиями в сфере лесонарушений были раскрыты проблемы в области правовых норм, которые регулировали бы вопросы по делам об административных правонарушениях в лесном хозяйстве [6, с. 41–53]. Для их решения необходимо усовершенствование подготовительной базы для обучающихся юридических специальностей и будущих специалистов в сфере охраны природных ресурсов и рационального лесопользования [9]. Целесообразным представляется использование новейшей информационно-правовой базы для подготовки и обеспечения образовательной деятельности в сфере лесопользования для обучающихся высших учебных заведений [2]. При финансовой поддержке государственных университетов с целью развития и содействия научным исследованиям были внесены дополнения в нормативно-правовую базу лесного сектора экономики и в область изучения лесного хозяйства в целом [14].

На протяжении многих лет ряд европейских ученых занимались институциональным развитием в условиях неконтролируемого и нерационального использования природных ресурсов, в результате чего были выработаны положения по совершенствованию нормативно-правовой базы зарубежных стран, при реализации которых использование природных ресурсов не приводит к нарушению законодательства [3]. В практической деятельности

в результате реализации данных положений наблюдалась максимальная эффективность использования лесных и природных ресурсов при существующем развитии технологий и техники в сфере лесопользования. Анализ и исследования канадских специалистов в области политики устойчивого рационального лесопользования привели к созданию новых предложений в политике рационального и неистощительного использования природных ресурсов с максимальной эффективностью, то есть максимально полное их использование, экономное расходование с наименьшими потерями при существующем уровне развития технологий [4]. Правовое регулирование рационального лесопользования зависит от фиксации в законодательстве стран мира принципа рационального использования имеющихся лесных ресурсов и понимания относимой возобновляемости лесных ресурсов. Приоритетным вопросом остается наращивание устойчивости природных экологических систем к антропогенным факторам и создание единой нормативно-правовой базы в сфере предупреждения лесонарушений.

В России же нарушения законодательства в сфере лесопользования совершаются, как правило, на территориях с большой площадью, занимаемой лесными насаждениями, древесина которых обладает высокой товарностью. Одним из таких районов стала Республика Башкортостан, в которой лесные территории занимают более 60% площади. Здесь сосредоточены ценные и уникальные по своему составу древесные растения. Объекты исследования показывают, каким образом влияют различные факторы на лесонарушения в зависимости от разных лесорастительных условий и видового состава древесных растений. Так особо ценной породой в Республике Башкортостан является липа мелколистная, которая является медоносной культурой и становится объектом для незаконной вырубki и дальнейшей реализации. Помимо липовых лесов в зоне Башкирского Предуралья уничтожаются березовые и дубовые насаждения с целью заготовки древесины. В горно-лесной зоне Республики Башкортостан под влиянием вертикальной поясности произрастает сосна обыкновенная, которая также является объектом

добычи для браконьеров. Это свидетельствует о наличии явных пробелов в системе правового регулирования контрольно-надзорной деятельности не только в Республике Башкортостан, но и во всей стране.

Особенности контрольно-надзорной деятельности в сфере лесопользования в исследуемых регионах касаются риск-ориентированного подхода. Если обратить внимание на последствия того, что означает внедрение риск-ориентированного подхода для государственного контроля и надзора, можно увидеть, что изменение частоты плановых проверок практически не влияет на его результаты. Так, в лесничествах отдельных субъектов России в последние 5 лет внеплановые рейды инспекторов природоохранной инспекции происходили не чаще, чем 2 раза в месяц (в течение туристического сезона). Внедрение риск-ориентированного подхода не привело к каким бы то ни было позитивным результатам, потому что внедрение риск-ориентированного подхода должно распространяться не только на периодичность плановых проверок, но и на традиционные формы контроля.

В системе государственного контроля в сфере лесопользования в России возникает вопрос реализации реформы регуляторной гильотины, связанный с тем, сколько видов государственного контроля действует в сфере лесопользования Российской Федерации. В регуляторной гильотине разрешительной деятельности состав обязательных требований при осуществлении государственного контроля и надзора в сфере лесопользования имеет прямое отношение к явлению административной ответственности. Вопросы законности привлечения виновных лиц к административной ответственности в сфере лесопользования сейчас находятся в основном вне фокуса внимания тех органов, которые занимаются реформой контрольно-надзорной деятельности. Виды разрешительной деятельности в сфере лесопользования и контроль иногда блокируют механизм государственного регулирования лесопользования. Например, при переходе земель лесного фонда во временное пользование арендаторов возникают вопросы наложения юридической ответственности за сохранность насаждений и состояния экологических

лесных систем. Как правило, со стороны арендаторов земель лесного фонда мероприятия по сохранению и восстановлению должным образом не проходят. Поэтому контрольно-надзорная деятельность в сфере лесопользования должна применяться при высокой организованности субъектов правоприменительной деятельности. Так, арендованные земли участков лесничеств после их использования находятся в неудовлетворительном состоянии. При отсутствии надзора частота незаконных рубок увеличивается. Рекреация данных земельных участков в большинстве случаев приводит к деградации растительных сообществ и исчезновению редких видов древесной растительности. Это становится характерным для лесных территорий Республики Башкортостан Абзелиловского, Белорецкого, Уфимского, Мелеузовского и Янаульского районов. Здесь недобросовестные арендаторы также нерационально используют природные богатства и занимаются незаконной добычей и сбытом древесины ценных пород древесных растений.

Эксперты контрольно-надзорной деятельности в сфере лесопользования считают, что обязательные требования при осуществлении государственного контроля и надзора в сфере лесопользования можно толковать по-разному. Авторы считают, что обязательные требования в сфере административной ответственности за нарушения в сфере лесопользования могут противоречить друг другу, а также требованиям других органов контроля. Соответственно, возникает вопрос пересмотра обязательных требований при осуществлении государственного контроля и надзора в сфере лесопользования.

Учитывая актуальность исследования, мы считаем необходимым пересмотреть содержание и частоту мероприятий контрольно-надзорной деятельности в сфере лесопользования не только в Республике Башкортостан, но и по всей стране, несмотря на сложность построения системы государственного контроля в сфере лесопользования с точки зрения нормативно-правового регулирования.

Контроль в сфере лесопользования подразделяется по различным уровням власти на федеральный и региональный. В правоприменительной практике теоретически необходимо

упразднить дублирование контроля и связанных с ним негативных последствий. Изменения в действующее лесное законодательство предлагается внести касательно объединения хозяйственных и административных функций одной организации. Анализ планов проверок двух видов (региональной и федеральной), которые занимаются лесным и пожарным контролем позволил определить, что примерно 10–14% подконтрольных субъектов, которые включены в план проверки федерального органа также включены в план проверок органов регионального контроля в сфере лесопользования. Это является причиной споров между различными уровнями органов в рамках контрольно-надзорной деятельности. Количество примеров, где возникает дублирование регионального и федерального контроля достаточно велико и базируется не только на примерах таких регионов как Республика Башкортостан и Краснодарский край. Все виды государственного контроля должны надлежащим образом быть отрегулированы соответствующей нормативно-правовой базой. По каждому из видов государственного контроля должно быть положение, которым бы руководствовались контрольно-надзорные органы того или иного субъекта Российской Федерации. Возникает вопрос количества таких положений, сколько их должно быть при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере лесопользования в нашей стране. Авторы считают, что невозможно проводить сокращение видов государственного контроля, не имея первоначального фиксированного их перечня. Реестр видов государственного контроля на законодательном уровне необходим. В процессе применения регуляторной гильотины в реформе контрольно-надзорной деятельности возникает вопрос, каким образом следует измерять эффективность этих действий и что должно измениться в деловом климате общественных отношений.

Помимо вопросов, изложенных выше, возникают правовые вопросы относительно определения «незаконная рубка» и дальнейшей практики правоприменения. Как отмечает И. С. Шахрай [8], сужение содержания незаконной рубки в лесном законодательстве порождает также проблемы при возмещении

вреда, причиненного нарушением лесного законодательства.

Признание глобального значения лесов, согласие международного сообщества о необходимости борьбы с проблемами уменьшения площади лесов свидетельствуют о процессе

формирования международного лесного права [1]. Решение проблем, в том числе правового характера, в сфере лесопользования, контрольно-надзорной деятельности окажет положительное влияние на развитие мировой и региональной экономики.

Литература

- [1] *Абанина Е. Н.* Внешнеотраслевые тенденции развития лесного права // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 70–73.
- [2] *Бахрах Д. Н., Ренов Э. Н.* Административная ответственность по российскому законодательству : краткий учеб. курс. — М. : Норма, 2004. — С. 12–45.
- [3] *Газиева Э. М., Яковлева Д. С.* Защита прав землевладельцев и землепользователей по законодательству Российской Федерации // Инновационное развитие землеустройства : сб. науч. трудов Межвузовской науч.-практич. конф. «Инновационное развитие землеустройства» (Самара, 20 января 2017 г.). — Самара : Самарская государственная сельскохозяйственная академия, 2017. — С. 23–26.
- [4] *Евстифеев А. С.* Правовые методы повышения эффективности рационального использования земель лесного фонда в Российской Федерации // Земельная реформа и эффективность использования земли в аграрной сфере экономики : мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. «Земельная реформа и эффективность использования земли в аграрной сфере экономики» (Уфа, 23–24 октября 2014 г.). — Уфа : Мир печати, 2014. — С. 385–388.
- [5] *Евстифеев А. С., Иксанов Р. А.* Правовые методы повышения эффективности рационального использования земель лесного фонда в Российской Федерации // Студенческий научный форум 2015. VII Международная студенческая электронная научная конференция [Электронный ресурс]. — URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015011353>
- [6] *Каплунов А. И., Яковлева Т. А.* К вопросу совершенствования правовых норм, регулирующих производство по делам об административных правонарушениях в лесном хозяйстве // Актуальные вопросы публичного права. — 2013. — № 6. — С. 60–72.
- [7] *Мухаметгалиева Ч. И.* Принципы и способы защиты права граждан на благоприятную окружающую среду // Наука молодых — инновационному развитию АПК : мат-лы X Юбилейной Всерос. науч.-практич. конф. молодых ученых (Уфа, 5 декабря 2017 г.). — Уфа : Башкирский государственный аграрный университет, 2017. — С. 149–154.
- [8] *Шахрай И. С.* Ответственность за лесонарушения: проблемные аспекты / Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тезисы докладов Междунар. науч.-практич. конф. (Минск, 26–27 апреля 2018 г.). — Мн. : БГУ, 2018. — С. 242–245.
- [9] *Amy R. Poteete, David Welch.* Institutional development in the face of complexity: developing rules for managing forest resources // Human ecology. — 2004. — No. 32 (3). — Pp. 279–311.
- [10] DoFPS, Forest and Nature Conservation Act of Bhutan. — Thimphu : Department of Forest and Park Services, 1995. — 23 p. [Электронный ресурс]. — URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/bhu7101.pdf>
- [11] *Linkie M., Sloan S., Kasia R., Kiswayadi D., Azmi W.* Breaking the vicious circle of illegal logging in Indonesia [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pubfacts.com/detail/24628366/Breaking-the-vicious-circle-of-illegal-logging-in-Indonesia>
- [12] *Michael R. Pendleton.* Looking the other way: the institutional accommodation of tree theft // Qualitative Sociology. — 1997. — No. 20 (3). — Pp. 325–340.
- [13] *Michael R. Pendleton.* Crime, criminals and guns in "natural settings": exploring the basis for disarming federal rangers // American Journal of Police. — 1996. — No. 4. — Pp. 3–25.
- [14] *Mukerji Chandra.* The great forestry survey of 1669-1671: the use of archives for political reform // Social studies of science. — 2007. — Vol. 37. — No. 2. — Pp. 227–253.

IKSANOV Radmir,

Senior Lecturer at the Department of Political Science, History
and the Theory of State and Law
E-mail: iksanov333@yandex.ru
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia

VLADIMIROV Igor,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
at the Department of Criminal Law, Process and Civil Law
E-mail: docentufa@mail.ru
Bashkir Institute of Social Technologies (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia

THE IMPORTANCE OF STATE SUPERVISION IN THE FIELD OF FORESTRY FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

Control and supervision activities in the field of forest use are a complex type of activity of state authorities to identify, suppress and prevent forest violations. The purpose of this study is to analyze the dynamics and nature of violations in the forest sector. When adopting new regulations governing control and supervision activities in the field of forest use, the legislator must take into account the requirements of the administrative reform, the regulatory guillotine, and the risk-based approach. The relevance of the work lies in the fact that this problem exists not only in Russia, but also beyond its borders, therefore, the solution to this problem must be developed and implemented at the global level, united by the efforts of states in the field of forestry. The authors believe that the main problem due to which forest violations occur is the insufficient interest of the state to bring this industry to the world level. Problems in the field of forest management, control and supervision activities negatively affect the development of the world and, as a consequence, the regional economy.

Key words: forest management; control and supervisory activities; regulatory guillotine; forest violation; illegal logging; smuggling of forest products, regional economy.

References

[1] Abanina E. N. Vneshneotraslevy`e tendencii razvitiya lesnogo prava [Foreign Industry Trends in the Development of Forest Law] // Pravovaya politika i pravovaya zhizn` [Legal Policy and Legal Life]. — 2019. — No. 2. — P. 70–73.

[2] Bakhrakh D. N., Renov E. N. Administrativnaya otvetstvennost` po rossijskomu zakonodatel`stvu : kratkij ucheb. kurs [Administrative Responsibility for the Russian Legislation : a short textbook course]. — Moscow : Norma, 2004. — Pp. 12–45.

[3] Gazieva E. M., Yakovleva D. S. Zashhita prav zemlevladel`cev i zemlepol`zovatelej po zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii [Protection of the Rights of Landowners and Land Users under the Legislation of the Russian Federation] // Innovacionnoe razvitie zemleustrojstva : sb. nauch. trudov Mezhvuzovskoj nauch.-praktich. konf. "Innovacionnoe razvitie zemleustrojstva" (Samara, 20 yanvarya 2017 g.) [Innovative Development of Land Management : collection of articles scientific proceedings of the Interuniversity Scientific-Practical Conference "Innovative Development of Land Management" (Samara, January 20, 2017)]. — Samara : Samara State Agricultural Academy, 2017. — Pp. 23–26.

[4] Evstifeev A. S. Pravovy`e metody` pov`sheniya e`ffektivnosti racional`nogo ispol`zovaniya zemel` lesnogo fonda v Rossijskoj Federacii [Legal Methods of Increasing the Efficiency of Rational Use of Forest Lands in the Russian Federation] // Zemel`naya reforma i e`ffektivnost` ispol`zovaniya zemli v agrarnoj sfere e`konomiki : mat-ly` Vseros. nauch.-praktich. konf. "Zemel`naya reforma i e`ffektivnost` ispol`zovaniya zemli v agrarnoj sfere e`konomiki" (Ufa, 23–24 oktyabrya 2014 g.) [Land Reform and the Efficiency of Land Use in the Agrarian Sphere of the Economy : materials of All-Russian Scientific-Practical Conference "Land Reform and Efficiency of Land Use in the Agricultural Sector of the Economy" (Ufa, October 23–24, 2014)]. — Ufa : Mir pechati, 2014. — Pp. 385–388.

[5] Evstifeev A. S., Iksanov R. A. Pravovy`e metody` pov`sheniya e`ffektivnosti racional`nogo ispol`zovaniya zemel` lesnogo fonda v Rossijskoj Federacii [Legal Methods of Increasing the Efficiency of Rational Use of Forest

Land in the Russian Federation] // Studencheskij nauchny`j forum 2015. VII Mezhdunarodnaya studencheskaya e`lektronnaya nauchnaya konferenciya [Student Scientific Forum 2015. VII International Student Electronic Scientific Conference] [Electronic resource]. — URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015011353>

[6] *Kaplunov A. I., Yakovleva T. A.* K voprosu sovershenstvovaniya pravovy`x norm, reguliruyushhix proizvodstvo po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v lesnom xozyajstve [On the Issue of Improving Legal Norms Governing Proceedings on Cases of Administrative Offenses in Forestry] // Aktual`ny`e voprosy` publichnogo prava [Actual Issues of Public Law]. — 2013. — No. 6. — Pp. 60–72.

[7] *Mukhametgalieva Ch. I.* Principy` i sposoby` zashhity` prava grazhdan na blagopriyatnuyu okruzhayushhuyu sredu [Principles and Methods of Protecting the Right of Citizens to a Favorable Environment] // Nauka molody`x — innovacionnomu razvitiyu APK : mat-ly` X Yubilejnoj Vseros. nauch.-praktich. konf. molody`x ucheny`x (Ufa, 5 dekabrya 2017 g.) [Science of the Young — to Innovative Development of the Agro-Industrial Complex : materials of the X Anniversary All-Russia Scientific-Practical Conference young scientists (Ufa, December 5, 2017)]. — Ufa : Bashkir State Agrarian University, 2017. — Pp. 149–154.

[8] *Shakhrai I. S.* Otvetstvennost` za lesonarusheniya: problemny`e aspekty` [Responsibility for forest violations: problematic aspects] / Vliyanie mezhgosudarstvenny`x integracionny`x processov na razvitie agrarnogo, e`kologicheskogo, prirodosursnogo i e`nergeticheskogo prava : tezisy` dokladov Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Minsk, 26–27 aprelya 2018 g.) [Influence of Interstate Integration Processes on the Development of Agrarian, Environmental, Natural Resource and Energy Law : abstracts of reports of the International Scientific-Practical Conference (Minsk, April 26–27, 2018)]. — Minsk : BSU, 2018. — Pp. 242–245.

[9] *Amy R. Poteete, David Welch.* Institutional development in the face of complexity: developing rules for managing forest resources // Human ecology. — 2004. — No. 32 (3). — Pp. 279–311.

[10] DoFPS, Forest and Nature Conservation Act of Bhutan. — Thimphu : Department of Forest and Park Services, 1995. — 23 p. [Электронный ресурс]. — URL: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/bhu7101.pdf>

[11] *Linkie M., Sloan S., Kasia R., Kiswayadi D., Azmi W.* Breaking the vicious circle of illegal logging in Indonesia [Electronic resource]. — URL: <https://www.pubfacts.com/detail/24628366/Breaking-the-vicious-circle-of-illegal-logging-in-Indonesia>

[12] *Michael R. Pendleton.* Looking the other way: the institutional accommodation of tree theft // Qualitative Sociology. — 1997. — No. 20 (3). — Pp. 325–340.

[13] *Michael R. Pendleton.* Crime, criminals and guns in "natural settings": exploring the basis for disarming federal rangers // American Jurnal of Police. — 1996. — No. 4. — Pp. 3–25.

[14] *Mukerji Chandra.* The great forestry survey of 1669–1671: the use of archives for political reform // Social studies of science. — 2007. — Vol. 37. —No. 2. — Pp. 227–253.

УДК 334.7(470)

ДЖАБАРОВ Курбан Майисович,

аспирант 3-го курса

кафедры мировой экономики, финансов и страхования

E-mail: kurban956@yandex.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, Россия

ИСКИЯЕВ Дмитрий Борисович,

аспирант 3-го курса

кафедры мировой экономики, финансов и страхования

E-mail: dima-iskijaev@mail.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЦЕЛЯХ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ДОТАЦИОННОГО РЕГИОНА РОССИИ

В статье на основе официальной статистики из открытых источников анализируется специфика экономического и бюджетно-финансового положения дотационных регионов. Предметом данного исследования является государственно-частное партнерство как феномен социально-экономического развития общества. Объект исследования — государственно-частное партнерство в современной России. В качестве задач исследования мы определили формулировку определения «государственно-частное партнерство» и изучение современной практики совместной работы бизнеса и государства в решении насущных социально-экономических проблем дотационных регионов. Цель исследования — выработка рекомендаций и предложений по совершенствованию данного инструмента поддержки социального-экономического развития дотационных регионов. Особый акцент делается на развитие государственно-частного партнерства на Дальнем Востоке в рамках реализации современной государственной программы по развитию данного региона. В работе представлены рекомендации по оптимизации государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: дотационный регион, государственно-частное партнерство, концессии, бизнес.

Для цитирования: Джабаров К. М., Искияев Д. Б. Развитие института государственно-частного партнерства в целях стимулирования экономического роста дотационного региона России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 31–37. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-31-37

В условиях нарастания бюджетных ограничений вопрос повышения эффективности бюджетных расходов как на федеральном, так и на региональном уровнях становится все более актуальным. В зоне особого внимания находятся субъекты Российской Федерации, где сосредоточен значительный объем федеральной финансовой помощи, в которой значительную долю составляют федеральные межбюджетные трансферты.

Увеличение доли финансовой помощи со стороны центрального правительства в доходах регионов свидетельствует о том, что налоговые и неналоговые доходы, собранные на территории субъектов Российской Федерации, лишь частично покрывают существующие обязательства по расходам. Налоговый потенциал, в свою очередь, зависит от уровня развития экономики региона, а затраты зависят от затратной специфики территории (она опреде-

ляется развитием инфраструктуры, демографической структурой, системой расселения).

Таким образом, увеличение количества регионов с низкой самообеспеченностью по доходам при прочих равных условиях может быть следствием недостаточного использования внутреннего потенциала территорий и неэффективной модели управления, низкой активности частных инвестиций и особенностей институциональной среды. Основную часть выбранной группы составляют регионы со слаборазвитой экономикой, а также депрессивные в структурном отношении территории. В результате становится все более актуальным объединение усилий государства и бизнеса в решении социально-экономических проблем дотационных регионов в форме государственно-частного партнерства (ГЧП).

Сегодня в научной литературе используются многочисленные определения ГЧП, но нет единого определения, с которым могло бы согласиться большинство ученых и практиков. Следовательно, мы рассматриваем несколько наиболее распространенных определений для данного понятия [7]:

– модель экономического взаимодействия, в рамках которой государство прибегает к сотрудничеству с представителями бизнеса, чтобы расширить возможности как избранного правительства, так и частной компании;

– метод инновационного развития экономики, при котором государство заключает контракты с частными организациями, вкладывающими свои финансовые средства и ресурсы для выполнения определенных социально значимых проектов. Следует отметить, что ответственность в выполнении данных проектов ложится как на государство, так и на участвующие в их реализации корпорации;

– форма организации бизнеса с двумя особенностями: объединение частных и государственных ресурсов (консолидированное предприятие), а также содействие совместному производству за счет улучшения общения и других благ;

– рабочие договоренности, основанные на взаимных обязательствах (сверх того, что предполагалось в любом контракте) между организацией государственного сектора и любой организацией за его пределами;

– партнерство между агентами государственного сектора и бизнеса, включая научные организации и организации системы образования, решающие проблемы в сфере общественных интересов.

Резюмируя рассмотренные определения, ГЧП означает, что частный сектор инвестирует в государственные товары или услуги.

Как мы видим, каждое определение отражает отдельные особенности ГЧП, и разные ученые трактуют это понятие по-разному. Несмотря на существующие разногласия в литературе по природе ГЧП, оно обозначает некоторую форму сотрудничества между государством и частным сектором в рамках одного проекта для получения взаимной выгоды для обеих сторон. Такое определение вбирает в себя как широкие, так и узкие значения концепции ГЧП.

В данной статье ГЧП рассматривается как комплекс среднесрочных и долгосрочных форм взаимодействия государственных органов и бизнеса, направленных на решение социально значимых задач на основе взаимопонимания и выгодных отношений. В рамках данной работы основной акцент сделан на развитие проектов ГЧП в дотационных регионах Российской Федерации. Нам видится, что именно проекты ГЧП способны стать драйвером социально-экономического развития ряда дотационных регионов и снизить уровень их дотационности.

Дотационными регионами принято называть те области (субъекты), которым перечисляют деньги из федерального бюджета. При этом делается это на безвозмездной основе, то есть их не нужно возвращать назад в федеральный бюджет [9].

На сегодняшний день дотационных регионов в Российской Федерации гораздо больше, чем тех, которые полностью обеспечивают себя сами. Приведем рейтинг самых высокодотационных регионов.

По данным статистики на 2020 год, в топ-10 дотационных субъектов, зарабатывающих меньше всего, входят [2]:

1. Лидером в рейтинге по количеству государственных дотаций является республика Дагестан. На 2020 год ей было выдано средств порядка 72 млрд рублей.

2. Затем идет республика Саха, которой выделили 51 млрд рублей.

3. С небольшим отрывом идет Камчатский край.

4. На четвертом месте расположилась Чеченская республика.

5. Алтайскому краю за 2019 год было выдано 26 млрд рублей.

6. Ставропольский край принял 24 291 000 000 рублей.

7. Немного от него отстала Республика Крым.

8. Далее, с небольшим отрывом идет Бурятия.

9. На девятом месте рейтинга расположилась республика Тыва.

10. И замыкает десятку Башкортостан с 17 млрд заемных рублей.

С другой стороны, в научной литературе все большее распространение получает комплексный подход изучения сущности ГЧП. С этой позиции ГЧП представлено как комплексный проект (например, инфраструктурный, который включает в себя множество отдельных задач по строительству и обслуживанию объекта). При таком подходе государственный сектор решает делегировать все задачи или их часть частной компании и пытается найти оптимальную форму контракта для этой операции. С этой точки зрения синергетический эффект отвергается, поскольку проект разбит на части.

Другие авторы используют альтернативный подход и предлагают исследовать ГЧП как совместное производство проекта. Эти теоретические рамки формулируют вопрос, какая форма производства товаров оптимальна: в государственном секторе, частной организации или комбинированный вариант.

И. Ткаченко и М. Евсеева понимают «партнерство» между государственными органами и бизнесом как систему взаимодействия в широком смысле с учетом социальных интересов и необходимых для удовлетворения множества социальных и экономических потребностей [8]. Эти ученые подчеркивают роль общества в системе двусторонних партнерских отношений.

Итак, ГЧП — это долгосрочный и ограниченный во времени институциональный альянс правительства и бизнеса, направленный на реализацию социально значимых проектов под контролем общества, основанный на

взаимовыгодной открытости и прозрачности отношений для всех заинтересованных сторон этого партнерства.

Следует отметить, что в России интеграция партнерства бизнеса и государства идет медленными темпами. Одна из основных причин этого заключается в том, что государство является владельцем промышленной инфраструктуры и минеральных ресурсов страны, а частные компании действуют как наниматели этой собственности. В результате, каждая сторона преследует свои собственные цели и разрабатывает свою собственную стратегию и, следовательно, не стремится к созданию системы законных отношений. Эффективность государства повышается за счет передачи права управления частным предприятиям при сохранении абсолютных прав собственности. Государство не может передать все права собственности корпорациям, поскольку ситуация может выйти из-под контроля в любой момент.

Таким образом, государство оставляет за собой стратегические вопросы ценообразования, ценовой политики, качества обслуживания пользователей, безопасности и передает компании конкретные текущие экономические задачи, такие как управление объектами, инвестиции, что упрощает процесс принятия решений.

М. В. Мильчаков классифицирует ГЧП на две группы: институциональные и договорные [6]:

– договорные ГЧП представлены как конкретный проект, реализуемый в рамках государственно-частного сотрудничества;

– институциональное партнерство существует, когда компания находится в совместной собственности государства и частных инвесторов.

Эта позиция аналогична ракурсу, представленному М. А. Шабашевичем, который обращает внимание на два ключевых подхода [10]:

1) ГЧП как проект с классификацией форм ГЧП, определяющих типы договоров. Этот подход популярен за рубежом, но не в России. Он направлен на продвижение государственной политики в использовании ГЧП как инструмента развития на уровне региона и страны.

2) Стратегический подход предполагает объединение в одном проекте комплекса разных

видов ГЧП. Такой подход предполагает создание множества индивидуальных проектных структур для эффективного социально-экономического развития страны и регионов.

Совместные предприятия — одна из наиболее распространенных форм ГЧП в России, при которой частный сектор участвует в капитале государственного предприятия. Например, акционерные общества являются одним из видов этой формы взаимодействия государства и бизнеса. Нужно отметить, что в российской экономике корпорации с государственным участием представлены достаточно широко и вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие страны. Наиболее крупные из них — ОАО «Газпром» (государственная доля в компании составляет 50%), ОАО «Сбербанк» (доля государства здесь составляет 57%) [3].

Характерная особенность данного вида экономического сотрудничества заключается в том, что уровень возможностей, а соответственно и рисков, находятся в прямой зависимости от государства: чем выше доля государства в определенном проекте, тем ниже спектр возможностей частной корпорации.

Превалирование государственного элемента отражено в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве», в котором отмечается, что данная форма сотрудничества предполагает объединение на конкретный срок ресурсов и возможностей государства и частного капитала. Общее руководство по обеспечению надлежащего качества предоставляемых услуг, выполняемой работы, обеспечение и распределение ресурсов осуществляется органами власти.

Иными словами, ГЧП дает возможность государству:

- частично или полностью предоставить частному бизнесу обязательства по выполнению социально значимых проектов;
- в частичном или полном объеме передать частному бизнесу риски, сопровождающие процесс выполнения работ, а также ответственность за некачественное их выполнение.

С целью совершенствовать сотрудничество государства и бизнеса в Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных

соглашениях» неоднократно вносились изменения, которые значительно расширили права концессионеров. Это дало возможность реализовать ряд социально значимых проектов в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Ханто-Мансийском автономном округе, Рязанской области [5], успешный опыт которых следует применять в дотационных регионах.

В качестве примера положительного опыта развития ГЧП в регионах приведем Дальний Восток. В 2015 году для реализации инвестиционных проектов на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона объем федеральных субсидий юридическим лицам на финансирование инфраструктурных затрат и присоединение к электрическим и газовым сетям составил 2,7 млрд рублей. В 2012 году было выделено 15 млрд руб., а в 2015 — 1,57 млрд руб. для реализации приоритетных инвестиционных проектов на территориях Дальнего Востока и Байкальского региона в виде имущественного взноса Российской Федерации в ГК «Внешэкономбанк».

Министерство экономического развития Российской Федерации опубликовало данные всероссийского рейтинга за 2019 год. Приамурье заняло 1-е место в Дальневосточном федеральном округе по развитию ГЧП и 12-е — по стране. Главный критерий оценки — активность инвесторов в создании и реконструкции важных государственных объектов без привлечения бюджетных средств.

Один из ярких примеров ГЧП в Приамурье — трансграничный мост через Амур, соединяющий Благовещенск и Хэйхэ. Строительство крупного инфраструктурного объекта обеспечило условия для создания новых инвестиционных проектов без привлечения бюджетных средств на прилегающих территориях. Так, в этом году начнется строительство транспортно-логистического комплекса в зоне трансграничного мостового перехода, которое обойдется более чем в 7 млрд рублей.

Еще один ключевой объект — новый международный терминал в аэропорту Благовещенск. На его создание планируется привлечь 2,8 млрд рублей. Концессионное соглашение с инвестором позволит увеличить пропускную способность аэропорта почти в 4 раза — с 80 до 300 пассажиров в час.

В настоящее время рассматривается использование механизмов ГЧП в качестве дополнительного инструмента для привлечения инвестиций. В Амурской области есть недофинансированные проекты, в том числе с высокой степенью проработки и подготовленной документации. Сейчас изучаются лучшие практики из регионов и финансовых институтов для проектов ГЧП. В планах — согласование основных проектов в регионе, оценка возможности уступок по отложенным проектам и при недостаточном финансировании.

Уровень развития в сфере ГЧП является одним из важных индикаторов, влияющих на позицию региона в Национальной квалификации состояния инвестиционного климата. Он оценивает усилия местных властей по созданию благоприятной деловой среды и выявляет передовой опыт. По итогам 2018 года Амурская область заняла 37-е место. Губернатор области Василий Орлов поставил задачу войти в тридцатку лидеров рейтинга [1].

Камчатский край занял 2-е место среди регионов Дальневосточного федерального округа в рейтинге по уровню развития ГЧП в 2019 году, уступив только Амурской области. Это результат целенаправленных усилий региональных и муниципальных властей по созданию благоприятных условий для реализации проектов в этой сфере. В 2017 году Камчатка заняла 59-е место в общем рейтинге ГЧП в субъектах Российской Федерации, а в последние годы показывает стабильный рост. Следует отметить, что оценка каждого региона состоит из двух составляющих: условий, созданных в субъекте для реализации проектов, а также опыта их реализации. По первому показателю Камчатский край занимает 2-е место среди всех регионов России, уступая лидеру лишь десятый балл. Опыт реализации проектов также растет из года в год. В настоящее время на муниципальном уровне реализуется около 60 концессионных договоров в сфере жилищно-коммунального хозяйства [4].

Пожалуй, наиболее крупным социально-значимым проектом в Российской Федерации в области ГЧП является строительство и модернизация системы водоснабжения и водоотведения в городе Волгограде. ООО «Концессия водоснабжения» разместила облигации стои-

мостью 1,5 млрд руб. сроком на 15 лет. Общая стоимость данного проекта оценивается в 56 млрд рублей [5].

Также Минздрав планирует запустить концессионные проекты в области медицины и обеспечения сохранности окружающей среды на федеральном уровне.

Следует обратить внимание на следующие проекты:

а) строительство полигона для захоронения твердых бытовых отходов в Челябинской области. Исполнителем проекта является ЗАО «Отходы Менеджмент» и Правительство Челябинской области (стоит отметить, что это один из первых проектов ГЧП в данном регионе);

б) строительство четвертого моста через р. Обь в Новосибирске. На сегодняшний день этот проект одобрен Главной государственной экспертизой, и ожидается его финансирование на основе средств, полученных от внедрения системы «Платон»;

в) концессионное соглашение о строительстве моста через р. Лену в Якутске. Данный проект реализуется совместными усилиями «Росавтодора» и китайской компании SinoHydroc;

г) строительство онкологического и радиологического центров в Московской области (в городах Подольск и Балашиха). Проект уже прошел стадию оформления, ожидается поступление финансирования от ОАО «Газпромбанк»;

д) инициирован процесс подготовки концессионного проекта строительства высокоскоростной железнодорожной линии Москва-Казань. Проект проходит стадию проектно-сметной документации.

Для улучшения ГЧП в сфере инноваций в дотационных регионах мы предлагаем усилить работу в направлении:

1) нормативно-правового обеспечения взаимодействия государства и бизнеса при разработке и реализации проектов. На сегодняшний день нормативно-правовую базу составляют совокупность федеральных и региональных законов, а также внутренние правовые акты;

2) разработки законов и правил, которые обеспечат межведомственное взаимодействие различных органов власти как фе-

дерального, так и регионального уровней, при разработке и реализации проектов ГЧП. В данном направлении необходимо расширить перечень прав регионального правительства.

Таким образом, мы видим, что проблема нормативно-правового обеспечения ГЧП в дотационных регионах на сегодняшний день остается актуальной и требует дальнейшего усовершенствования.

Литература

- [1] Амурская область стала лидером на Дальнем Востоке по развитию государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.ampravda.ru/2020/02/28/094228.html> (дата обращения: 10.08.2020).
- [2] Дотационные регионы в России и их рейтинг [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosinfostat.ru/dotatsionnye-regiony> (дата обращения: 10.08.2020).
- [3] Доценко И. В. Дальневосточный международный экономический форум // Российская газета [Электронный ресурс]. — URL: www.rg.ru (дата обращения: 10.08.2020).
- [4] Камчатка вторая на Дальнем Востоке по развитию сферы государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. — URL: <https://pressa41.ru/society/kamchatka-vtoraya-na-dalnem-vostoke-po-razvitiyu-sfery-gosudarstvenno-chastnogo-partnyerstva/> (дата обращения: 10.08.2020).
- [5] Литвинова Н. В. Горячая точка на карте туризма // Эксперт. — 2019. — № 39 (772) [Электронный ресурс]. — URL: www.expert.ru (дата обращения: 10.08.2020).
- [6] Мильчаков М. В. Высокодотационные регионы России: условия формирования бюджетов и механизмы государственной поддержки // Финансовый журнал. — 2017. — № 1. — С. 22–38.
- [7] Печенова А. В. Государственная поддержка региональных инвестиционных проектов, реализуемых на принципах ГЧП // Рынок ценных бумаг. — 2017. — № 8. — С. 15–21.
- [8] Ткаченко И. Н., Евсеева М. В. Стейкхолдерская модель корпоративного управления в проектах государственно-частного партнерства // Управленческие науки. — 2018. — № 1 (10). — С. 26–33 [Электронный ресурс]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21586079> (дата обращения 10.08.2020).
- [9] Хуторова Н. А., Искияев Д. Б. Проблемы низкой эффективности современного механизма бюджетного финансирования высокодотационных регионов Российской Федерации // Финансовая аналитика. — 2020. — № 13. — С. 183–189.
- [10] Шабашевич М. А. Эффективность реализации инфраструктурных проектов ГЧП в России [Электронный ресурс]. — URL: www.kpmg.com (дата обращения: 10.08.2020).

JABAROV Kurban,

3rd year postgraduate student

Department of World Economy, Finance and Insurance

E-mail: kurban956@yandex.ru

Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

ISKIYAEV Dmitry,

3rd year postgraduate student

Department of World Economy, Finance and Insurance

E-mail: dima-iskijaev@mail.ru

Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN ORDER TO STIMULATE ECONOMIC GROWTH IN THE SUBSIDIZED REGION OF RUSSIA

On the basis of official statistics from open sources, the article analyzes the characteristics of the economic, budgetary and financial situation of the subsidized regions. The subject of this research is the public-private partnership as a phenomenon of the socioeconomic development of society. The object of the research is the public-private partnership in modern Russia. As objectives of the study, we have identified the formulation of the definition of the concept of "public-private partnership" and the study of the modern practice of joint

work of companies and the State to address urgent socioeconomic problems. The objective of the study is to develop recommendations for proposals to improve this tool to support the socio-economic development of the subsidized regions. The novelty of the study lies in the fact that special emphasis is placed on the development of public-private partnerships in the Far East as part of the implementation of a modern state program for the development of this region. In conclusion, the document presents recommendations to optimize public-private partnerships.

Key words: subsidized region, public-private partnership, concessions, business.

References

[1] Amurskaya oblast` stala liderom na Dal`nem Vostoke po razvitiyu gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [The Amur Region Has Become a Leader in the Far East in the Development of Public-Private Partnership] [Electronic resource]. — URL: <https://www.ampravda.ru/2020/02/28/094228.html> (date of the application: August 10, 2020).

[2] Dotacionny`e regiony` v Rossii i ix rejting [Subsidized Regions in Russia and Their Rating] [Electronic resource]. — URL: <https://rosinfostat.ru/dotatsionnye-regiony> (date of the application: August 10, 2020).

[3] Dotsenko I. V. Dal`nevostochny`j mezhdunarodny`j e`konomicheskij forum // [Far Eastern International Economic Forum] // Rossijskaya gazeta [Russian Newspaper] [Electronic resource]. — URL: www.rg.ru (date of the application: August 10, 2020).

[4] Kamchatka vtoraya na Dal`nem Vostoke po razvitiyu sfery` gosudarstvenno-chastnogo partnerstva [Kamchatka is the Second in the Far East for the Development of the Sphere of Public-Private Partnership] [Electronic resource]. — URL: <https://pressa41.ru/society/kamchatka-vtoraya-na-dalнем-vostoke-po-razvitiyu-sfery-gosudarstvenno-chastnogo-partnyerstva/> (date of the application: August 10, 2020).

[5] Litvinova N. V. Goryachaya tochka na karte turizma // [Hot spot on the Map of Tourism] // E`kspert [Expert]. — 2019. — No. 39 (772) [Electronic resource]. — URL: www.expert.ru (date of the application: August 10, 2020).

[6] Milchakov M. V. Vy`sokodotacionny`e regiony` Rossii: usloviya formirovaniya byudzhetrov i mexanizmy` gosudarstvennoj podderzhki // [Highly Subsidized Regions of Russia: Conditions for the Formation of Budgets and Mechanisms of State Support] // Finansovy`j zhurnal [Financial Journal]. — 2017. — No. 1. — Pp. 22–38.

[7] Pechenova A. V. Gosudarstvennaya podderzhka regional`ny`x investicionny`x proektov, realizuemy`x na principax GChP // [State Support of Regional Investment Projects, Implemented on the Principles of PPP] // Ry`nok cenny`x bumag [Securities Market]. — 2017. — No. 8. — Pp. 15–21.

[8] Tkachenko I. N., Evseeva M. V. Stejkholderskaya model` korporativnogo upravleniya v proektax gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // [Stakeholder Model of Corporate Governance in Public-Private Partnership Projects] // Upravlencheskie nauki [Management Sciences]. — 2018. — No. 1 (10). — Pp. 26–33 [Electronic resource]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21586079> (date of the application: August 10, 2020).

[9] Khutorova N. A., Iskiyayev D. B. Problemy` nizkoj e`ffektivnosti sovremennogo mexanizma byudzhetnogo finansirovaniya vy`sokodotacionny`x regionov Rossijskoj Federacii // [Problems of Low Efficiency of the Modern Mechanism of Budgetary Financing of Highly Subsidized Regions of the Russian Federation] // Finansovaya analitika [Financial Analytics]. — 2020. — No. 13. — Pp. 183–189.

[10] Shabashevich M. A. E`ffektivnost` realizacii infrastruktury`x proektov GChP v Rossii [Effectiveness of the Implementation of Infrastructure PPP Projects in Russia] [Electronic resource]. — URL: www.kpmg.com (date of the application: August 10, 2020).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 331.5.024.5:378.4(470.57)

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна,

доктор политических наук, доцент

E-mail: ufabist@ufabist.ru

Башкирский институт социальных технологий (филиал)

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Уфа, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И РЫНОК ТРУДА: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Статья посвящена актуальным вопросам реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в условиях пандемии коронавируса. Автор анализирует ситуацию рынка труда в России в целом и в Республике Башкортостан в частности, позицию профсоюзов к сложившейся ситуации; акцентирует внимание на значимости системы образования в формировании базовых умений и ключевых компетенций обучающихся для повышения производительности труда, необходимости обмена лучшими технологиями и практиками, в том числе в рамках Туринского процесса.

Ключевые слова: национальный проект, рынок труда, безработица, производительность труда, коронавирусы, профессиональные компетенции, Туринский процесс.

Для цитирования: Нигматуллина Т. А. Профессиональные компетенции и рынок труда: вызовы времени // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 38–45. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-38-45

Ситуация, сложившаяся в условиях пандемии коронавируса, не могла не сказаться негативно на качестве жизни ее граждан. Согласно статистике Росстата по работающему населению и средней зарплате, оборот экономики снизился от 3 до 4 триллионов рублей. ВВП в 2020 году, по всей видимости, снизится в рамках 3,5–4%. По оценкам экспертов, восстановление может занять от 1 до 4 лет, быть L-образным или V-образным, в зависимости от эффективности антикризисных мер, принятых правительством, и цен на рынке нефти [4].

В этих условиях особого внимания требует реализация национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости», включающего в себя федеральный проект по внедрению управленческих решений, способ-

ствующих росту производительности труда, — добиться повышения темпов прироста ВВП в ее «органическом» варианте, через рост производительности труда — за последние полгода стала еще более актуальна, поскольку от ее реализации отчасти зависят темпы посткризисной динамики промпроизводства и ВВП на горизонте минимум нескольких лет» [8].

Нельзя забывать и о том, что сегодня, как никогда ранее, важно продолжать поддерживать сформулированную МОТ концепцию, согласно которой в качестве стержня социального, экономического и экологического развития выступает достойный труд, обеспечивающий сбалансированность и социальную справедливость. Его каркас формируют четыре основы, необходимые для достижения устойчивого экономического роста: это фун-

даментальные права в сфере труда; эффективная занятость; социальная защита и социальный диалог [10].

Вместе с тем ситуация с пандемией коронавируса, охватившая весь мир, заставила изменить сложившиеся стереотипы, с иных позиций взглянуть на состояние рынка труда, оценить новые условия и искать нестандартные решения для ответа на вызовы времени.

Эпидемия привела к временному закрытию предприятий, падению объемов производства и, соответственно, снижению производительности труда. Исследование, проведенное в июне 2020 г. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, показало, что каждый второй российский работник сегодня испытывает повышенный риск увольнения или ухудшения характеристик занятости. С наибольшими рисками сокращения трудовых доходов в результате эпидемии сталкиваются женщины, молодежь, работники с низким уровнем образования, а также жители областных центров... Среди возрастных групп максимальный риск ухудшения статуса занятости наблюдается среди молодых работников (до 30 лет) — среди них доля уязвимых составляет 57% [5].

Не менее тяжелая ситуация сложилась и в Республике Башкортостан, достаточно стабильном российском регионе. По официальным данным, в июне 2020 года число зарегистрированных безработных увеличилось в 3,9 раза, а в качестве безработных в республике зарегистрировано более 71 тысяч человек. За неделю прирост составил 4790 человек» [1]. С начала года статус безработного получили 118 575 жителей республики, что в 3,8 раза больше, чем за январь — июль 2019 года (30 890) [9]. На 3 сентября общий показатель безработицы достиг уже 6,14% [2]. При таких показателях говорить о производительности труда вряд ли имеет смысл.

Вместе с тем подчеркнем, что приоритетом для государства по-прежнему остается позиция Международной организации труда (МОТ), согласно которой, чтобы сохранять приверженность целям социальной справедливости, МОТ должна уделять приоритетное внимание положению тех, кто наиболее уязвим — людям труда. А это значит, что необходимы дополни-

тельные меры, направленные на снижение напряженности на рынке труда поддержки граждан. Справедливости ради отметим, что наше государство сегодня делает немало, чтобы поддержать и работодателей, и граждан, оказавшихся в непростой жизненной ситуации. Укрепились и инновационные формы работы, до этого не носившие массовый характер: удаленная, онлайн-рекрутмент, онлайн-обучение.

На этом фоне, как это ни странно, все чаще начинают обсуждаться и предложения по внесению изменений в трудовое законодательство, которые могут усугубить и без того непростое положение граждан. В статье «Вирус все спишет?» главный редактор профсоюзной газеты «Солидарность» А. Шершуков говорит о том, что «под борьбу с коронавирусом уже пытаются списать не только экономические или политические решения. Сейчас стресс-тесту подвергаются и трудовое законодательство, и трудовые отношения на предприятиях, и формат переговоров «власть — бизнес — профсоюзы», который обеспечивал как минимум легальную процедуру принятия социально-трудовых решений.

Переименовав дистанционную работу в «удаленку», нас упорно пытаются уверить, что эта самая «удаленка» якобы настолько новое событие, что распространять на нее нормы традиционного трудового законодательства просто невозможно. Хотя глава 49.1 Трудового кодекса «Особенности регулирования труда дистанционных работников» вполне определенно описывает, на что имеет право работник и на что не имеет права работодатель. Мы не должны допустить, чтобы под прикрытием лозунга «Все на борьбу с коронавирусом» место трудового права и прав работников занял принцип «ради спасения бизнеса работодателю позволено все. Сейчас, кстати, такому же стресс-тесту подвергаются и профсоюзные структуры. Только они могут оценить соблюдение работодателями отраслевых соглашений. Только они могут выступить ограничителем, когда проводится сокращение персонала. Или контролером — правильно ли выплачиваются зарплаты или пособия работникам» [3].

И с этим нельзя не согласиться. По сути, рынок труда представляет собой всеобъемлю-

щую и глобальную сферу взаимоотношений, в которую вовлечены:

- институт права, регулирующий эти взаимоотношения,
- система образования как стратегический государственный институт,
- бизнес-сообщество,
- гражданские организации, прежде всего профсоюзы, обеспечивающие диалог общества и власти.

То есть именно социальное, или, иначе говоря, частно-государственное, партнерство в значительной степени должно содействовать консенсусу рынка труда и профессионального образования и обучения: конкретно — разработке стратегий, направленных на подготовку специалистов, отвечающих запросам работодателей и, следовательно, социально-экономической политике государства, что особенно важно в современных условиях.

Этой тематикой Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» занимается уже не первый год. Не случайно руководитель филиала стала координатором Туринского процесса, цель которого — формирование политики в области профессионального образования и обучения для повышения производительности труда, его вклада в экономическое и социальное развитие страны. Россия вошла в состав стран-участниц этого проекта еще в 2010 году. Республика Башкортостан — в марте 2018 года.

Миссия Туринского процесса заключается в формировании такой системы профессионального образования, которая способствовала бы запросам современного рынка труда и удовлетворяла все стороны: выпускников, работодателей, государство в целом. Более того, в целях устойчивого развития, и это отчетливо показала ситуация с пандемией, нам надо быть готовыми к требованиям не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Для этого необходим более глубокий анализ будущих потребностей в профессиональных навыках, а также понимание того, что меняющемуся миру нужны люди, которые готовы соответствовать этому будущему, учиться и перестраиваться. Об этом говорят и события первой

половины 2020 г., серьезно повлиявшие на рынок труда. Без сомнения, он будет восстанавливаться: постепенно увеличится число вакансий, замедлится количество увольнений и снижение уровня заработных плат. Но таким, как раньше, кадровый рынок уже не будет никогда, потому что изменилась экономическая атмосфера, и режим турбулентности уйдет еще не скоро, что не может не сказаться на производительности. Безусловно, это повлечет за собой определенные изменения, и прежде всего повышение спроса на многофункциональных специалистов. А их подготовка — задача образовательных организаций.

Еще одна проблема — молодежная безработица, которая становится все более заметной и угрожает стать серьезной проблемой в ближайшие годы. И это еще один вызов системе среднего профессионального и высшего образования. На сегодняшний день действующая система образования далеко не в полной мере справляется с задачей своевременной и качественной подготовки нужных экономике специалистов, более того, по мнению ряда исследователей, современная система образования воспроизводит человеческие ресурсы невысокой производительности труда, которые, по их мнению, программируются российскими образовательными стандартами. Согласно данным аналитического доклада «Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее», подготовленного группой исследователей по инициативе Минобрнауки, на оторванность обучения от требований рынка труда пожаловались 41 % студентов. Работодатели такое мнение разделили почти поголовно — 91 % [7].

Именно этим во многом объясняется тот факт, что, согласно данным Росстата, в 2008–2017 годах уровень производительности труда в Российской Федерации был значительно ниже по сравнению со странами Европейского союза, странами «Большой семерки», АЭСР и отдельными странами, входящими в число пяти крупнейших экономик мира. Не случайно Президентом Российской Федерации неоднократно ставилась задача по повышению производительности труда в стране, а с октября 2018 г. была начата реализация национального проекта «Производительность труда и под-

держка занятости». Цели проекта — обеспечение к 2024 году темпов роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики не ниже 5 % в год, более 20 % прирост производительности труда к 2024 году.

Республика Башкортостан с 2017 года вошла в число 7 пилотных регионов России и является участником этого проекта. И это не случайно: имея высокий человеческий потенциал, Башкортостан находится лишь на 44-м месте среди субъектов Российской Федерации по индексу производительности труда. За этот период была сформирована необходимая правовая база и структура управления, создан Региональный центр компетенций в сфере производительности труда, активно внедряются два региональных проекта — «Системные меры по повышению производительности труда» и «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях». На сегодняшний день участниками национального проекта в республике являются 69 предприятий. Принципам бережливого производства обучились более тысячи сотрудников, это лучший показатель среди регионов. В среднем рост производительности на пилотных потоках составил 34 %. В 2020 году поставлена задача повысить производительность труда в республике на 3,1 % [11].

Никто не ожидал, что на пути реализации проекта может появиться пандемия. Компании и их сотрудники оказались в ситуации, когда приходится осваивать новые подходы и инструменты. И в этой связи одним из главных антикризисных инструментов должна стать система образования, а также обмен лучшими практиками в международном масштабе с целью повышения операционной эффективности предприятий — участников национального проекта.

Чему в первую очередь надо обучать, чтобы производительность труда повысилась? Немалый опыт Россия приобрела, включившись в Туринский процесс, и в определенной степени была готова к решению возникших проблем, в том числе в тех отраслях, которые сегодня наиболее востребованы.

Прежде всего, коронавирус наглядно продемонстрировал значимость владения цифро-

выми навыками. Даже простые сервисы для видеоконференций и мессенджеры задач способны в разы повысить эффективность работы коллектива в удаленном режиме и компенсировать руководителю упущенный контроль. И это задача номер один для образовательных организаций.

Не менее важно владеть навыками проектного управления: сегодня многие компании столкнулись с необходимостью перестраивать производство под изменившийся спрос. А значит — налаживать выпуск нового (или старого в новых условиях) продукта в короткие сроки с ограниченным количеством ресурсов. Требования рынка и конкурентная среда все время усложняются, и готовность быть гибким, легко и быстро адаптироваться под новые условия станет главным преимуществом компаний в ближайшие 10 лет. И к этому тоже надо готовить молодых специалистов.

На первый план выходят и так называемые «мягкие навыки», такие как критическое мышление, умение выстраивать эффективные коммуникации. Они помогают решать вопросы логистики, находить новых клиентов, изобретать востребованный продукт. Именно эти навыки помогли менеджменту многих компаний быстро перепрофилировать производство. Следовательно, системе образования и этот фактор надо взять на вооружение.

Безусловно, не теряет своей актуальности концепция непрерывного обучения на протяжении всей жизни. Согласно исследованию Московской школы управления «Сколково» и Агентства стратегических инициатив к 2030 году появится 186 новых профессий, 57 при этом в ближайшее десятилетие исчезнут. При этом совсем не обязательно сегодня получать второе и третье высшее образование, рынок предлагает множество инструментов для обучения: тренинги, электронные курсы, вебинары, обучающее тестирование, электронные библиотеки, мобильное обучение [6]. И к этому образовательные учреждения должны быть готовы.

Важнейшие задачи, которые сегодня стоят перед колледжами и вузами — это внедрение базовых умений/ключевых компетенций, разработка и внедрение компетенций нового поколения и переформатирование систем

профобразования через повышение квалификации преподавателей. Того, что требуется, можно перечислять до бесконечности. Меняющиеся экономические потребности, технологическое развитие и социальный спрос требуют быстрого реагирования системы образования. Иначе говоря, предполагают постоянный пересмотр образовательных программ и механизмов обучения, сертификации и системы подтверждения профессиональной квалификации для того, чтобы обучение в течение всей жизни, о чем мы давно, но пока недостаточно успешно говорим, стало реальностью для всех граждан.

Безусловно, сделать это в одиночку, наверное, ни одному образовательному учреждению невозможно. Нужны заинтересованные партнеры, нужен диалог, нужен обмен лучшими практиками. Такую возможность предоставляет в том числе Туринский процесс, в чем убедились на практике.

Мы исходили, во-первых, из понимания, что цель современного образования заключается в формировании компетенций, которые позволят члену общества реализоваться как личности и в дальнейшем применить полученные знания, профессиональные навыки и опыт на практике, то есть успешно трудоустроиться и занять свое место в современном социуме.

Во-вторых, из четкого осознания, что современная система образования находится в зависимости от социальных, экономических, политических и технологических факторов. Образовательные услуги реализуются на рынке труда, а он сегодня понимается как совокупность существующих и потенциальных покупателей и продавцов. Рынок образования, соответственно, представляет собой систему взаимодействия спроса на образовательные услуги и предложения таких услуг различными образовательными учреждениями. Следовательно, предложение на рынке образования материализуется в количество учебных мест, предлагаемых учебными заведениями.

Влияние политических факторов в том, что перспективы развития образования в значительной степени зависят от государственной политики и отношения общества к данной сфере. Это цели и задачи, которые ставит государство перед образованием.

Технологические факторы поддержки образования включают разработку новых технологий, инновационных программ, что позволяет сделать образовательный процесс нагляднее, интереснее и доступнее.

Система образования зависит и от экономических факторов. Нельзя отрицать тот факт, что одним из ключевых вопросов развития системы образования является финансирование, число бюджетных мест, востребованность выпускников на рынке труда. К сожалению, государственные субсидии, налоговые льготы, гранты, частные инвестиции далеко не в полной мере могут решить существующие проблемы, к примеру, с модернизацией материальной базы образовательной организации. И эту проблему надо решать.

Немалую роль на рынке образовательных услуг играют и социальные факторы: уровень жизни населения, его здоровье, состояние трудовых ресурсов и т. д., а также демография. Существующая в настоящее время диспропорция между спросом и предложением образовательных услуг обусловлена недостаточной разработанностью инструмента прогнозирования спроса и предложения этой сферы. В перспективе эта проблема может еще более обостриться. Нужна работа на опережение, с учетом прогноза кадровой потребности, появления новых профессий и структурной трансформации рынка труда.

Перечисленные проблемы характерны не только для нашей республики, России, стран ближнего зарубежья, но и всего мирового сообщества. И чем быстрее мы их решим, тем скорее нормализуется рынок труда, повысится производительность, и, следовательно, качество человеческого капитала.

В настоящее время совместно с Правительством республики, Министерством образования и Министерством семьи, труда и социальной защиты нами подготовлен отчет о состоянии и путях развития системы профессионального образования в регионе, в том числе — ее соответствии требованиям рынка труда сегодня и на перспективу. Эти материалы, так же, как и аналитика российских городов и регионов-участников Туринского процесса, включены в Национальный доклад страны. А он, в свою очередь, стал основой для выстраивания государственной политики в сфере про-

фессионального образования в условиях глобальных вызовов сегодняшнего времени. В своем отчете мы поделились апробированными технологиями, в том числе способствующими в будущем повышению производительности труда, сформулировали имеющиеся проблемы и возможные пути их решения.

Что дает участие профсоюзного вуза в Туринском процессе? Прежде всего, доступ к эффективным инструментам анализа и оценки качества подготовки специалистов, к лучшим, в том числе мировым, образовательным практикам, экспертную помощь, совместное участие в разработке современной образовательной политики в сфере среднего профессионального и высшего образования, возможность использовать единые критерии, отражающие системные международные тренды, и оценивать состояние собственной системы профессиональной образовательной организации в сравнении с мировыми тенденциями и другими странами.

Большой плюс и в том, что достижимость целей и задач, поставленных в государственных документах, оценивается не только самой образовательной организацией, но и экспертным сообществом, представителями органов исполнительной власти, объединениями работодателей, общественными ассоциациями, профсоюзами и т. д.

Работодатели, в свою очередь, получают возможность ближе познакомиться с методологией подготовки кадров и механизмами взаимодействия профессионального образо-

вания и бизнеса на международном уровне. Региональные органы управления — возможность увидеть проблемные зоны в региональной политике: например, слабое взаимодействие с малым и средним бизнесом, трудности прогнозирования потребностей в кадрах и т. п. А соответствующее Министерство — фактическую основу для принятия управленческих решений.

Планируемый итог всех этих действий в соответствии с целями Национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» — повышение уровня подготовки кадров, за счет этого рост инновационной активности различного рода предприятий и производительности труда при сохранении высокого качества работы, повышение прибыли предприятия и, соответственно, заработной платы работников, обеспечивающей достойный уровень их жизни.

В стране сегодня — в соответствии с запросами времени — модернизируются многие сферы. Наша задача — направить усилия на соответствие системы образования этим запросам. Без этого в полной мере реализовать национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» и решить актуальные вопросы сохранения человеческого капитала невозможно. Безусловно, работы предстоит много: и системе образования, и работодателям, и гражданскому обществу, и молодежи. Их решение позволит ответить на имеющиеся и будущие вызовы рынка труда и станет основополагающим в его гуманизации.

Литература

[1] В Башкирии назвали реальные цифры по безработице [Электронный ресурс]. — URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/08/06/2020/5ede1a6c9a7947fe17f2edf1> (дата обращения: 19.08.2020).

[2] В Уфе растет уровень безработицы [Электронный ресурс]. — URL: <https://newsbash.ru/society/21008-v-ufe-rastet-uroven-bezraboticy.html> (дата обращения: 10.08.2020).

[3] Вестник профсоюзов Ставрополя. Апрель, 2020. Спецвыпуск. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/08/06/2020/5ede1a6c9a7947fe17f2edf1> (дата обращения: 14.06.2020).

[4] Как коронавирус повлиял на экономику России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.klerk.ru/materials/2020-05-28/500211/> (дата обращения: 18.08.2020).

[5] Половина работающих россиян столкнулись с рисками увольнения или потери доходов [Электронный ресурс]. — URL: <https://yandex.ru/turbo/forbes.ru/s/newsroom/obshchestvo/402449-polovina-rabotayushchih-rossiyan-stolknulas-s-riskami-uvolneniya-ili> (дата обращения: 11.06.2020).

[6] Профессии будущего: какие специалисты будут востребованы в ближайших 20 лет [Электронный ресурс]. — URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/professii-budushchego> (дата обращения: 19.08.2020).

[7] Рабочие места готовят к встрече выпускников. Минпросвещения и Минобрнауки озаботили трудоустройством новых кадров // Коммерсант. — 2020. — № 116/П. — 6 июля.

- [8] Самое время учиться работать // Коммерсант. — 2020. — № 157. — 1 сент.
- [9] Состояние регистрируемого рынка труда Республики Башкортостан в январе — июле 2020 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bashzan.ru/posts/150609?print=1> (дата обращения: 31.08.2020).
- [10] Шмаков М. В. Достойный труд — от теории к практике! [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/7582.html> (дата обращения: 14.06.2020).
- [11] Эксперты помогут / Институт стратегических исследований Республики Башкортостан // Российская газета — регион. — 2019. — 13 февр. [Электронный ресурс] — URL: <http://isi-rb.ru/2019/02/eksperty-pomogut/> (дата обращения: 31.08.2020).

NIGMATULLINA Tanzilya,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor

E-mail: ufabist@ufabist.ru

Bashkir Institute of Social Technologies (branch)

of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia

PROFESSIONAL COMPETENCIES AND THE LABOR MARKET: CHALLENGES OF THE TIME

The article is devoted to topical issues of the implementation of the national project "Labor productivity and employment support" in the context of the coronavirus pandemic. The author analyzes the situation of the labor market in Russia in general and in the Republic of Bashkortostan in particular, the position of trade unions to the current situation; focuses on the importance of the education system in the formation of basic skills and key competencies of students to increase labor productivity, exchange the best technologies and practices, including within the framework of the Turin Process.

Key words: *national project, labor market, unemployment, labor productivity, coronavirus, professional competencies, Torino process.*

References

- [1] V Bashkirii nazvali real`ny`e cifry` po bezrabortice [In Bashkiria, They Named the Real Figures for Unemployment] [Electronic resource]. — URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/08/06/2020/5ede1a6c9a7947fe17f2edf1> (date of the application: August 19, 2020).
- [2] V Ufe rastet uroven` bezraborticy [The Unemployment Rate is Growing in Ufa] [Electronic resource] — URL: <https://newsbash.ru/society/21008-v-ufe-rastet-uroven-bezraborticy.html> (date of the application: August 10, 2020).
- [3] Vestnik profsoyuzov Stavropol`ya. Aprel`, 2020. Speczvy`pusk [Bulletin of Trade Unions of Stavropol. April, 2020. Special issue] [Electronic resource]. — URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/08/06/2020/5ede1a6c9a7947fe17f2edf1> (date of the application: June 14, 2020).
- [4] Kak koronavirus povliyal na e`konomiku Rossii [How the coronavirus affected the Russian economy] [Electronic resource]. — URL: <https://www.klerk.ru/materials/2020-05-28/500211/> (date of the application: August 18, 2020).
- [5] Polovina rabotayushhix rossiyan stolknulis` s riskami uvol`neniya ili poteri dohodov [Half of Working Russians Faced the Risk of Dismissal or Loss of Income] [Electronic resource]. — URL: <https://yandex.ru/turbo/forbes.ru/s/newsroom/obshchestvo/402449-polovina-rabotayushchih-rossiyan-stolknulas-s-riskami-uvolneniya-ili> (date of the application: June 11, 2020).
- [6] Professii budushhego: kakie specialisty` budut vostrebovany` v blizhajshix 20 let [Professions of the Future: What Specialists Will be in Demand in the Next 20 Years] [Electronic resource]. — URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/professii-budushchego> (date of the application: August 19, 2020).
- [7] Rabochie mesta gotovyat k vstreche vy`pusknikov. Minprosveshheniya i Minobrnauki ozabotili trudoustrojstvom novy`x kadrov [Jobs Prepare for the Alumni Meeting. The Ministry of Education and the Ministry of Education and Science Have Preoccupied with the Employment of New Personnel] // Kommersant [Kommersant]. — 2020. — No. 116/P. — July 6.
- [8] Samoe vremya uchit`sya rabotat` [It's time to learn to work] // Kommersant [Kommersant]. — 2020. — No. 157. — 1 Sept.

[9] Sostoyanie registriruемого ry`nka truda Respubliki Bashkortostan v yanvare — iyule 2020 goda [The State of the Registered Labor Market in the Republic of Bashkortostan in January — July 2020] [Electronic resource]. — URL: <http://www.bashzan.ru/posts/150609?print=1> (date of the application: August 31, 2020).

[10] *Shmakov M. V.* Dostojny`j trud — ot teorii k praktike! [Decent Work — from Theory to Practice!] [Electronic resource]. — URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/7582.html> (date of the application: June 14, 2020).

[11] E`ksperty` pomogut / Institut strategicheskix issledovanij Respubliki Bashkortostan // [Experts Will Help / Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan] // Rossijskaya gazeta — region [Russian Newspaper — Region]. — February 13, 2019 [Electronic resource]. — URL: <http://isi-rb.ru/2019/02/eksperty-pomogut/> (date of the application: August 31, 2020).

УДК 338

ТОНКОНОГ Виктория Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент

кафедры таможенного права

E-mail: tonkonogvv@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова», г. Новороссийск, Россия**АНАНЧЕНКОВА Полина Игоревна,**

кандидат экономических наук, профессор

кафедры экономики труда и управления персоналом

E-mail: ananchenkova@yandex.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
г. Москва, Россия

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В соответствии с действующим в настоящее время в России Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и рядом программных концепций и документов такая инновационная форма кооперации образовательных организаций как «сетевое взаимодействие» признается перспективной с точки зрения повышения эффективности и конкурентоспособности российской национальной образовательной системы на мировом пространстве подготовки кадров. Несмотря на то, что развитие сетевых форм взаимодействия активно осуществляется как на базе отдельно взятых университетов, так и в регионах, на сегодняшний день подобной практики явно недостаточно для теоретического осмысления феномена сетевого взаимодействия в образовательной практике. Цель настоящей работы — рассмотреть понятие сетевого взаимодействия применительно к сфере образования и определить перспективы ее развития в региональных рамках.

Ключевые слова: регион, система образования, образовательные организации, сетевое взаимодействие, университет, профессиональное образование.

Для цитирования: Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Сетевое взаимодействие университетов в региональном образовательном пространстве // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 46–51. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-46-51

В последние годы в образовательном пространстве все большую популярность приобретает сетевое взаимодействие как некая неинституционализируемая форма общественно-профессионального взаимодействия между различными образовательными и необразовательными институциями. Физическое взаимодействие между структурными элементами образовательного пространства практикуется уже много лет, однако, только с развитием цифровых технологий сетевая форма взаимодействия получила мощный толчок развития. Возможность объединения ресурсов и их презент-

тации в едином информационном пространстве стимулировала создание сетей не только в бизнес-сообществе, но и в сфере образования, культуры, социальной работы, спорта, искусства и даже государственной политики.

В ранее опубликованной работе мы отмечаем, что «повышенное внимание государства и науки к сфере образования в современной России обусловлено значением, которое система образования и рынок образовательных услуг оказывают для развития национальной экономики и нации в целом... В рамках модернизации российского образования ставится

приоритетной целью повышение его качества, достижение новых образовательных результатов, адекватных требованиям современного общества. Ориентация на новые образовательные результаты обуславливает существенные изменения инновационной образовательной среды. Ключевыми задачами учебного процесса становятся не только процессы усвоения знаний, но и механизмы овладения способами этого усвоения, формирование познавательных потребностей и развитие творческого потенциала учащихся» [2].

Развитие сетевых связей между образовательными организациями обеспечивает более высокий уровень качества образовательных услуг в целом и для каждой отдельно взятой за счет взаимного наращивания всех видов ресурсов. Применительно к региону сетевая форма взаимодействия в региональном образовательном пространстве осуществляет комплексное воздействие на его социально-экономическое развитие, снижает социальные риски, социальное неравенство и обеспечивает реализацию конституционного права каждого гражданина на образование.

Мы согласны с А. Н. Шуклиной, отмечающей в своей работе, что «актуальной задачей становится разработка региональной стратегии поддержки развития сетевых взаимодействий между вузами региона в целях повышения эффективности их воздействия на развитие региона, решение экономических, социальных и культурных задач конкретных территорий» [4].

Не случайно, в рамках проекта Европейского Союза по развитию образовательного пространства «Европа 2020» именно роль образовательных организаций подчеркивается как наиболее важная в региональном развитии, предполагающем «создание знаний, работающих на удовлетворение интересов и потребностей регионов, направленное на достижение целей „умной специализации“» [7].

В настоящее время профессиональные (в том числе и образовательные) сети позволяют не только обмениваться интеллектуальными и материальными ресурсами, но масштабировать опыт, ускорять внедрение технологических инноваций, стимулировать повышение профессионализма кадров — сотрудников участников сетевого договора.

Следует отметить, что в научной литературе еще не сформировалась устойчивая терминология относительно феномена сетевого взаимодействия как в целом, так и в рамках образовательного сотрудничества [5]. Тем не менее, практически все авторы сходятся во мнении, что в сеть объединяются независимые субъекты для достижения общих целей при условии объединения имеющихся ресурсов и предоставления их в общее пользование участникам взаимодействия [6].

По нашему мнению, сетевое взаимодействие в образовательном пространстве — это специально сформированные образовательные сети образовательных учреждений, направленные на повышение доступности и качества образования.

По мнению М. Ю. Швецова и А. Л. Дугарова, «сетевое взаимодействие — это система связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования; это способ деятельности по совместному использованию ресурсов» [3].

Образовательные сети могут быть классифицированы следующим образом (рис. 1).

Поскольку основная цель сетевого взаимодействия — повышение эффективности деятельности участников в условиях доступа к общим ресурсам, то именно члены договора о сетевом взаимодействии выступают основными стейкхолдерами такой формы образовательного сотрудничества [1]. С разной степенью заинтересованности в развитии образовательной коллаборации в качестве стейкхолдеров также могут выступать:

- образовательные организации разного уровня и разных форм собственной и организационно-правовой формы;
- отдельные преподаватели, сотрудники и руководители образовательных организаций и прочих субъектов;
- частные консультанты, тренеры, специалисты-практики, привлекаемые в сеть с целью необразовательного консалтинга (по правовым, финансовым и прочим вопросам);
- исследователи и аналитики, обеспечивающие мониторинг результатов эффективности сетевого взаимодействия;

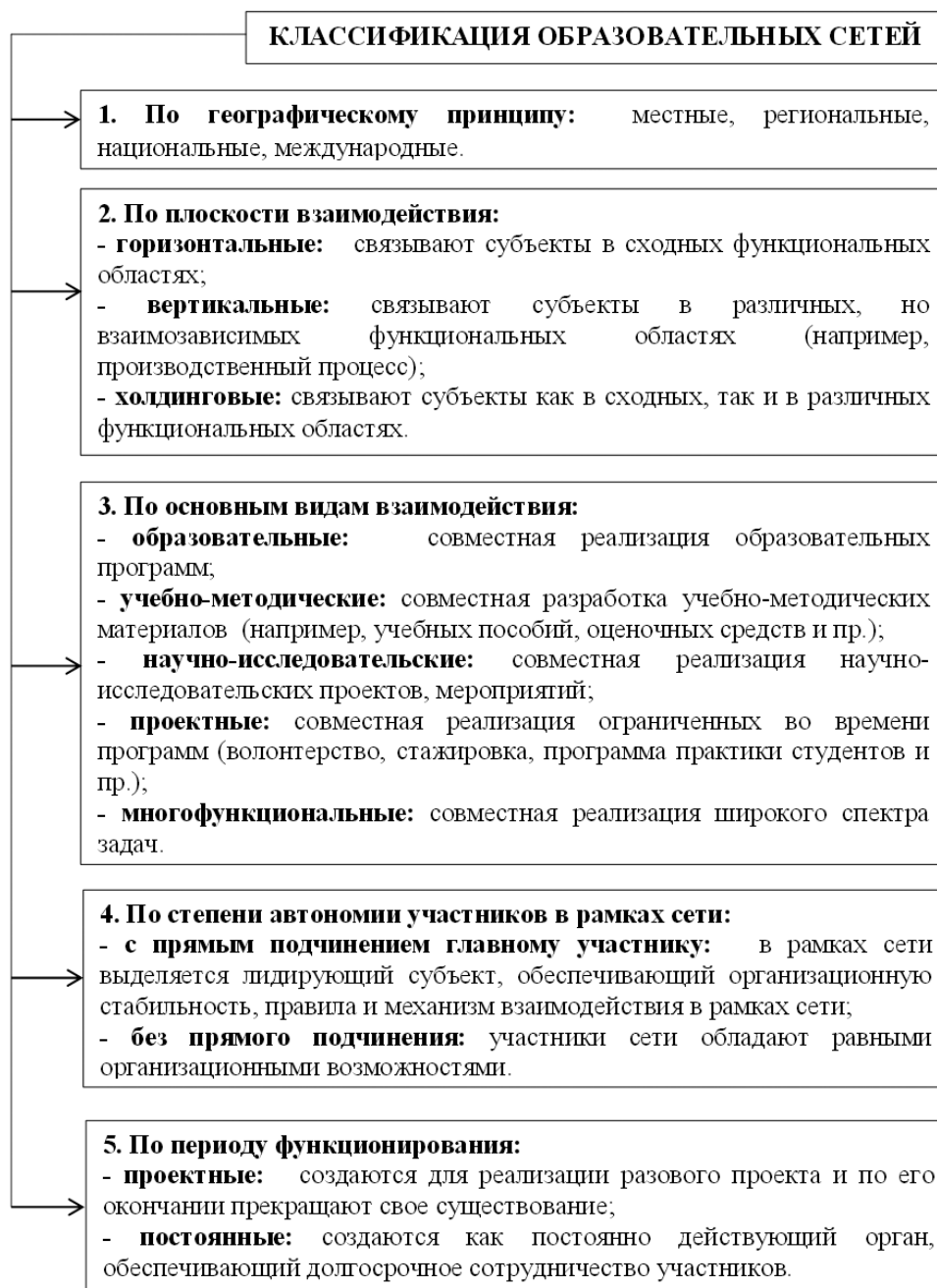

Рисунок 1 — Классификация образовательных сетей
(Источник: составлено авторами)

– органы государственной власти, администрирующие и регулирующие развитие системы образования.

С точки зрения воспроизводства профессиональных компетенций, участниками договора сетевого взаимодействия могут выступать:

– образовательные организации высшего образования (далее — университеты);

– образовательные организации среднего профессионального образования (далее — колледжи);

– образовательные организации дополнительного профессионального образования (ДПО);

– коммерческие компании;

– научно-исследовательские институты (НИИ);

– некоммерческие организации и объединения граждан;

– государственные учреждения и органы государственной власти (например, служба занятости населения, управа, департамент и пр.);

Рисунок 2 — Функции сетевого взаимодействия в сфере образования
(Источник: составлено авторами)

– прочие субъекты, чья деятельность направлена на достижение целей сетевого взаимодействия.

Цели сетевого взаимодействия многомерны и обычно включают элементы одной или нескольких из следующих четырех функций (рис. 2).

Развитие сетевых форм взаимодействия в образовательном пространстве региона обеспечивает оперативное и эффективное решение широкого спектра задач:

– развитие и поощрение академической мобильности студентов и преподавателей в рамках региона;

– разработку, реализацию и системное фокусирование на индивидуальных или групповых образовательных траекториях обучающихся, имеющих сходные образовательные интересы и потребности, способные быть реализованными в рамках регионального образовательного пространства;

– достижение эффекта синергии в реализуемых внутри сети единых проектов за счет объединения ресурсов участников;

– обеспечение равного доступа к образовательным возможностям региональных об-

разовательных организаций, объединенных в сеть со стороны учащихся, слушателей и иных потребителей образовательных продуктов, создаваемых внутри сети;

– снижение дисбаланса в кадровом обеспечении образовательного процесса, а также равное и одновременное воспроизводство профессиональных компетенций работников образовательных организаций;

– формирование единого учебного, образовательного, исследовательского и внедренческого пространства, ориентированного на потребности региона;

– обеспечение объективности и равенства оценочных критериев при оценке образовательных достижений обучающихся в сети;

– обеспечение идентичности аттестационных процедур и равенства документов при взаимном признании результатов обучения в образовательных организациях, объединенных в сеть;

– снижение организационно-экономических затрат при разработке и внедрении учебно-методического и технологического обеспечения.

Литература

- [1] Ананченкова П. И. Менеджмент качества и инновации в образовании: региональный аспект : в 2 т. / П. И. Ананченкова, Г. Н. Ахметзянова, А. Х. Ахметшин и др. — Т. 1. — М. : РГТЭУ, 2010. — С. 119.
- [2] Ананченкова П. И., Тонконог В. В. Направления государственной политики в создании и развитии региональной инновационной образовательной системе // Ученые записки Российской академии предпринимательства. — 2016. — Т. 49. — С. 11.
- [3] Швецов М. Ю., Дугаров А. Л. Сетевое взаимодействие образовательных учреждений профессионального образования в регионе // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Сер.: Педагогика и психология. — 2012. — № 5 (46). — С. 33–38.
- [4] Шуклина Е. А. Сетевой университет как форма развития сетевых взаимодействий в образовательном пространстве макрорегиона // Сборник докладов XII Междунар. конф. «Российские регионы в фокусе перемен» (Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.). — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2018. — С. 85.
- [5] Schienstock Gerd, Hämmäläinen Timo. Transformation of the Finnish innovation system: A network approach // Sitra Reports series 7. — Helsinki : Sitra, 2001 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/265539831_Transformation_of_the_Finnish_innovation_system_A_network_approach
- [6] Sliwka A. Networking for Educational Innovation: A Comparative Analysis. OECD, 2003 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.oecd.org/site/schoolingfortomorrowknowledgebase/themes/innovation/networkingforeducationalinnovationacomparativeanalysis.htm>
- [7] Trippi M., Tanja S., Smith H. The role of universities in regional development: conceptual models and policy institutions in the UK, Sweden and Austria // European Planning Studies. — Paper no. 2014/13 [Электронный ресурс]. — URL: http://wp.circle.lu.se/upload/CIRCLE/workingpapers/201413_Trippi_et_al.pdf

TONKONOG Victorya,

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
at the Department of Customs Law
E-mail: tonkonogvv@yandex.ru
State Maritime University named after Admiral F. F. Ushakov, Novorossiysk, Russia*

ANANCHENKOVA Polina,

*Candidate of Economic Sciences, Professor
at the Department of Labor Economics and Personnel Management
E-mail: ananchenkova@yandex.ru
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

NETWORKING OF UNIVERSITIES IN THE REGIONAL EDUCATIONAL SPACE

In accordance with the Federal law "On education in the Russian Federation" currently in force in Russia and a number of program concepts and documents, recognize an innovative form of cooperation of educational organizations as "network interaction" as promising in terms of improving the efficiency and competitiveness of the Russian national educational system in the global training space. Despite the fact that the development of network forms of interaction is actively carried out both on the basis of individual universities and in the regions, today this practice is clearly not enough for a theoretical understanding of the phenomenon of network interaction in educational practice. The purpose of this work is to consider the concept of network interaction in relation to the field of education and determine the prospects for its development in the regional framework.

Key words: *region, education system, educational organizations, network interaction, University, professional education.*

References

- [1] Ananchenkova P. I. Menedzhment kachestva i innovacii v obrazovanii: regional`ny` aspekt : v 2 t. / P. I. Ananchenkova, G. N. Axmetzyanova, A. X. Axmetshin i dr. [Quality Management and Innovation in Education: Regional Aspect : in 2 vol. / P. I. Ananchenkova, G. N. Akhmetzyanova, A. Kh. Akhmetshin et al.]. — Vol. 1. — Moscow : RGTEU, 2010. — P. 119.

[2] *Ananchenkova P. I., Tonkonog V. V.* Napravleniya gosudarstvennoj politiki v sozdanii i razvitii regional`noj innovacionnoj obrazovatel`noj sisteme // [Directions of State Policy in the Creation and Development of a Regional Innovative Educational System] // *Ucheny`e zapiski Rossijskoj akademii predprinimatel`stva* [Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship]. — 2016. — Vol. 49. — P. 11.

[3] *Shvetsov M. Yu., Dugarov A. L.* Setevoe vzaimodejstvie obrazovatel`ny`x uchrezhdenij professional`nogo obrazovaniya v regione [Network Interaction of Educational Institutions of Vocational Education in the Region] // *Ucheny`e zapiski Zabajkal. gos. un-ta. Ser.: Pedagogika i psixologiya* [Scientific Notes of the Transbaikalian State University. Ser. : Pedagogy and Psychology]. — 2012. — No. 5 (46). — Pp. 33–38.

[4] *Shuklina E. A.* Setevoj universitet kak forma razvitiya setevy`x vzaimodejstvij v obrazovatel`nom prostranstve mkroregiona [Network University as a Form of Development of Network Interactions in the Educational Space of the Macroregion] // *Sbornik dokladov XII Mezhdunar. konf. "Rossijskie regiony` v fokuse peremen"* (Ekaterinburg, 16–18 noyabrya 2017 g.) [Collected Reports of the XII International Conference "Russian Regions in the Focus of Changes" (Ekaterinburg, 16–18 November, 2017)]. — Ekaterinburg : UMTs UPI, 2018. — P. 85.

[5] *Schienstock Gerd, Hämäläinen Timo.* Transformation of the Finnish innovation system: A network approach // *Sitra Reports series 7.* — Helsinki : Sitra, 2001 [Electronic resource]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/265539831_Transformation_of_the_Finnish_innovation_system_A_network_approach

[6] *Sliwka A.* Networking for Educational Innovation: A Comparative Analysis. OECD, 2003 [Electronic resource]. — URL: <https://www.oecd.org/site/schoolingfortomorrowknowledgebase/themes/innovation/networkingforeducationalinnovationacomparativeanalysis.htm>

[7] *Trippel M., Tanja S., Smith H.* The role of universities in regional development: conceptual models and policy institutions in the UK, Sweden and Austria // *European Planning Studies.* — Paper no. 2014/13 [Electronic resource]. — URL: http://wp.circle.lu.se/upload/CIRCLE/workingpapers/201413_Trippel_et_al.pdf

УДК 352 (470.57)

ПАНЧИХИНА Ольга Юрьевна,*Председатель общественной палаты Республики Башкортостан**E-mail: fondufa@mail.ru**Общественный фонд развития города, г. Уфа, Россия***АХМЕТЬЯНОВА Римма Анасовна,***кандидат социологических наук**E-mail: ahmetyanovara@isi-rb.ru**Центр исследования социального развития и формирования человеческого капитала Института стратегических исследований, г. Уфа, Россия*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

В статье на основе анализа данных социологических опросов рассматриваются проблемы взаимодействия органов местного самоуправления и социально-ориентированных НКО. В статье обосновано, что процесс формирования партнерских отношений органов местного самоуправления и социально-ориентированных НКО находится в стадии своей институционализации. Инициатива взаимодействия в большей степени исходит со стороны некоммерческого сектора. Несмотря на сложившийся в целом благоприятный НКО-климат в республике отношение органов местного самоуправления к некоммерческому сектору как равноценному партнеру в решении социальных проблем и работе с населением формируется достаточно медленными темпами. Важным направлением является повышение доверия к НКО со стороны населения на основе развития информационной системы гражданского сектора для предоставления обществу максимальной информации.

Ключевые слова: *социально-ориентированные НКО, органы муниципального управления, формы взаимодействия, эффективность, потенциал некоммерческого сектора.*

Для цитирования: *Панчихина О. Ю., Ахметьянова Р. А. Взаимодействие органов местного самоуправления и социально-ориентированных некоммерческих организаций: состояние, вызовы и потенциал развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 52–59. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-52-59*

Взаимодействие некоммерческих организаций (НКО) с муниципальными органами власти осуществляется через их привлечение к различным формам управления в муниципальных образованиях, осуществление контроля за деятельностью органов муниципальной власти, содействие самоорганизации населения. Развитие институтов гражданского общества означает эффективное делегирование полномочий. Внутригосударственные различия модернизации и региональные раз-

личия обуславливают уровень гражданского общества и, соответственно, институционализации его механизмов [5]. Потенциал некоммерческих организаций как институционального механизма по-прежнему востребован не в полном объеме [6]. Во взаимоотношениях с НКО с местными органами власти еще не все благополучно. Противоречивость интересов, ограниченность финансовой и имущественной поддержки порождают сложности во взаимодействии органов муниципальной вла-

сти с некоммерческим сектором [2]. Запрос на партнерские отношения не реализован ввиду того, что в существующих условиях органы местного самоуправления не способны к выстраиванию равноправного двустороннего диалога с НКО [7]. Со стороны НКО-сообщества существует запрос на формирование партнерских отношений с органами власти, но слабость сектора пока не позволяет его реализовать [9].

В рамках существующей модели взаимодействия с органами муниципальной власти на социально-ориентированные некоммерческие организации (СОНКО) возложено исполнение делегированных властью социальных обязательств, решение острых социальных проблем [4]. Сложная ситуация, обусловленная распространением COVID-19, актуализировала значимость социально-ориентированных организаций как поставщика социальных услуг. Возрастает роль СОНКО в оказании социальной поддержки различным слоям населения. Многие НКО республики участвуют в решении социальных проблем, свойственных различным категориям населения. НКО работают с самыми разными социальными группами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Сравнительно небольшие масштабы деятельности и обслуживаемого контингента являются преимуществом, поскольку позволяют обеспечить индивидуальный подход и качество услуг [8].

В данной статье анализируются данные трех социологических опросов:

1) экспертный опрос руководителей СОНКО Республики Башкортостан. В анкетировании приняли участие 59 руководителей СОНКО Республики Башкортостан¹;

2) экспертный опрос заместителей глав администраций по социальным вопросам муниципальных районов Республики Башкортостан, проведенный фондом социального, культурного и экономического развития Уфы «Об-

щественный фонд развития города» в сентябре — октябре 2018 г.;

3) социологическое исследование «Оценка уровня коррупции в Республике Башкортостан», проведенное Институтом стратегических исследований республики Башкортостан в 2019 году².

Состояние взаимодействия НКО и органов местного самоуправления является показателем уровня развития гражданского общества в регионе (рис. 1).

Результативность является показателем эффективности данного взаимодействия. 52,2% опрошенных заместителей глав администраций муниципальных районов отметили, что инициатива взаимодействия исходит с обеих сторон — примерно в равной степени, 35,8% — со стороны НКО и только 7,5% опрошенных — со стороны органов муниципальной власти. Согласно данному опросу, число респондентов (46,2%), понимающих взаимную пользу данного взаимодействия, еще раз подтверждает вывод лишь о становлении партнерских отношений НКО и муниципальных органов власти. Согласно позиции 38,8% заместителей глав администраций и 45,1% руководителей некоммерческого сектора, НКО и государственные, муниципальные учреждения — это партнеры, которые совместно должны решать проблемы граждан (рис. 2).

Данные экспертного опроса заместителей глав администраций по социальным вопросам муниципальных районов Республики Башкортостан позволяют сделать вывод о том, что процесс формирования партнерских отношений находится в стадии своей институционализации и инициатива взаимодействия в большей степени исходит со стороны НКО. Таким образом, несмотря на сложившийся в целом благоприятный НКО-климат в республике, отношение органов местного самоуправления к некоммерческому сектору как равноценно-

¹ Исследование было проведено исследовательским коллективом проекта «Матрица успешных практик СОНКО Республики Башкортостан» в рамках Гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом Президентских грантов. Сроки полевых работ: август-сентябрь 2018 г.

² Социологическое исследование «Оценки уровня коррупции в Республике Башкортостан», 2019 г. Объект исследования: население Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Исследование проводилось по стратифицированной выборке с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по половозрастной структуре. Общий объем выборочной совокупности — 1000 чел. Сроки полевых работ: ноябрь-декабрь 2019 г.

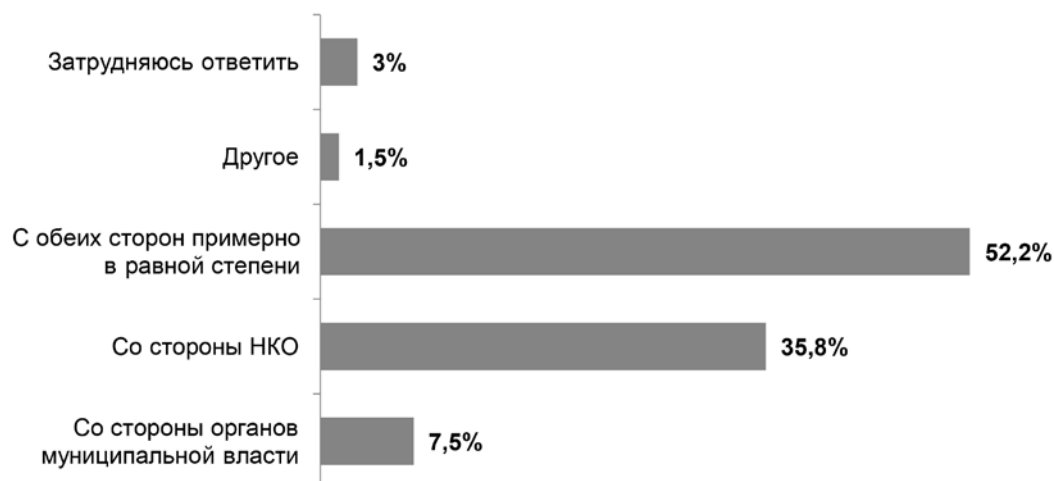

Рисунок 1 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «От кого, как правило, исходит инициатива взаимодействия?», в %¹

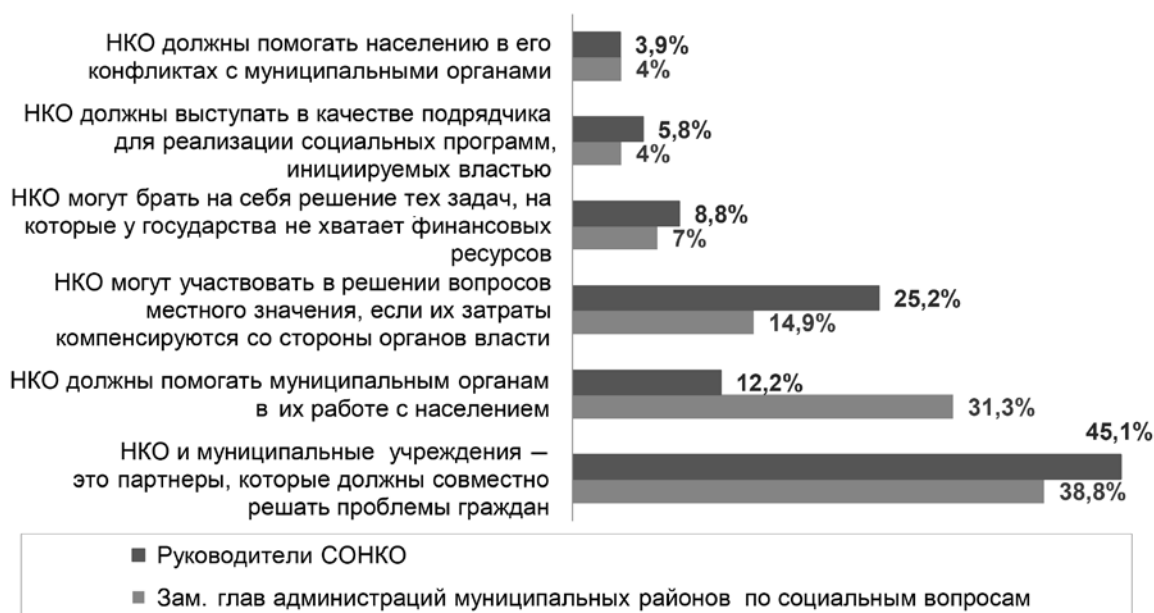

Рисунок 2 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «Существуют различные точки зрения по вопросу взаимодействия общественных некоммерческих организаций органами местного самоуправления. С какими из приведенных высказываний Вы согласны», в %²

му партнеру в решении социальных проблем и работе с населением формируется достаточно медленными темпами.

Оказание поддержки СОНКО осуществляется согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах орга-

низации местного самоуправления в Российской Федерации» [11]. Законом определены различные формы материальной и нематериальной поддержки, дифференцированные по типам НКО [3]. Данные экспертных опросов свидетельствуют о преимущественном распро-

¹ Экспертный опрос заместителей глав администраций по социальным вопросам муниципальных районов Республики Башкортостан.

² Экспертный опрос руководителей социально-ориентированных некоммерческих организаций Республики Башкортостан.

странении нематериальных организационных форм взаимодействия [10]. Наиболее значимыми проблемами являются вопросы, касающиеся материальной и финансовой поддержки НКО со стороны органов муниципальной власти [12].

В тоже время не менее значимой проблемой является информированность населения о деятельности некоммерческого сектора. Данные исследования «Оценка уровня коррупции в Республике Башкортостан» показывают, что только 36,1 % респондентов понимают, что НКО способны решать проблемы в социальной сфере, предоставлять людям социальные услуги, в том числе 8,2 % респондентов считают, что они способны взять на себя решение многих социальных проблем. 27,6 % опрошенных отметили, что отчасти способны, но при тесном взаимодействии с государством. 36,8 % затруднились с ответом. 27,1 % считают, что про-

блемы в социальной сфере должно решать государство. Причиной низких оценок является недостаточный уровень информированности населения о деятельности НКО. Только 4 % опрошенных в курсе всех основных мероприятий, проводимых НКО в муниципальном образовании, в котором они проживают (табл. 1).

Следует признать уровень информированности о деятельности НКО в республике невысоким и достаточно противоречивым. Оценка уровня информированности респондентов коррелирует с их представлениями о результативности работы НКО. Примерно одинаковый процент, а именно — 36,3 % респондентов затрудняются ее оценить. 36,2 % опрошенных не могут назвать никаких результатов работы НКО. 21,1 % могут вспомнить какие-то незначительные вещи. И только 6,4 % могут перечислить довольно много примеров (табл. 2).

Таблица 1 — Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы думаете, насколько население информировано о деятельности НКО в Вашем городе/районе?», %¹

Ответы респондентов	Доля ответивших
Население в курсе всех основных мероприятий, проводимых НКО в нашем городе, селе	4,0
Население обычно знает (слышало) о большинстве проводимых мероприятий	13,5
Население иногда (редко) узнает что-то о деятельности общественных и/ или некоммерческих организаций	23,8
Население не интересуется такая информация	21,2
Затрудняюсь ответить	37,4
Итого	100,0

Таблица 2 — Оценка респондентами результативности работы НКО в вашем районе (городе)?», %²

Ответы респондентов	Доля ответивших
Да, виден, могу перечислить довольно много примеров	6,4
Можно вспомнить какие-то незначительные вещи	21,1
Не могу назвать никаких результатов	36,2
Затрудняюсь ответить	36,3
Всего	100,0

¹ Социологическое исследование «Оценки уровня коррупции в Республике Башкортостан», 2019 г.

² Там же.

По данным опроса 70,3% респондентов считают, что население не знает, чем занимаются общественные объединения и НКО. У 12% респондентов нет желания участвовать в их деятельности. Почти одинаковое количество, а именно 5,7% опрошенных, не видят смысла в их работе и 5,8% респондентов не имеют знаний, умений и навыков для участия в ней. Несмотря на чрезвычайно слабую известность деятельность НКО имеет потенциальную социальную базу поддержки в лице 10,8%, а именно среди 5,8% респондентов, выбравших ответ «у населения недостаточно знаний, умений и 5,0% респондентов, от-

метивших, что их «никто не приглашает к участию» (табл. 3).

Почти половина (44,2%) респондентов участвовали в благотворительных акциях НКО, в том числе давали деньги (небольшие суммы), продукты питания, одежду, различные бытовые предметы и другие ценности нуждающимся. Чуть больше 20% либо не могут вспомнить такие примеры, либо переводили деньги на счет в ответ на обращение к гражданам поддержать какую-либо благотворительную акцию. Только 1,7% респондентов участвовали в благотворительных акциях (концерты, аукционы и т.п.) в пользу конкретных учреждений (табл. 4).

Таблица 3 — Причины неучастия населения в работе НКО, %^{1*}

Ответы респондентов	Доля ответивших
Население не знает, чем занимаются общественные объединения и некоммерческие организации	70,3
Нет желания участвовать в их деятельности	12,0
Не видят смысла в их деятельности	5,7
У населения недостаточно знаний, умений и навыков для участия	5,8
Участие в деятельности НКО несовместимо с учебой, работой, семьей, друзьями	1,1
Участие препятствует карьерному росту	0,1
Никто не приглашает к участию	5,0

* Общая сумма ответов не равна 100%, поскольку респонденты могли дать несколько вариантов

Таблица 4 — Оценка участия населения в благотворительной помощи нуждающимся, в благотворительных акциях, %²

Ответы респондентов	Доля ответивших
Не могу вспомнить такие примеры	23,9
Давали деньги (небольшие суммы), продукты питания, одежду, различные бытовые предметы и другие ценности нуждающимся	44,2
Переводили деньги на счет в ответ на обращение к гражданам поддержать какую-либо благотворительную акцию	20,6
Работали на добровольных началах, волонтером	2,7
Участвовали в благотворительных акциях (концерты, аукционы и т.п.) в пользу конкретных учреждений, нуждающихся в финансовой поддержке (детские дома, фонды помощи и т.п.)	1,7
Другое	7,0
Итого	100

¹ Социологическое исследование «Оценки уровня коррупции в Республике Башкортостан», 2019 г.

² Там же.

Происходящая в развитых странах трансформация системы управления направлена на повышение роли НКО и общественного контроля в области социальной политики [13]. В европейских странах развитие социально-ориентированных организаций направлено на замещение тех секторов социальной сферы, где государство недостаточно эффективно реализует свои функции. Механизмами устойчивого развития СОНКО являются их правовое регулирование, финансирование, допуск к тендерам на предоставление социальных услуг [14]. В настоящее время российские органы государственной власти активно внедряют механизмы поддержки СОНКО в данных направлениях, в том числе государственные меры поддержки в период пандемии.

У органов муниципальной власти и НКО есть большой потенциал развития взаимодействия в рамках партнерских отношений на основе внедрения эффективных механизмов сотрудничества. Развитие активности участия НКО в деятельности органов местного самоуправления станет возможно в том случае, если органами местного самоуправления будут созданы институциональные условия для их системного взаимодействия и партнерства. Для усиления субъектной роли НКО в решении вопросов местного значения, а также назре-

вших проблем муниципальных образований необходимо выстраивание системы продуктивного взаимодействия, основанного на четких, понятных и стабильных правилах [1].

Необходимо разработать новые целевые социальные программы муниципальных районов и городских округов по поддержке и развитию СОНКО, направленные на создание условий их качественного роста как реальных партнеров в проектах и эффективного посредника во взаимоотношениях с населением. Необходимо четко определить роль и функции НКО в социальном развитии муниципального образования. Для повышения активности участия в решении вопросов местного значения весьма значима организационная, материально-техническая, имущественная поддержка со стороны органов муниципальной власти.

Реализация потенциала социальной поддержки населения — доли граждан, выражающих свое желание к участию в деятельности НКО — возможна при усилении информационной политики в гражданском секторе, направленной на размещение и донесение до широких слоев населения информации о результативности деятельности НКО в решении социальных проблем, а также формирование к ним позитивного отношения и повышение доверия стороны населения.

Литература

- [1] Ахметьянова, Р. А., Филиппова, Н. М. НКО-климат в Республике Башкортостан: потенциал развития // *Власть*. — 2018. — № 26 (3). — С. 25.
- [2] Бондалетов В. В. Организационные механизмы управляемой общественной самоорганизации: социологическое измерение // *Материалы Афанасьевских чтений*. — 2017. — № 2 (19). — С. 32.
- [3] Бровченко Н. В. Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации полномочий органов местного самоуправления // *Право и государство: теория и практика*. — 2019. — № 6 (174). — С. 43.
- [4] Волков Д. А. Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередная тупик? // *Вестник общественного мнения*. — 2011. — № 2. — С. 10.
- [5] Гидденс Э. *Ускользящий мир* / пер. с англ. М. Л. Коробочкина. — М.: Весь мир. — 2004. — С. 21.
- [6] Киричек А. И. Механизмы взаимодействия власти с субъектами гражданского общества при организации межсекторного социального партнерства в субъектах Российской Федерации // *Вестник ТГЭУ*. — 2017. — № 3 (83). — С. 44.
- [7] Кочетков А. П. Гражданский контроль — важная форма взаимодействия государства и гражданского общества в России // *Политическая наука. Специальный выпуск*. — 2017. — С. 17.
- [8] Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // *Вопросы государственного и муниципального управления*. — 2016. — № 4. — С. 17.
- [9] Носаненко Г. Ю. Модели взаимодействия «третьего сектора» и власти (по материалам эмпирического исследования) // *АНИ: экономика и управление*. — 2017. — № 1 (18). — С. 260.

[10] Панчихина О. Ю., Ахметьянова Р. А. Практика взаимодействия социально-ориентированных некоммерческих организаций и органов местного самоуправления (на примере Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). — 2018. — № 3 (40). — С. 24.

[11] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.

[12] Чернышов А. Н. Взаимодействие государства и НКО: возможности, механизмы, проблемы и пути их решения // Управленческое консультирование. — 2018. — № 10 (118). — С. 89.

[13] Bosch N., Espasa M., Mora T. Citizen control and the efficiency of local public services // Environment and Planning C: Government and Policy. Pion Ltd, London. — 2012. — Vol. 30. — P. 248.

[14] Kuhlmann E., Allsop J., Saks M. Professional Governance and Public Control. A Comparison of Healthcare in the United Kingdom and Germany // Current Sociology. — 2009. — July. — Vol. 57 (4). — P. 511.

PANCHIKHINA Olga,

Chairman of the Public Chamber of the Republic of Bashkortostan

E-mail: fondufa@mail.ru

Public Fund for City Development, Ufa, Russia

AKHMETYANOVA Rimma,

Candidate of Sociological Sciences

E-mail: ahmetyanova@isi-rb.ru

*Center for Social Development and Human Capital Formation Studies
of the State Autonomous Scientific Institution "Institute of Strategic Research
of the Republic of Bashkortostan", Ufa, Russia*

INTERACTION BETWEEN SELF-GOVERNMENT AND SOCIALLY-ORIENTED NON-COMMERCIAL ORGANIZATIONS: CONDITION, CHALLENGES AND DEVELOPMENT POTENTIAL

The paper, based on the analysis of data from sociological surveys, deals with problems of interaction between local self-government bodies and non-commercial organization (NCO). The article states that the process of forming partnerships between local governments and NCOs is in the process of being institutionalized. The collaboration initiative is more in the hands of the non-profit sector. Despite the generally favorable NCO-climate in the Republic of Bashkortostan, the attitude of local governments towards the non-profit sector as an equal partner in solving social problems and working with the population is developing at a rather slow pace. An important direction is to increase public confidence in the NCO through the development of civil sector information system to provide the best information to society.

Key words: *non-commercial organizations (NCO), local self-government, forms of interaction, efficiency, capacity of the non-profit sector.*

References

[1] Akhmetyanova, R. A., Filippova. N. M. NKO-klimat v Respublike Bashkortostan: potencial razvitiya // [NPO-climate in the Republic of Bashkortostan: Development Potential] // Vlast` [Power]. — 2018. — No. 26 (3). — P. 25.

[2] Bondaletov V. V. Organizacionny`e mexanizmy` upravlyaemoj obshhestvennoj samoorganizacii: sociologicheskoe izmerenie // [Organizational Mechanisms of Controlled Social Self-Organization: Sociological Dimension] // Materialy` Afanas`evskix chtenij [Materials of Afanasiev's readings]. — 2017. — No. 2 (19). — P. 32.

[3] Brovchenko N. V. Rol` social`no orientirovanny`x nekommercheskix organizacij v realizacii polnomochij organov mestnogo samoupravleniya [The Role of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Implementation of the Powers of Local Self-Government Bodies] // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]. — 2019. — No. 6 (174). — P. 43.

[4] Volkov D. A. Rost obshhestvennoj aktivnosti v Rossii: stanovlenie grazhdanskogo obshhestva ili ocherednoj tupik? [Growth of Social Activity in Russia: the Formation of Civil Society or Another Dead End?] // Vestnik obshhestvennogo mneniya [Bulletin of Public Opinion]. — 2011. — No. 2. — P. 10.

[5] *Giddens E.* Uskol`zayushhij mir / per. s angl. M. L. Korobochkina [The Elusive World / transl. from English by M. L. Korobochkin]. — Moscow : The whole world, 2004. — P. 21.

[6] *Kirichek A. I.* Mexanizmy` vzaimodejstviya vlasti s sub``ektami grazhdanskogo obshhestva pri organizacii mezhsektornogo social`nogo partnerstva v sub``ektax Rossijskoj federacii [Mechanisms of Interaction between the Authorities and the Subjects of Civil Society in the Organization of Intersectoral Social Partnership in the Subjects of the Russian Federation] // Vestnik TGE`U [Bulletin of the Pacific State University of Economic]. — 2017. — No. 3 (83). — P. 44.

[7] *Kochetkov A. P.* Grazhdanskij kontrol` — vazhnaya forma vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva v Rossii [Civil control — an Important Form of Interaction between the State and Civil Society in Russia] // Politicheskaya nauka. Special`ny`j vy`pusk [Political Science. Special issue]. — 2017. — P. 17.

[8] *Mersiyanova I. V., Benevolenskiy V. B.* Preimushhestva NKO kak postavshhikov social`ny`x uslug: aprobaciya v rossijskix usloviyax [Advantages of NPOs as Providers of Social Services: Approbation in Russian Conditions] // Voprosy` gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya [Issues of state and Municipal Management]. — 2016. — No. 4. — P. 17.

[9] *Nosanenko G. Yu.* Modeli vzaimodejstviya "tret`ego sektora" i vlasti (po materialam e`mpiricheskogo issledovaniya) [Models of Interaction between the "Third Sector" and the Authorities (Based on Empirical Research)] // ANI: e`konomika i upravlenie [ANI: Economics and Management]. — 2017. — No. 1 (18). — P. 260.

[10] *Panchikhina O. Yu., Akhmetyanova R. A.* Praktika vzaimodejstviya social`no-orientirovanny`x nekommercheskix organizacij i organov mestnogo samoupravleniya (na primere Respubliki Bashkortostan) [Practice of Interaction between Socially Oriented Non-Profit Organizations and Local Governments (on the Example of the Republic of Bashkortostan)] // Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x tehnologij) [Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)]. — 2018. — No. 3 (40). — P. 24.

[11] Federal`ny`j zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ "Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii" [Federal Law dated October 06, 2003 No. 131-FL "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"] // SZ RF [Code of Laws of the Russian Federation]. — 2003. — No. 40. — Art. 3822.

[12] *Chernyshov A. N.* Vzaimodejstvie gosudarstva i NKO: vozmozhnosti, mexanizmy`, problemy` i puti ix resheniya [Interaction between the State and Non-Profit Organizations: Opportunities, Mechanisms, Problems and Ways to Solve them] // Upravlencheskoe konsul`tirovanie [Management Consulting]. — 2018. — No. 10 (118). — P. 89.

[13] *Bosch N., Espasa M., Mora T.* Citizen control and the efficiency of local public services // Environment and Planning C: Government and Policy. Pion Ltd, London. — 2012. — Vol. 30. — P. 248.

[14] *Kuhlmann E., Allsop J., Saks M.* Professional Governance and Public Control. A Comparison of Healthcare in the United Kingdom and Germany // Current Sociology. — 2009. — July. — Vol. 57 (4). — P. 511.

УДК 37.014

КУНСБАЕВ Сайфутдин Зайнетдинович,

кандидат педагогических наук

E-mail: skunsbaev@mail.ru

ГБПОУ «Уфимский колледж статистики, информатики
и вычислительной техники», г. Уфа, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

В статье, на основе анализа предложенных уже в отечественной науке периодизаций, разрабатывается оригинальная трактовка основных этапов формирования политики инклюзивного образования в современной России на федеральном и региональном уровнях, формулируются качественные характеристики каждого этапа. На федеральном уровне выделяются три этапа реализации политики инклюзивного образования: первый — с 1992 по 2007 годы (создание предпосылок для современной системы инклюзивного образования с применением мировых стандартов); второй — с 2008 по 2012 годы (завершение создания специальной нормативной базы политики инклюзивного образования); третий — с 2012 года до сегодняшних дней (совершенствование нормативно-законодательной основы политики инклюзивного образования, интенсивная его реализация на всех уровнях обучения). На региональном уровне (на примере Республики Башкортостан) также формируются следующие этапы политики инклюзивного образования: первый — с 1992 по 2012 годы (начиная с создания постсоветской региональной образовательной системы, заканчивая первыми попытками реализации региональной политики инклюзии); второй — с 2012 по 2020 годы (разработка собственной нормативной базы, завершение создания основ региональной системы инклюзивного образования); третий — с 2020 года (утверждение «Концепции развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан на 2020–2025 годы» (17 июня 2020 года)).

Ключевые слова: инклюзивное образование, государственная политика, основные этапы, Россия, Башкортостан.

Для цитирования: Кунсбаев С. З. Этапы формирования политики инклюзивного образования в постсоветской России: федеральный и региональный уровни // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 60–68. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-60-68

В новейших научных исследованиях становится общепризнанным положение о том, что «инклюзивное образование — это политика государства, направленная на устранение барьеров, которые разъединяют детей, на полное включение всех детей в общеобразовательный процесс, их социальную адаптацию, несмотря на возраст, пол, этническую и религиозную принадлежность, отставание в развитии и социальный статус» [8, с. 201].

Несмотря на относительно недавнее начало теоретической разработки проблемы и прак-

тической реализации инклюзивного образования за рубежом и в нашей стране, в отечественной науке сформировалось уже несколько обоснованных подходов к периодизации развития этого особого феномена общественно-педагогической деятельности. Как показывает анализ опубликованной литературы и Интернета, наибольшую популярность данная тема получила в диссертационных исследованиях по проблематике инклюзивного образования. Это вполне закономерно, так как первоначально проблема инклюзивного образо-

вания теоретически более всего разрабатывалась именно в педагогических исследованиях, этого требовала реальная практика. Впоследствии к изучению данной темы активно подключились представители других направлений отечественной науки: социологии, правоведения и политологии.

С политологической точки зрения, одним из важных аспектов изучения рассматриваемой проблемы выступает научно аргументированная периодизация эволюции инклюзивного образования в нашей стране в постсоветский период развития. В этом смысле не вызывает сомнений, что для определения современного состояния отношения в обществе к детям с ограниченными возможностями здоровья и к их образованию необходимо выявить основные, качественно отличающиеся друг от друга, этапы этого процесса в ходе всей общественной эволюции во всем мире, в сопряжении с отечественным опытом.

Анализ имеющихся исследований по этой теме в хронологическом порядке их появления, абсолютное большинство которых приходится на последнее десятилетие, показывает, что одну из первых обоснованных периодизаций развития инклюзивного образования в России и за рубежом предложила Н. П. Артюшенко, которая разделила его формирование, в сравнительном сопоставлении общемировой традиции с отечественным опытом, на шесть основных этапов. По ее мнению, в ходе первого периода происходит смена агрессии и нетерпимости к лицам с ограниченными возможностями здоровья на заботу о них, в Европе этот период длился с IX–VIII веков до н. э. до начала XII века, в России с 996 по 1715 годы. В ходе второго периода (в Европе — с XII века до конца XVIII в., в России — с 1706 по 1806 гг.) осуществляется переход от осмысления необходимости призрения лиц с ограниченными возможностями здоровья к осознанию возможности обучения глухих и слепых детей. Третий период (в Европе — конец XVIII — начало XX вв., в России — с 1806 по 1930 гг.) ознаменовался тем, что произошел переход к осознанию не только возможности, но и целесообразности обучения детей с нарушениями слуха, зрения. В ходе четвертого периода (в европейских странах — с начала по 70-е годы XX в.,

в России — с 1930 по 1991 гг.) сформировалась действующая сейчас в большинстве стран мира система специального образования. Пятый период (в Европе — с 1971 по 1990-е гг., в России — с 1991 по 2000 гг.), по мнению Н. П. Артюшенко, стал временем доминирования интегрированного обучения. Шестой, то есть современный период формирования инклюзивного образования, характеризуется переходом от интеграции к инклюзии, по времени он отличается почти полным совпадением западной традиции с отечественным опытом [1].

Схожую с предшествующей точкой зрения концепцию периодизации, разработанную на основе системы оригинальных критериев, выдвинула Н. А. Медова. Она сочла необходимым выделение пяти основных периодов в развитии этого противоречивого процесса, универсально развивающихся и на мировом уровне, и в рамках отечественного опыта. На первом этапе обычно происходит формирование общих ценностных ориентаций в обществе и системе образования, в том числе — применительно к людям с ограниченными возможностями. На втором этапе — непосредственное создание системы специального образования в рамках национального государства. На третьем этапе — развитие международного законодательства в этой сфере на основе обобщения имеющегося мирового опыта. На четвертом этапе происходит развитие интеграционных процессов и кризис системы традиционного специального образования в отдельных странах. Наконец, на пятом этапе осуществляется зарождение и разворачивание непосредственно феномена инклюзивного образования в стране в сочетании с общемировыми тенденциями этого процесса. При этом Н. А. Медова специально подчеркивает, что временные периоды прохождения указанных этапов на Западе и в России несколько отличаются. Например, в западных странах, по мнению автора, длительность основных этапов имеет следующие хронологические рамки: первый этап — до XII в. н. э.; второй этап — с XII по XVIII вв.; третий этап — с XVIII в. до начала XX в.; четвертый этап — с начала XX в. до 70-х годов XX в.; пятый этап — 70-е годы XX в. В нашей стране, с точки зрения Н. А. Медовой,

общественное «освоение» инклюзивного образования несколько отставало, в силу особенностей социально-политической эволюции государства, от аналогичных процессов на Западе и выглядело следующим образом: первый этап развивался с XII века н. э. по XVII век; второй этап — с XVII века до периода «великих» социальных революций начала XX века (1917 год); третий этап — с конца 1920-х годов до построения «развитого социализма» в стране; четвертый этап — начиная с 1970-х годов до начала «постсоветской эпохи»; пятый этап начался в 1990-е годы и продолжается по сегодняшний день [7, с. 13]. Таким образом, Н. А. Медова предложила самые общие контуры периодизации развития всей системы инклюзивного образования в нашей стране в ее сочетании с общемировыми процессами.

Основывая свою точку зрения на позиции известного отечественного исследователя специального образования академика Н. Н. Малофеева [6, с. 292] и проанализировав все основные международные и отечественные политико-правовые документы, начиная со Всеобщей Декларации прав человека (ООН, 1948), в которой закреплено неотъемлемое право каждого человека на образование, а также в ст. 26 отмечается, что «образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами... Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей» [2], доктор педагогических наук В. В. Хитрюк выделила пять основных периодов на пути эволюции отношения государства и общества к инвалидам, основанном на соответствующем отношении к последним. В первый выделяемый автором период происходит вообще обретение детьми-инвалидами права на жизнь. Во втором периоде общество предоставляет детям-инвалидам право на призрение, то есть особенное социальное отношение. В третий период развития инклюзивного образования, по В. В. Хитрюк, дети с ограниченными физическими возможностями получают права на специальное обучение,

обеспечиваемое государством или при его поддержке. В ходе четвертого периода эволюции инклюзии большинству детей с отклонениями в физическом и умственном развитии государство гарантирует право на разностороннее образование, но в системе «отделенного» специального образования. Наконец, в пятом периоде происходит непосредственное создание инклюзивного образования, предполагающего движение от равных прав к равным возможностям, от институализации специального образования к его интеграции со всей системой образования детей «без отклонений» [12, с. 28].

Ограничившись только новейшей (после Второй мировой войны) историей развития инклюзивного образования в мире и стране, отметила важнейший для современности качественный переход в осмыслении смысла этого феномена О. С. Кузьмина: «Предпосылкой для утверждения инклюзивного подхода в образовании явилось изменение понимания обществом инвалидности. На смену медицинской модели, просуществовавшей до середины 1960-х гг. и предполагавшей изоляцию, сегрегацию людей с ОВЗ, пришла модель нормализации, которая бытовала до середины 1980-х гг. и предполагала интеграцию людей с ОВЗ в общественную жизнь. Модель нормализации в период с середины 1980-х гг. до настоящего времени сменилась на социальную модель, представляющую инвалидность ребенка не с позиции носителя проблемы. Согласно социальной модели, диаметрально противоположной медицинской, барьеры и проблемы в обучении ребенка с ОВЗ может создавать общество, несовершенство общественной системы образования и взаимоотношений с окружающими людьми» [5, с. 38]. Таким образом, О. С. Кузьмина выделила три качественно отличающихся периода утверждения инклюзивного подхода в образовании в новейшей (послевоенной) истории: 1) до 1960-х годов (медицинская концепция); 2) 1960-е — середина 1980-х годов (модель нормализации); 3) с середины 1980-х годов по настоящее время (социальная модель).

Наконец, наиболее аргументированную и подробную периодизацию формирования политики инклюзии предложила в своем дис-

сертационном исследовании о современном состоянии и тенденциях развития инклюзивного образования за рубежом Н. Г. Сигал. Автор считает обоснованным выделение трех основных исторических этапов, каждый из которых имеет свои специфические особенности, подробно описанные в работе [10].

Так, по мнению автора, первый этап (до середины XVIII в.) характеризуется социальной и педагогической изоляцией детей с ограниченными возможностями здоровья, что нашло свое отражение в полном отрицании права данных детей на образование и отсутствии медицинской и социокультурной их поддержки. Однако в рассматриваемый период представлены фрагментарные сведения о зачатках гуманного отношения к данным детям.

На втором этапе (середина XVIII — начало XX вв.), по мнению автора, прослеживаются изменение и расширение *государственной политики в области образования детей с ограниченными возможностями здоровья (выделено авт.)*, формируется научно-методологическая основа для их включения в массовые школы и наблюдаются первые избирательные попытки совместного обучения, направленные в целом на формирование у детей социальных компетенций. Принятие в ряде зарубежных стран закона «О всеобщем начальном образовании» явилось значимым шагом в зарождении интеграционных процессов в образовании, свидетельством чему служат, например, открытие первого интегративного учреждения в Германии (1841 г.), организация специальных классов в массовых школах для обучения детей с разными видами нарушений в психофизическом развитии в Англии, Австрии, Германии, США, Франции, Швейцарии и других странах. В то же время изменения, происходившие в обществе в целом, и, в частности, в системе образования в большей степени, положили начало институционализации специальной педагогики как отдельной области научного знания и организации специальных образовательных учреждений. Это имело противоречивые последствия: с одной стороны, происходило интенсивное изучение потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья; с другой — способствовало созданию «теоретической осно-

вы» их социальной и образовательной сегрегации.

На третьем этапе (40-е гг. XX в. — 90-е гг. XX в.), по мнению вышеупомянутого автора, происходит кардинальная трансформация идеологии зарубежного общества по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья, принятия значимых правовых основ инклюзивного образования. Зарубежными учеными разрабатываются и внедряются инновационные экспериментальные концепции, остро критикующие и отвергающие представления, в основе которых лежит «медицинская модель», что способствует продвижению идеи инклюзии в общество.

Наконец, на четвертом этапе, который, с точки зрения Н. Г. Сигал, начинается с 1994 года и длится по настоящее время, происходит совершенствование национальных систем образования в аспекте сближения систем специального и общего образования и развитие инклюзивных школ как «школ для всех детей», обусловленных официальным принятием идеи инклюзивного образования Саламанкской декларацией (1994 г.), которая получила свое развитие в качестве инновационной образовательной парадигмы в большинстве стран мира («Дакарская рамочная концепция действий» (Dakar Framework for Action) и «Цели тысячелетия в развитии образования» (Millennium Development Goals on Education).

Резюмируя свои размышления об эволюции политики инклюзивного образования, Н. Г. Сигал пришла к аргументированному выводу, который во многом согласуется и с нашей точкой зрения, о том, что процесс *постепенного перехода зарубежных стран (выделено авт.)* к реализации инклюзивного образования обусловлен изменениями в идеологии общества по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья, усилением внимания к вопросам их образования, принятием значимых правовых основ и уровнем развития общества. К аналогичному выводу мы пришли, анализируя развитие отечественной политики инклюзивного образования в позднесоветское и постсоветское время.

В отечественной науке и политической практике, которые приступили к реализации концепции инклюзивного образования, в силу

определенных исторических причин, несколько позже, также, на наш взгляд, повторяется зарубежная ситуация, которая во многом осложняет осуществление единой государственной политики в реализации этого направления педагогической и социально ориентированной деятельности. Считается, что в нашей стране (в рамках обновленного российского государства) нормативно, то есть за пределами общественных дискуссий, проблема инклюзивного образования начала разрабатываться в таких отечественных нормативно-правовых документах, как: письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2008 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами»; в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», принятой по инициативе Президента Российской Федерации (2008 год); в Указе Президента Российской Федерации «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (2012 год), а также — в более поздних документах.

В основу выделения этапов предлагаемой нами периодизации входят критерии не только правового, но политического характера, когда соответствующие политико-правовые документы предопределяют переход на следующий уровень осмысления проблемы, с точки зрения организации соответствующей государственной образовательной политики. Кроме того, хронологические рамки нашей периодизации ограничиваются временем, начиная с возникновения обновленного суверенного российского государства в его постсоветском формате. Рассматривая только постсоветскую историю эволюции политики инклюзивного образования, нам представляется, что можно выделить три основных этапа в развитии этого процесса.

Первый этап, на наш взгляд, начинается с образования суверенного российского государства и распада Советского Союза, а выражается в текстах его базовых нормативных документов, в том числе: Федерального закона Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1-ФЗ «Об образовании»; Конституции Российской Федерации (12.12.1993); за-

конодательных актов Российской Федерации в сфере образования (Федерального закона от 24.06.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и Федерального закона от 02.06.1999 № 97801857-2 «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)». Таким образом, первый этап развития политики инклюзии в нашей стране начался с периода деидеологизации образования в целом и создания предпосылок для создания современной системы инклюзивного образования, с применением стандартов, выработанных мировым сообществом. Хронологически первый этап охватывает период приблизительно с 1992 по 2007 годы.

На втором этапе (с 2008 по 2012 годы) завершается создание специальной нормативной базы политики инклюзивного образования в стране (письмо Минобрнауки Российской Федерации № АФ-150/06 от 18.04.2008 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами», национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», представленная Президентом Российской Федерации (2008 год)). Именно в это время Россия ратифицирует основные международные документы в этой области. Так, 24 сентября 2008 г. Российская Федерация подписала Конвенцию о правах инвалидов, а в декабре 2010 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приступила к работе по изменению российского законодательства в целях приведения его в соответствие с Конвенцией о правах инвалидов (в рамках подготовки к ратификации Конвенции). Наконец, на этом этапе понятие инклюзивного образования, закрепляется в основном законе, регулирующем образовательную деятельность. В пункте 27 ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» впервые в федеральном законодательстве инклюзивное образование трактуется как обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей [4].

На третьем этапе, который начинается хронологически с 2012 года и длится по сей день, продолжается совершенствование нормативно-законодательной базы политики инклюзивного образования (Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [11]) и происходит интенсивная реализация данного направления образовательной деятельности на всех уровнях обучения. В особенности это относится к высшей и средней специальной профессиональной школе. Интенсивно развивается в этот период и региональное законодательство в области инклюзивного образования.

На региональном уровне реализация политики инклюзивного образования имеет в каждом отдельном случае свою специфику, обусловленную особенностями осуществления всей системы образования и практическим исполнением федерального законодательства в этой области. Применительно к Республике Башкортостан как одному из самых крупных и развитых в социально-экономическом смысле субъектов Российской Федерации, диахронный анализ процессов реализации федерального законодательства и развития собственной нормативной базы показал, что политика инклюзивного образования также пережила несколько качественно отличающихся этапов. Нам представляется обоснованным выделение, в этом смысле, следующих периодов.

Первый этап (с 1992 по 2012 годы) начинается со времени начала создания новой (постсоветской) образовательной системы, в рамках ее формирования в регионах, и заканчивается к 2012 году, когда, на основе исполнения вновь принятых документов общегосударственного характера, предпринимаются первые интенсивные попытки реализации пока еще бессистемной региональной политики инклюзивного образования. В этот период руководство республики ограничивается, в основном, претворением в жизнь федерального законодательства, без создания собственной региональной нормативной базы по данному вопросу. Проблема инклюзии в этот период рассматривается преимущественно на основе осуществления и повы-

шения качества специального или интегрированного образования детей с ограниченными возможностями здоровья, без ее выделения в отдельное направление социально-педагогической деятельности.

Второй период (с 2012 по 2020 гг.) характеризуется в Башкортостане: во-первых, разработкой собственной нормативной базы на основе принятия государственных программ «Развитие образования в Республике Башкортостан» (21 февраля 2013 г.), «Доступная среда в Республике Башкортостан» (31 октября 2016 г.) и других профильных нормативных правовых актов; во-вторых, завершением создания основ региональной системы инклюзивного образования, в том числе — посредством реализации федерального законодательства по данной проблеме. Инклюзия теперь рассматривается как специальное и отдельное направление образовательной политики, отличное от интегрированного и специального образования. Значительную роль в этот период сыграли и принятые на парламентских слушаниях (ГД ФС РФ) рекомендации по теме: «Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации: проблемы отрасли и общества» (12 апреля 2012 г.), подготовленные под руководством депутата Государственной Думы Российской Федерации от Башкортостана А. Н. Дегтярева [3].

Третий этап развития региональной политики инклюзивного образования в Республике Башкортостан начинается в 2020 году на основе разработки и принятия к исполнению «Концепции развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан на 2020–2025 годы» (17 июня 2020 г.). Утверждению этого документа предшествовало достижение существенных результатов образовательной политики, основанное на многолетней работе по созданию в республике инклюзивной образовательной среды. Так, за период с 2011 по 2018 годы количество оборудованных образовательных учреждений, доступных для детей-инвалидов, составило в республике 633 единиц, в том числе — от числа соответствующих направлений образовательной деятельности: дошкольных учреждений — 17%; общеобразовательных учреждений — 24,4%; учреждений до-

полнительного образования детей — 25,4%; учреждений профессионального образования — 24,8% [9]. Эти показатели выступают хорошими характеристиками зрелости региональной системы инклюзивного образования. При этом в упомянутой концепции поставлена задача развития региональной сети социальных и образовательных учреждений, деятельность которых основывается на принципах инклюзивного образования в возрастающих масштабах.

Резюмируя вышеизложенный анализ, необходимо сделать вывод о том, что в рамках

постсоветской эволюции российского образования, на федеральном уровне выделяются три качественно отличающихся этапа политики инклюзивного образования: первый — с 1992 по 2007 годы; второй — с 2008 по 2012 годы; третий — с 2012 года до сегодняшних дней. На региональном уровне, применительно к Республике Башкортостан, также детерминируются три этапа развития инклюзивного образования: первый — с 1992 по 2012 годы; второй — с 2012 по 2020 годы; третий — с июля 2020 года.

Литература

- [1] *Артюшенко Н. П.* Организационно-педагогические условия обучения детей с ограниченными возможностями здоровья средствами инклюзивного образования : дис. ... канд. пед. наук. — Томск, 2010. — 319 с.
- [2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Ст. 26 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/2f2f19d786e4d18472d3508871a9af6e482ad9ca/
- [3] *Дягтерёв А. Н.* Рекомендации парламентских слушаний по теме «Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации: проблемы отрасли и общества». — М., 12 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://helpautism.ru/2012/04/26/rekomendatsii-6-ps-inklyuzivnoe-obrazov/>
- [4] Закон Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/zakonodatelstvo/federalnyy-zakon-ot-29-dekabrya-2012-g-no-273-fz-ob-obrazovanii-v-rf>
- [5] *Кузьмина О. С.* Подготовка педагогов к работе в условиях инклюзивного образования : дис. ... канд. пед. наук. — Омск, 2015. — 245 с.
- [6] *Малофеев Н. Н.* Специальное образование в меняющемся мире. Европа : учеб. пособие для студентов педагогических вузов. — М. : Просвещение, 2009. — 319 с.
- [7] *Медова Н. А.* Модель инклюзивного образования в условиях муниципальной образовательной системы : дис. ... канд. пед. наук. — Томск, 2013. — 189 с.
- [8] *Морозова Т. С.* Основные тенденции развития инклюзивного образования в России // Менеджмент XXI века: парадигмы, концепции, метафоры. — Томск, 2017. — С. 199–203.
- [9] Постановление правительства Республики Башкортостан от 17.06.2020 № 357 «Об утверждении Концепции развития инклюзивного образования в Республике Башкортостан на 2020–2025 годы» [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/570817189>
- [10] *Сигал Н. Г.* Современное состояние и тенденции развития инклюзивного образования за рубежом : дис. ... канд. пед. наук. — Казань, 2016. — 196 с.
- [11] Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>
- [12] *Хитрюк В. В.* Формирование инклюзивной готовности будущих педагогов в условиях высшего образования : дис. ... д-ра пед. наук. — Калининград, 2015. — 317 с.

KUNSBAYEV Saifutdin,

Candidate of Pedagogical Sciences,

E-mail: skunsbaev@mail.ru

Ufa College of Statistics, Informatics
and Computer Engineering, Ufa, Russia

POLICY FORMATION INCLUSIVE EDUCATION IN POST-SOVIET RUSSIA: FEDERAL AND REGIONAL LEVELS

In the article, based on the analysis of the periodizations already proposed in Russian science, an original interpretation of the main stages of the formation of inclusive education policy in modern Russia at the Federal and regional levels is developed, and the qualitative characteristics of each stage are formulated. At the Federal level, there are three stages of implementing the policy of inclusive education: the first—from 1992 to 2007 (creating prerequisites for a modern system of inclusive education using world standards); the second — from 2008 to 2012 (completion of the creation of a special regulatory framework for inclusive education policy); the third — from 2012 to the present day (improvement of the regulatory framework for inclusive education policy, its intensive implementation at all levels of education). At the regional level (for example, the Republic of Bashkortostan), the following stages of inclusive education policy are also being formed: the first—from 1992 to 2012 (starting with the creation of the post-Soviet regional educational system, ending with the first attempts to implement the regional policy of inclusion); the second — from 2012 to 2020 (development of its own regulatory framework, completion of the foundations of the regional system of inclusive education); the third — from 2020 (approval of the "Concept for the development of inclusive education in the Republic of Bashkortostan for 2020–2025" (June 17, 2020)).

Key words: *inclusive education, state policy, main stages, Russia, Bashkortostan.*

References

- [1] Artyushenko N. P. Organizacionno-pedagogicheskie usloviya obucheniya detej s ogranichenny`mi vozmozhnostyami zdorov`ya sredstvami inklyuzivnogo obrazovaniya : dis. ... kand. ped. nauk [Organizational and Pedagogical Conditions for Teaching Children with Disabilities by Means of Inclusive Education : Dis. ... Cand. Ped. Sciences]. — Tomsk, 2010. — 319 p.
- [2] Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General`noj Assambleej OON 10 dekabrya 1948 g.). St. 26. [Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). Art. 26] [Electronic resource]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/2f2f19d786e4d18472d3508871a9af6e482ad9ca/
- [3] Dyagterev A. N. Rekomendacii parlamentskix slushanij po teme "Inklyuzivnoe obrazovanie licz s ogranichenny`mi vozmozhnostyami zdorov`ya v Rossijskoj Federacii: problemy` otrasli i obshhestva" [Recommendations of Parliamentary Hearings on the Topic "Inclusive Education of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Problems of the Industry and Society"]. — Moscow, April 12, 2012 [Electronic resource]. — URL: <http://helpautism.ru/2012/04/26/rekomendatsii-6-ps-inklyuzivnoe-obrazov/>
- [4] Zakon Rossijskoj Federacii ot 29.12.2012 № 273-FZ "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" [Law of the Russian Federation dated December 29, 2012 No. 273-FL "On Education in the Russian Federation"] [Electronic resource]. — URL: <http://xn--273--84d1f.xn--p1ai/zakonodatelstvo/federalnyy-zakon-ot-29-dekabrya-2012-g-no-273-fz-ob-obrazovanii-v-rf>
- [5] Kuzmina O. S. Podgotovka pedagogov k rabote v usloviyax inklyuzivnogo obrazovaniya : dis. ... kand. ped. nauk [Preparation of Teachers for Work in Inclusive Education : Dis. ... Cand. Ped. Sciences]. — Omsk, 2015. — 245 p.
- [6] Malofeev N. N. Special`noe obrazovanie v menyayushhemsya mire. Evropa : ucheb. posobie dlya studentov pedagogicheskix vuzov [Special Education in the Changing World. Europe : a tutorial for students of pedagogical universities]. — Moscow : Education, 2009 . — 319 p.
- [7] Medova N. A. Model` inklyuzivnogo obrazovaniya v usloviyax municipal`noj obrazovatel`noj sistemy` : dis. ... kand. ped. Nauk [Model of Inclusive Education in the Conditions of the Municipal Educational System : Dis. ... Cand. Ped. Sciences]. — Tomsk, 2013 . — 189 p.
- [8] Morozova T. S. Osnovny`e tendencii razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya v Rossii [Main Trends in the Development of Inclusive Education in Russia] // Menedzhment XXI veka: paradigmy`, koncepcii, metafory` [Management of the XXI Century: Paradigms, Concepts, Metaphors]. — Tomsk, 2017. — Pp. 199–203.

[9] Postanovlenie pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 17.06.2020 № 357 "Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya v Respublike Bashkortostan na 2020–2025 gody" [Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan dated June 17, 2020 No. 357 "On Approval of the Concept for the Development of Inclusive Education in the Republic of Bashkortostan for 2020–2025"] [Electronic resource]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/570817189>

[10] *Sigal N. G.* Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya inklyuzivnogo obrazovaniya za rubezhom : dis. ... kand. ped. nauk [Current State and Development Trends of Inclusive Education Abroad : Dis. ... Cand. Ped. Sciences]. — Kazan, 2016. — 196 p.

[11] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.06.2012 № 761 "O Nacional'noj strategii dejstvij v interesax detej na 2012–2017 gody" [Decree of the President of the Russian Federation dated June 01, 2012 No. 761 "On the National Strategy of Action in the Interests of Children for 2012–2017"] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>

[12] *Khitryuk V. V.* Formirovanie inklyuzivnoj gotovnosti budushhix pedagogov v usloviyax vy'sshego obrazovaniya : dis. ... d-ra ped. nauk [Formation of Inclusive Readiness of Future Teachers in Conditions of Higher Education : Dis. ... Dr. Ped. Sciences]. — Kaliningrad, 2015. — 317 p.

УДК 338

МАРТИРОСЯН Оксана Анатольевна,

аспирантка Таджикского государственного университета коммерции

E-mail: martirosyan_o@mail.ru

Новороссийский филиал ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова», г. Новороссийск, Россия

МОЛОДЕЖНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Экономический кризис, обусловленный распространением пандемии COVID-19, привел к серьезным долгосрочным последствиям для молодежи во всем мире прежде всего потому, что государства приостановили финансирование сферы образования и большого количества молодежных проектов. Многие не смогли осуществить свои планы на получение качественного образования и достойной работы. Международная организация труда провела масштабное исследование на тему «Молодежь и COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и ментальное самочувствие», охватившее 112 стран и 120 тысяч респондентов. В статье приводятся некоторые результаты данного исследования, отражающие ситуацию на молодежном рынке труда.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, рынок труда, молодежь, занятость, безработица, кризис, международная организация труда, исследование, показатели.

Для цитирования: Мартиросян О. А. Молодежная занятость и безработица в условиях пандемии COVID-19 // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 69–74. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-69-74

Молодые люди, возраст которых находится в границах 29–35, второй раз за свою жизнь сталкиваются с глобальным экономическим кризисом: первый — 2008–2009 гг. — характеризовался дисфункциями финансовых систем и институтов, и затронул их в меньшей степени, поскольку пришелся на подростковый и студенческий период. Кризис сегодняшнего дня, обусловленный пандемией коронавируса, имеет гораздо более серьезное влияние на занятость, доходы и перспективы молодежи.

Данный экономический кризис привел к серьезным долгосрочным последствиям для молодежи во всем мире, прежде всего потому, что государства приостановили финансирование сферы образования и большого количества молодежных проектов. Многие не смогли осуществить свои планы на получение качественного образования и достойной работы. Большинство стран, не успев справиться со сложностями, вызванными предыдущим кризисом, вынуждены вновь сократить финансирование во многих сферах, которые касаются

молодежи, и отказаться от планов по реализации намеченных инициатив.

В этой связи наиболее остро встает вопрос о справедливом распределении ресурсов между различными поколениями. Молодежь, которая потеряла возможность осуществить свои цели и мечты в 2020 году, имеет высокие шансы попасть в наиболее уязвимую группу при последующих экономических потрясениях, что серьезным образом отразится на качестве мирового человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

Агентство стратегических инициатив вместе с экспертами Высшей школы экономики изучили влияние, которое пандемия коронавируса оказала на молодежную политику в разных странах мира. Исследование было проведено в преддверии форума «Сильные идеи для нового времени».

Среди ключевых проблем молодежи, выделенных в рамках исследования, наиболее пострадавшие государства называют в первую очередь повышение уровня безработицы.

В США на данный момент примерно 7,7 млн молодых людей являются безработными, около 3 млн молодых людей потеряли работу за последние месяцы. В Великобритании к маю 2020 года, после двух месяцев с начала периода самоизоляции, на пособие по безработице подали на 109% больше молодых людей, чем в марте. Среди молодежи (16–24 лет) количество заявлений увеличилось на 107%. В целом в Европе уровень безработицы значительно увеличился в наиболее пострадавших странах — Италии, Испании, Франции [4].

По данным аналитиков Международной организации труда (МОТ), еще до вспышки COVID-19 молодежь столкнулась с суровой реальностью рынка труда. Молодые люди в возрасте 15–24 лет имели примерно в три раза больше шансов стать безработными, чем те, кто был в возрасте 25 лет и старше [8]. Ожидается, что вызванный COVID-19 кризис создаст еще больше препятствий для данной категории граждан на рынке труда: для ищущих работу отсутствие вакансий, как ожидается, приведет к более длительному переходу от учебного заведения к работе, в то время как молодые работники рискуют потерять работу на фоне нынешней волны увольнений и краха предприятий и стартапов [7]. До начала эпидемии во всем мире 178 млн молодых людей были заняты в сферах, наиболее пострадавших от кризиса, таких как оптовая и розничная торговля, общественное питание, обрабатывающая промышленность, недвижимость и др. [6].

МОТ провела масштабное исследование на тему «Молодежь и COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и ментальное самочувствие» (Youth & COVID-19: Impacts on Jobs, Education, Rights and Mental Well-Being). Исследование проводилось в период апрель-май 2020 года методом анкетного опроса. Исследование охватывает 112 стран с числом респондентов 120 тыс. в возрасте от 18 до 29 лет.

Согласно исследованию, каждый шестой молодой человек в возрасте 18–29 лет (17,4%) прекратил работать с начала кризиса, что свидетельствует о том драматическом воздействии, которое эпидемия коронавируса оказывает на молодежные рынки труда во всем мире. К числу тех, кто перестал работать,

относятся молодые люди, которые уже потеряли работу (6,9%), а также те, кто сообщил, что работает, но проработал ноль часов с начала кризиса (10,5%). К последней группе можно отнести молодежь, занятую на наемном труде с временной потерей работы, например, в результате перехода на беззарплатную занятость (например, отпуск без содержания), а также самозанятую молодежь.

Чаще прекращали работать молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. Почти четверть (23,1%) респондентов в возрасте 18–24 лет, работавших до вспышки COVID-19, прекратили работать, по сравнению с 13% среди более старшей молодежи (в возрасте 25–29 лет) и 10,6% в возрастной когорте 30–34 лет. Кроме того, молодежь в возрасте 18–29 лет была более склонна к потере работы, чем те, кто был в возрасте 30–34 лет.

Показатели потери работы среди молодежи, трудоустроенной до начала пандемии, выглядят следующим образом (табл. 1).

Большая часть потерь рабочих мест среди молодежи была вызвана прекращением деятельности предприятий, и/или увольнением по сокращению штата. Большинство опрошенных молодых людей (54,0%), потерявших работу с начала пандемии, назвали в качестве причины либо закрытие бизнеса, в котором они работали, либо увольнение. Еще одна треть (32,4%) указала, что к началу пандемии у них закончилась временная работа, незначительное меньшинство респондентов по собственной инициативе «подало в отставку» (8,4%), или в качестве причины потери работы назвали переезды (5,0%).

Молодые работники, занятые в сфере услуг, пострадали больше всего. Более чем каждый четвертый работник (27%) занятых в данном сегменте экономики (традиционно связанном с более низким уровнем формального образования персонала), прекратил работать. Среди занятых на руководящих должностях и специалистов среднего звена потери работы составили порядка 7%.

Блокировки и меры социального дистанцирования могут объяснить более высокую частоту остановок работы среди работников тех профессий, где профессиональные задачи могут требовать частых контактов с клиентами

Таблица 1 — Потеря рабочих мест среди молодежи, трудоустроенной до начала пандемии*

Категория населения	Доля потерявших работу, %
Молодежь в возрасте 18–24 года	9,3
Молодежь в возрасте 25–29 года	5,2
Молодежь в возрасте 30–35 года	3,1
Мужчины	6,7
Женщины	7,2
Управленцы	3,6
Специалисты	3,4
Инженерные и технические работники	5,5
Занятые в сфере сервиса	11,8
Всего молодежь в возрасте 18–29 лет	6,9

* Источник: [9. С. 14].

(например, продажи) или выполнения вспомогательных услуг, связанных с тем, что бизнес остается открытым.

Меры правительств, направленные на преодоление последствий кризиса на рынках труда, в большинстве стран мира не коснулись преимущественно молодых людей, которые остались на работе после начала пандемии. 29% молодых людей, потерявших работу, уже воспользовались той или иной формой государственной поддержки. При этом следует отметить, что ряд мер компенсации негативного воздействия пандемии на занятость молодежи обуславливались тем, что они были трудоустроены, например, посредством субсидирования страхового покрытия заработной платы за сокращенное рабочее время.

Что касается ситуации с молодежной безработицей в Российской Федерации, то в Министерстве труда отмечают, что среди официально безработных людей растет доля молодежи, женщин и родителей несовершеннолетних детей. По данным министерства, во время пандемии вместе с ростом числа нетрудоустроенных россиян изменился состав безработных. Так, среди тех, кто обратился в службы занятости во время эпидемии коронавируса в России, большинство — взрослые женщины со средним образованием и стажем работы не менее года.

Помимо этого выросла доля заявителей молодого возраста (20–23 года) с 15 до 23%, а старшего, наоборот, сократилась до 15%. По данным ведомства, у большинства обратившихся в службы занятости было среднее (56%) или профессиональное (54%) образование [3].

Каждый пятый молодой человек потерял работу из-за пандемии COVID-19, а у тех, кто продолжил работать, занятость сократилась на 23%, говорится в исследовании, опубликованном МОТ.

Согласно мониторингу МОТ ситуации с занятостью в мире в период COVID-19, последствия пандемии с начала февраля привели к резкому и значительному росту безработицы среди молодежи. При этом женщины пострадали больше мужчин.

Пандемия привела к тому, что молодые люди не только теряют работу, нарушается их образовательный процесс и профессиональная подготовка, а также создаются серьезные препятствия для тех, кто только выходит на рынок труда или переходит с одной работы на другую.

По данным МОТ, уровень безработицы среди молодежи в 2019 году составлял 13,6% и уже превышал аналогичный показатель для любой другой группы. В мире насчитывается около 267 млн молодых людей, не имеющих работы, образования или профессиональной подготов-

ки. Те молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, которые работают по найму, также чаще всего выполняют низкооплачиваемую работу, работают в неформальном секторе или в качестве трудящихся-мигрантов, что делает их уязвимыми с точки зрения занятости.

«Экономический кризис из-за COVID-19 наносит молодежи, особенно женщинам, удар сильнее и быстрее, чем любой другой группе. Если мы не примем значительных и незамедлительных мер по улучшению их положения, то наследие вируса может оказаться с нами на десятилетия. Если талант и энергия молодежи будут отодвинуты на второй план из-за отсутствия возможностей или навыков, это навредит всему нашему будущему и усложнит восстановление лучшей экономики в период после COVID-19», — отметил генеральный директор MOT Гай Райдер [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что конкретные меры по снижению молодежной безработицы в условиях коронавирусной пандемии должны быть направлены на:

- противодействие безработице среди молодежи и реинтеграцию на рынок труда тех молодых людей, которые потеряли работу или сообщили о сокращении рабочего времени до нуля после начала пандемии. Такие меры должны включать макроэкономическую (фискальную и денежно-кредитную) политику, направляющую государственные расходы на предоставление субсидий на трудоустройство или гарантий молодежи, а также инвестиции в экономические секторы, потенциально способные поглотить молодых соискателей;

- обеспечение мер, при которых пособия по безработице одинаково покрывают всех молодых людей, потерявших работу, во избежание еще больших потерь дохода и для облегчения доступа к пособиям для тех, кто активно ищет работу;

Литература

[1] Ананченкова П. И., Кузнецов М. Ю. Профессиональное обучение безработных в системе службы занятости населения // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. — 2016. — № 47. — С. 176–183.

[2] Каждый пятый молодой человек в мире потерял работу из-за коронавируса [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20200527/1572065245.html> (дата обращения: 31.08.2020).

[3] Минтруд: из-за пандемии коронавируса в России стало больше безработных среди молодежи и женщин [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236647821> (дата обращения: 31.08.2020).

- интеграцию стратегии таргетирования и профилирования для обеспечения того, чтобы государственные и частные меры реагирования на кризис охватывали наиболее пострадавшую молодежь, например, с родительскими обязанностями и тех, кто относится к профессиональным категориям, охватывающим сферу услуг;

- расширение поддержки, оказываемой тем, кто остался на работе во время кризиса, обеспечив им доступ к социальной защите и предоставив молодым работникам право на получение рабочих мест и краткосрочных компенсаций за работу;

- расширение активной поддержки рынка труда и доступа к услугам по трудоустройству для того, чтобы обеспечить как готовность к работе, так и качественный переход для молодежи с одного рабочего места на другое.

Указанные меры предполагают укрепление тех государственных служб занятости и частных поставщиков услуг, которые способны устранить информационную асимметрию и консультировать молодых людей по вопросам трудоустройства и карьерных перспектив или путей продолжения образования.

Безработица молодежи может иметь последствия в долгосрочной перспективе. Молодые люди, у которых были длительные периоды профессионального простоя, чаще сталкиваются с низким уровнем заработной платы, меньшими возможностями для карьерного роста, а значит, в конечном итоге и с более низкими пенсиями. Экономические последствия пандемии усугубляют уязвимость молодых людей на рынке труда, так как молодежь чаще людей старшего возраста находится на временной и неполной занятости, следовательно, чаще сталкивается с высоким риском потери работы и дохода.

[4] Пандемия коронавируса может болезненно отразиться на уровне жизни молодежи — исследование [Электронный ресурс]. — URL: <https://roscongress.org/news/pandemija-koronavirusa-mozhet-boleznenno-otrazitsja-na-urovne-zhizni-molodezhi-issledovanie/> (дата обращения: 2.09.2020).

[5] Шапиро С. А., Ананченкова П. И. Управление трудовой карьерой работников организации : учебное пособие. — М. : Берлин : Директ-Медиа, 2017. — 300 с.

[6] COVID-19 Pandemic in the World of Work. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. 4th edition (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_745963/lang--en/index.htm

[8] Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_737053/lang--en/index.htm

[7] Preventing exclusion from the labour market: Tackling the COVID-19 youth employment crisis, Policy brief, May (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_746031.pdf

[9] Youth & COVID-19: impacts on jobs, education, rights and mental well-being (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang--en/index.htm

MARTIROSYAN Oxana,

post-graduate student of Tajik State University of Commerce

E-mail: martirosyan_o@mail.ru

*Novorossiysk Branch of the Belgorod State Technological University
named after V. G. Shukhov, Novorossisk, Russia*

YOUTH EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT UNDER THE INFLUENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC

The economic crisis caused by the spread of the COVID-19 pandemic has led to serious long-term consequences for young people around the world, primarily because States have suspended funding for education and a large number of youth projects, and many children and adolescents have not been able to implement their plans for quality education and decent work. The international labour organization conducted a large-scale study on "Youth and COVID-19: impact on jobs, education, rights and mental well-being", covering 112 countries and 120 thousand respondents. The article presents some results of this study, reflecting the situation in the youth labor market.

Key words: *coronavirus, pandemic, labor market, youth, employment, unemployment, crisis, international labor organization, research, indicators.*

References

[1] Ananchenkova P. I., Kuznetsov M. Yu. Professional`noe obuchenie bezrabortny`x v sisteme sluzhby` zanyatosti naseleniya [Professional Training of the Unemployed in the System of Employment Services] // Ucheny`e zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel`stva [Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship]. — 2016. — No. 47. — P. 176–183.

[2] Kazhdy`j pyaty`j molodoj chelovek v mire poteryal rabotu iz-za koronavirusa [Every Fifth Young Person in the World Has Lost His Job Due to the Coronavirus] [Electronic resource]. — URL: <https://ria.ru/20200527/1572065245.html> (date of the application: August 31, 2020).

[3] Mintrud: iz-za pandemii koronavirusa v Rossii stalo bol`she bezrabortny`x sredi molodezhi i zhenshhin [Ministry of Labor: Due to the Coronavirus Pandemic in Russia, there are More Unemployed among Young People and Women] [Electronic resource]. — URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/236647821> (date of the application: August 31, 2020).

[4] Pandemiya koronavirusa mozhet boleznenno otrazit`sya na urovne zhizni molodezhi — issledovanie [The Coronavirus Pandemic Can Painfully Affect the Living Standards of Young People — Research] [Electronic resource]. — URL: <https://roscongress.org/news/pandemija-koronavirusa-mozhet-boleznenno-otrazitsja-na-urovne-zhizni-molodezhi-issledovanie/> (date of the application: August 31, 2020).

[5] Shapiro S. A., Ananchenkova P. I. Upravlenie trudovoj kar`eroj rabotnikov organizacii : uchebnoe posobie [Management of the Labor Career of Employees of the Organization: a tutorial]. — Moscow : Berlin : Direct-Media, 2017. — 300 p.

[6] COVID-19 Pandemic in the World of Work. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. 4th edition (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_745963/lang-en/index.htm

[8] Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the future of jobs (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_737053/lang-en/index.htm

[7] Preventing exclusion from the labour market: Tackling the COVID-19 youth employment crisis, Policy brief, May (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_746031.pdf

[9] Youth & COVID-19: impacts on jobs, education, rights and mental well-being (Geneva) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ilo.org/global/topics/youth-employment/publications/WCMS_753026/lang-en/index.htm

УДК 338

ГОРСКИЙ Антон Александрович,

старший преподаватель

E-mail: aagors@list.ru

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ НАЛОГОВОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ

Многие страны признают важную и значительную роль некоммерческого сектора в построении сильного, заботливого, социально ответственного общества, а также в содействии занятости, благосостоянию и экономическому росту. Деятельность многих некоммерческих организаций сосредоточена на благотворительных проектах. Как показывают исследования, предоставление налоговых льгот или соответствующих налоговых кредитов и вычетов подобным организациям (и их донорам) стимулирует развитие благотворительной деятельности и обеспечивает ее участникам не только эффективность использования денежных средств, но и финансовое стимулирование со стороны государства. В статье рассматриваются некоторые практические аспекты, отражающие развитие благотворительной деятельности на основе налоговых льгот, кредитов и вычетов для доноров и благотворительных организаций. Автором проанализированы подходы стран Европы, Северной и Южной Америки, а также Российской Федерации в применении налоговых механизмов для частной и корпоративной благотворительности. Сделан вывод, что, не смотря на то, что благотворительные фонды, выступая посредниками между донором и получателем и прилагая усилия по аккумуляции денежных средств и их целевому распределению, зачастую не могут расширить поле своей деятельности только потому, что отечественное законодательство не способствует развитию того или иного вида деятельности. Поэтому в ближайшей перспективе в отсутствие изменений в действующем нормативном правовом обеспечении благотворительная деятельность фондов не будет иметь развития, а непосредственно благотворительность не получит репутационного повышения.

Ключевые слова: благотворительность, фонды, налоги, льготы, стимулирование, развитие, зарубежный опыт, обзор, некоммерческие организации, перспективы.

Для цитирования: Горский А. А. Развитие благотворительности на основе налогового стимулирования: обзор зарубежной практики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 75–80. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-75-80

Многие страны признают важную и значительную роль некоммерческого сектора в построении сильного, заботливого, социально ответственного общества, а также в содействии занятости, благосостоянию и экономическому росту. Деятельность многих некоммерческих организаций сосредоточена на благотворительных проектах.

Как показывают исследования, предоставление налоговых льгот или соответствующих налоговых кредитов и вычетов подобным организа-

циям (и их донорам) стимулирует развитие благотворительной деятельности и обеспечивает ее участникам не только эффективность использования денежных средств, но и финансовое стимулирование со стороны государства.

Рассмотрим некоторые примеры налогового стимулирования деятельности благотворительных фондов и их доноров в практике зарубежных стран.

Австрия. Благотворительные фонды в значении некоммерческих организаций должны

зарегистрироваться в австрийском реестре благотворительных организаций, который управляется административными органами под надзором Министерства внутренних дел. Главным условием для регистрации является наличие Устава фонда и назначение должностных лиц в рамках утвержденной организационной структуры. В регистрации может быть отказано компетентным органом, если благотворительная организация своими целями, названием или организацией наносит ущерб действующему законодательству (п. 2 ст. 11 Конвенции Совета Европы о правах человека).

Благотворительные организации вообще являются объектом налогообложения, но в той мере, в какой они занимаются деятельностью, не являющейся благотворительной, которая в силу социальности и некоммерческого характера цели освобождается от оплаты подоходного налога. Тем не менее, налог на заработную плату выплачивается так же, как и взносы на социальное страхование работающих лиц.

Налоговые льготы для доноров в Австрии очень ограничены. Законом принимаются только пожертвования в пользу благотворительных организаций, занимающихся научно-исследовательской деятельностью, для уменьшения основания исчисления подоходного налога за текущий год до размера 10% от дохода за прошлый год. Пожертвования на эти виды благотворительности, превышающие указанную сумму, не подлежат налогообложению, как и пожертвования в пользу любых других благотворительных организаций [9].

Бельгия. Денежные пожертвования в размере 30 евро и более не облагаются налогом, если они сделаны в пользу зарегистрированных фондов, которые, в свою очередь, получили разрешение выдавать налоговые квитанции своим донорам.

подавляющее большинство фондов, уполномоченных выпускать налоговые квитанции, подлежат процедуре предварительной регистрации. Регистрация не является постоянной: благотворительные фонды регистрируются только в течение ограниченного времени (максимум шесть последовательных календарных лет) с возможностью последующего продления.

В стране функционирует ограниченное число фондов, которые зарегистрированы автоматически на основании упоминания «Belge des impôts sur les revenus 1992» (Бельгийский закон о подоходном налоге 1992 года, сокращенно CIR 92) (например, Fonds fédéral de la recherche scientifique, CroixRouge de Belgique, Fondation Roi Baudouin, Child Focus), или подпадающие под упомянутую в настоящем законе категорию благотворительных организаций, для которой правовой документ не предусматривает никакой процедуры предварительной регистрации (например, бельгийские университеты, королевские академии, общественные центры социального действия, центры защищенной работы и некоторые музеи).

Фонды, подлежащие процедуре предварительной регистрации, должны соответствовать ряду условий, в числе которых:

- обладание правосубъектностью в соответствии с бельгийским, публичным или частным правом;
- отсутствие стремления к прибыли, ни для себя, ни для своих членов как таковых;
- осуществление деятельности, подпадающей под одну из областей, указанных в CIR 92;
- наличие определенной сферы благотворительной деятельности или влияния;
- получение грантов от государственных органов;
- выделение не более 20% своих ресурсов любого рода для покрытия административных расходов;
- регламентирование административных расходов.

Как индивидуальные доноры, так и корпоративные имеют право на компенсацию налога на прибыль с суммы пожертвования в пользу благотворительного фонда.

Для индивидуального донора общая сумма возврата не может превышать 10% от суммы пожертвованных денежных средств, общий объем которых не может превышать ежегодно заданного верхнего порога. Так, например, в 2019 году максимальная сумма пожертвований, с которой можно было вернуть 10% компенсации, составляла 331 200 евро за год.

Для корпоративного донора лимиты составляют 5% и 500 000 евро соответственно [8].

Канада. Благотворительный сектор страны состоит примерно из 750 тысяч неинкорпорированных (общественных) организаций (например, Ассоциация соседей, спортивная лига), 81 тыс. некоммерческих корпораций и 83 тыс. зарегистрированных благотворительных организаций. Некоммерческая организация (НКО) описывается в канадском законе «О подоходном налоге» как клуб, общество или организация, ассоциация, которая организована и действует исключительно для социального обеспечения; улучшения гражданского состояния; удовольствия или отдыха; или любой другой цели, кроме прибыли.

Зарегистрированный благотворительный фонд получает регистрационный номер от канадского Налогового агентства и освобождается от уплаты налога на свои доходы. Фонд может выдавать квитанции о пожертвованиях, которые он получает.

Благотворительные организации освобождаются от уплаты подоходного налога; доноры вознаграждаются налоговым вычетом или кредитом, в котором до 75 % годового чистого дохода может быть пожертвовано и получено за участие в благотворительной деятельности.

Налоговые кредиты рассчитываются в процентах от суммы пожертвования в год. Например, первые 200 долларов пожертвований дают право на получение федерального налогового кредита 15,25% от суммы пожертвования. После первых 200 долларов федеральный налоговый кредит увеличивается до 29% от суммы свыше 200 долларов.

Все благотворительные организации обязаны ежегодно размещать информационные отчеты на веб-сайте канадского налогового агентства. В Канаде 51 % некоммерческих и добровольных организаций являются зарегистрированными благотворительными организациями.

Следует отметить, что активная благотворительная деятельность канадских фондов существенно снижает налоговые отчисления и способствует уменьшению поступлений в бюджет. Так, например, в 2015–2017 гг. зарегистрированные благотворительные организации генерировали ежегодные налоговые поступления пожертвований в размере 7,9 млрд дол. (5,7 млрд евро), что привело к недополуче-

нию федеральных доходов в размере от 2 до 2,5 млрд дол. (1,2–1,3 млрд евро) [6].

Дания. Все благотворительные организации должны быть специально зарегистрированы в датской налоговой системе, если они хотят, чтобы их доноры получали налоговые вычеты.

В стране практикуются два способа возмещения части налога на пожертвования:

1. Донор может компенсировать от 500 датских крон (67 евро) до 14 000 датских крон (1800 евро) в год, пожертвованных в пользу одной или нескольких благотворительных организаций. Налогоплательщик должен получить квитанцию из одобренной благотворительной организации. Благотворительные организации должны объявить пожертвованную сумму и идентифицировать ее в налоговых органах.

2. Социальные выплаты благотворительным организациям и религиозным обществам могут обеспечить до 15 % налогового вычета донору при условии, что его доход — не менее 15 000 датских крон (2000 евро) в год [9].

Турция. Благотворительные организации, государственные и частные фонды, являющиеся резидентами и учрежденные в Турции, как правило, не несут налоговых обязательств. Благотворительные организации освобождаются от уплаты подоходного налога (корпоративного налога) со своих доходов и могут выдавать квитанции о пожертвованиях, которые они получают. Доноры имеют право на вычет до 5 % от своего годового чистого дохода [9].

Аргентина. Благотворительный фонд — это юридическое лицо, которое развивает благотворительную деятельность — будь то персонализированная социальная работа или деятельность, направленная на общее благо или общественные интересы — и зарегистрировано в соответствии с действующим законодательством.

Например, в городе Буэнос-Айрес органом, регулирующим деятельность благотворительных фондов, является инспекция General de Justicia (инспекционный совет юридических лиц) — Departamento de Fundaciones y Asociaciones Civiles (Департамент фондов и гражданского общества и объединения предпринимателей).

Согласно аргентинской нормативной базе, данный контрольный орган осуществляет администрирование деятельности благотворительных фондов на национальном уровне, делегируя такие функции, как регистрация, контроль и аудит их деятельности областной власти (в рамках конкретной провинции). Поэтому в каждой провинции есть свое местное законодательство и свой контрольный орган.

Благотворительные организации (в том числе и фонды) имеют право быть освобожденными от уплаты налогов. Налог на прибыль в отношении финансового дохода, полученного в ходе реализации фандрайзинговой деятельности в пользу выполнения непосредственной благотворительной деятельности фонда может быть снижен на 5% при соблюдении ряда условий:

- благотворительный фонд задекларировал конкретный вид деятельности, обеспечивающий получение дохода в Федеральной налоговой администрации. Это могут быть производство и продажа товаров и услуг, консалтинг, посредничество или иные виды предпринимательской деятельности, сбор частных и корпоративных пожертвований и их аккумуляция на специальных счетах, проектный фандрайзинг и пр.;

- подтвержденное внесение благотворительного фонда в государственный реестр и подтверждение правового статуса деятельности фонда;

- прозрачность в определении нормы пожертвования (декларация на сайте благотворительного фонда или в иных других открытых источниках);

- механизм пожертвования, предполагающий списание денежных средств со счета донора на счет фонда [7].

Чили. В Чили существует два типа некоммерческих (благотворительных) организаций. Первый из них состоит из фондов (*Fundaciones*) и корпораций (*Corporaciones*), регулируется Гражданским кодексом и местными законами муниципалитетов.

Второй тип состоит из группы субъектов, регулируемых специальными законами и имеющих различные цели, которые носят как частный, так и общественный характер. Частные благотворительные образования организуются

как профессиональные ассоциации, профсоюзы, осуществляющие деятельность на муниципальном уровне (например, самостоятельные, спортивные организации), общины коренных народов и политические партии и т.д.

К общественным благотворительным организациям в основном относятся религиозные организации и связанные с государством структуры.

Чтобы работать в Чили, все некоммерческие организации обязаны иметь идентификационный номер и сделать заявление под присягой, по которому налоговая Администрация уведомляется о начале деятельности организации.

Закон «О подоходном налоге» не является особенно гибким для благотворительных организаций в отношении пожертвования. Льготы и вычеты допускаются только в особых случаях, и если они не отвечают требованиям, пожертвованная сумма облагается контрольным налогом и не подлежит вычету.

Проведенный обзор показывает, что в зарубежных странах существует и активно используется налоговый механизм стимулирования благотворительной деятельности и поддержки организаций (фондов), обеспечивающих ее распространение и эффективное развитие [7].

Что касается *Российской Федерации*, то в нашей стране современная система налогообложения дает определенные поблажки, льготы, возможности снижать плату государству из тех средств, которые были затрачены на благотворительность, вернуть налоговый вычет, получить освобождение от платы.

В 2020 году в Москве и регионах благотворитель (частное лицо или компания) может рассчитывать на следующие налоговые послабления [3].

Налог на прибыль. До 2005 года из-за несовершенства системы была возможность ухода от оплаты. Но сегодня юридические лица имеют право выделять деньги на благотворительность только из части, являющейся чистой прибылью. Пожертвованные средства не облагаются налоговым бременем.

НДС. При оказании финансовой, материальной поддержки НДС не учитывается. В каждом конкретном случае проблема будет рассматриваться отдельно. При покупке необхо-

димых товаров, предметов, техники, которая впоследствии будет отправлена на благотворительность, НДС не снимается, не уменьшается, оплачивается в полном размере.

Налоговые послабления при спонсорстве достаточно малы, так как по факту — это возмездная форма сотрудничества. Спонсор может претендовать на вычет из НДС или списать потраченные средства как расходы, понесенные компанией.

Вычет НДС. Доступен для частных жертвователей. Подав соответствующие документы, вы можете вернуть до 13% от официально перечисленных на благотворительность средств. Для этого необходимо предоставить договор с Фондом с указанием суммы и цели пожертвования.

Размер возврата ограничен 13% от уплаченного за год НДС. Вычет можно заказать за три предшествующих календарных года. Подавая документы, следует помнить, что воспользоваться этой возможностью можно только по одному направлению в год.

Если, занимаясь добровольной помощью нуждающимся, донор в будущем рассчитывает получить уменьшение выплат налогов, следует обращать особое внимание на документацию. Для юридических лиц важны не только доказа-

тельства передачи финансовой помощи Фонду, подтверждение безвозмездности дара, но и подтверждение того, что полученные средства были потрачены на общественно полезные дела.

Таким образом, в России слабо развит финансовый механизм стимулирования благотворительной деятельности как в рамках частной, так и корпоративной благотворительности. В результате индивидуальное и корпоративное социальное служение, имеющее большой потенциал, ограничено в силу правовых и административных барьеров.

Можно сделать вывод, что благотворительные фонды, выступая посредниками между донором и получателем и прилагая усилия по аккумуляции денежных средств и их целевому распределению, зачастую не могут расширить поле своей деятельности только потому, что отечественное законодательство не способствует развитию того или иного вида деятельности. Поэтому можно предположить, что в ближайшей перспективе в отсутствие изменений в действующем нормативном правовом обеспечении благотворительная деятельность фондов не будет иметь развития, а непосредственно благотворительность не получит репутационного повышения.

Литература

[1] Глумова О. Ю. Благотворительные фонды как способ эффективной организации благотворительности // Экономические системы. — 2016. — № 4. — С. 48–50.

[2] Козлова Н. П. Модель становления и развития благотворительной деятельности // Материалы научно-практической конференции «Актуальные проблемы социально-экономического развития России». — М.: РИМ Университет, 2016. — С. 103–115.

[3] Налоговые льготы при благотворительности [Электронный ресурс]. — URL: <https://detfond.com/nalogovye-lygoty/> (дата обращения: 17.08.2020).

[4] Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (действующая редакция, 2016) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212>

[5] Шапиро С. А., Ананченкова П. И. Основы экономики и социологии труда : учебное пособие. — М.: DirectMEDIA ; Берлин, 2017. — 266 с. ; ил.

[6] Charitable giving by country: who is the most generous? [Electronic resource]. — URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2010/sep/08/charitable-giving-country> (дата обращения: 17.08.2020).

[7] Charity List In Some Countries [Electronic resource]. — URL: <https://www.sites.google.com/site/globalcharitynews/charities-in-africa> (дата обращения: 17.08.2020).

[8] History of the Belgium charity // Belgium Charity Report. — 2018. — Issue 2. — Pp. 21–34.

[9] Report of abuse of charities for money-laundering and tax evasion [Electronic resource]. — URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/42232037.pdf>

GORSKY Anton,

Senior lecturer

E-mail: aagors@list.ru

Russian State University named after A. N. Kosygin

(Technologies. Design. Art), Moscow, Russia

DEVELOPMENT OF CHARITY BASED ON TAX INCENTIVES: REVIEW OF FOREIGN PRACTICE

Many countries recognize the important and significant role of the non-profit sector in building a strong, caring, socially responsible society, as well as in promoting employment, well-being and economic growth. Many non-profit organizations focus on charitable projects. Research shows that the provision of tax incentives or corresponding tax credits and deductions to such organizations (and their donors) encourages the development of charitable activities and provides its participants not only with effective use of funds, but also with financial incentives from the state. The article discusses some practical aspects that reflect the development of charitable activities based on tax incentives, credits and deductions for donors and charitable organizations. The author analyzes the approaches of the countries of Europe, North and South America, as well as the Russian Federation in the application of tax mechanisms for private and corporate charity. It is concluded that, despite the fact that charitable foundations, acting as intermediaries between the donor and the recipient and making efforts to accumulate funds and their targeted distribution, often cannot expand their field of activity just because domestic legislation does not promote the development of a particular type of activity. Therefore, in the near future, in the absence of changes in the current regulatory legal support, the charitable activities of foundations will not be developed, and the charity itself will not receive a reputation boost.

Key words: charity, foundations, taxes, benefits, incentives, development, foreign experience, review, non-profit organizations, prospects.

References

[1] Glumova O. Yu. Blagotvoritel`ny`e fondy` kak sposob e`ffektivnoj organizacii blagotvoritel`nosti [Charitable Foundations as a Way to Effectively Organize Charity] // E`konomicheskie sistemy` [Economic Systems]. — 2016. — No. 4. — Pp. 48–50.

[2] Kozlova N. P. Model` stanovleniya i razvitiya blagotvoritel`noj deyatel`nosti [Model of the Formation and Development of Charitable Activities] // Materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii "Aktual`ny`e problemy` social`no-e`konomicheskogo razvitiya Rossii" [Materials of the Scientific-Practical Conference "Actual Problems of Socio-Economic Development of Russia"]. — Moscow : RIM University, 2016. — Pp. 103–115.

[3] Nalogovy`e l`goty` pri blagotvoritel`nosti [Tax Benefits for Charity] [Electronic resource]. — URL: <https://detfond.com/nalogovye-lgoty/> (date of the application: August 17, 2020).

[4] Federal`ny`j zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ "O blagotvoritel`noj deyatel`nosti i blagotvoritel`ny`x organizaciyax" (deystvuyushaya redakciya, 2016) [Federal Law dated August 11, 1995 No. 135-FL "On Charitable Activities and Charitable Organizations" (current edition, 2016)] [Electronic resource]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212>

[5] Shapiro S. A., Ananchenkova P. I. Osnovy` e`konomiki i sociologii truda : uchebnoe posobie [Fundamentals of Economics and Sociology of Labor : the tutorial]. — Moscow : DirectMEDIA; Berlin, 2017. — 266 p. ; il.

[6] Charitable giving by country: who is the most generous? [Electronic resource]. — URL: <https://www.theguardian.com/news/datablog/2010/sep/08/charitable-giving-country> (date of the application: August 17, 2020).

[7] Charity List In Some Countries [Charity List In Some Countries] [Electronic resource]. — URL: <https://www.sites.google.com/site/globalcharitynews/charities-in-africa> (date of the application: August 17, 2020).

[8] History of the Belgium charity // Belgium Charity Report. — 2018. — Issue 2. — Pp. 21–34.

[9] Report of abuse of charities for money-laundering and tax evasion [Electronic resource]. — URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/42232037.pdf>

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

УДК 314.156 (470.57:470.41)

ГАЛЛЯМОВ Рушан Рахимзянович,
доктор социологических наук, профессор
E-mail: gal-rushan@yandex.ru
Региональный исследовательский
центр «СоцИнформ», г. Уфа, Россия

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ РОССИИ В XX ВЕКЕ (на примере Башкортостана и Татарстана)

В статье анализируются этноязыковые процессы в Башкортостане и Татарстане как ключевых республиках Волго-Уральского макрорегиона, развивающиеся на протяжении XX века. Автор приходит к выводу о том, что Волго-Уральский макрорегион занимает особое место в системе этнонациональных отношений в России, так как эта территория была, начиная с самого начала современной эры человечества, зоной интенсивного взаимодействия финно-угорских, тюркских и славянских этноязыковых групп. К началу XX века этноязыковая картина данного макрорегиона стабилизировалась и привела к формированию многочисленных этносов, постепенно перерастающих в этнонации, являющиеся «автохтонными» образованиями. В течение XX века на территории данного макрорегиона произошли фундаментальные этноязыковые изменения, вызванные самыми разнообразными и глубинными расселенческими, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, потрясающими нашу страну в этот период. Особую роль сыграло в этом развитии билингвизма, который в направлении национально-русского двуязычия развивался очень большими темпами, достигнув к концу века от 97 до 99% от нерусского населения макрорегиона. Одновременно, русско-национальное двуязычие практически не развивалось, составляя немногим больше процента от числа русских, проживающих на данной территории, а в течение последних пятнадцати лет, после небольшого всплеска, оно опять пошло на спад.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, двуязычие.

Для цитирования: Галлямов Р. Р. Этноязыковые процессы в Волго-уральском макрорегионе России в XX веке (на примере Башкортостана и Татарстана) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 81–89. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-81-89

Введение

Республики Башкортостан и Татарстан, географически находящиеся в Среднем Поволжье, Приуралье и на Южном Урале, занимают значительную часть Урало-Поволжского макрорегиона России. Так, Башкортостан, с точки зрения территориального (143,6 тыс.

кв. км), демографического (почти 4,037 млн чел.) и экономического потенциалов занимает 1-е место в Приволжском федеральном округе и 7-е место в Российской Федерации. Татарстан (площадь 67,8 тыс. км², население 3,9 млн чел.) отстает от Башкортостана толь-

ко по занимаемой территории, почти сравнявшись с ним по проживающему там населению.

Башкортостан является одним из самых полиэтничных регионов в масштабах всего Российского государства. По индексу этнической мозаичности (смешанности) он занимает прочное 2-е место после Дагестана, образно называемого «страной ста народов». Этническую основу населения Республики Башкортостан составляют башкиры (29,5%), русские (36%), татары (25,4%), а также несколько тюркских (чуваша — 2,7%), финно-угорских (марийцы — 2,6%, удмурты — 0,5%, мордва — 0,5%) и славянских народов (украинцы — 1,0%, белорусы — 0,3%), издревле проживающих на этой территории. Динамика национального состава населения Республики Башкортостан за последние сто лет характеризуется следующими показателями (табл. 1).

В Республике Татарстан проживают представители 115 национальностей, главным образом татары и русские. Численность татар составляет чуть более половины населения республики (53,2% на 2010 год). На 2-м месте по численности в населении республики располагаются русские (39,7% на 2010 год). Динамика развития этнического состава населения Татарстана в течение последнего столетия может быть представлена следующим образом (табл. 2).

Волго-Уральский макрорегион России, включающий республики Башкортостан и Татарстан, представляет собой, в этническом и конфессиональном смысле, один из самых сложных и противоречивых регионов России. Данная ситуация детерминируется следующими обстоятельствами.

Во-первых, этническая мозаичность населения этого макрорегиона является одной из самых высоких на всей территории бывшего Советского Союза и уступает в Российской Федерации только аналогичному показателю Северного Кавказа. Наряду со значительным анклавом русского населения, а также украинцев и белорусов, распространившихся на этой территории с конца XVI века и, особенно, к началу XX века, вместе с титульными для данных республик башкирами и татарами, в течение нескольких столетий здесь проживают и сформировались в этнонации представители не-

скольких финно-угорских (мари, удмурты, мордва) и других тюркских (чуваша) народов. Количественное соотношение трех наиболее многочисленных этнических групп в Башкортостане (башкиры, русские и татары) и в Татарстане (татары и русские) имеет сопоставимые значения.

Во-вторых, в этническом и социокультурном значении именно данный макрорегион России на протяжении двух последних тысячелетий испытал влияние колоссальных, по своим масштабам, миграционных потоков различных этнических групп с Востока на Запад и наоборот. Это привело к тому, что в Башкортостане и Татарстане, а также на прилегающих к ним территориях Урало-Поволжья, в течение нескольких столетий «отложились» различные культуры, конфессии и этносы, каждый из которых вполне можно назвать «автохтонным» по отношению к этому региону. У этнологов подобные, очень специфические по этническому и конфессиональному составу населения, макрорегионы определяются как историко-этнографические области (ИЭО). Применительно к данному макрорегиону он называется Волго-Уральской ИЭО [3]. Являясь зоной самого интенсивного взаимодействия западной и восточной цивилизаций, этот макрорегион, как показывает анализ общественно-политического опыта, подтверждает свое значение территории «цивилизационного столкновения» по Самуэлю Хантингтону [5].

Общепризнанно, что одну из ключевых ролей в межэтническом и межконфессиональном диалоге в Башкортостане и Татарстане, особенно на уровне элит, играют такие крупнейшие в масштабах данной территории народы как русские, а также башкиры и татары. Последние как чрезвычайно близкородственные в этнокультурном, этноязыковом, этногенетическом и конфессиональном значениях этносы вместе с тем обладают достаточно большими различиями в осуществлении межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

В данной статье рассматривается такая важнейшая группа этноязыковых процессов, происходящих в Урало-Поволжском макрорегионе в течение XX столетия, как двуязычие (билингвизм).

Таблица 1 — Динамика национального состава населения Республики Башкортостан 1926–2010 гг.*

Националь- ности	1926		1939		1959		1970		1979		1989		2002		2010	
	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес	Числен- ность	Удель- ный вес
Все население	2 665 836	100	3 158 969	100	3 341 609	100	3 818 075	100	3 844 280	100	3 943 113	100	4 104 336	100	4 072 292	100
Башкиры	625 845	23,47	671 188	21,25	737 711	22,07	892 248	23,36	935 880	24,3	863 808	21,9	1 221 302	29,8	1 172 287	29,5
Татары	631 867	23,7	777 230	24,6	768 566	22,99	994 507	26,04	940 446	24,5	1 120 702	28,4	990 702	24,1	1 009 295	25,4
Русские	1 064 707	39,93	1 281 347	40,56	1 418 147	42,44	1 546 304	40,49	1 547 893	40,3	1 548 291	39,3	1 490 713	36,3	1 432 906	36,0
Чуваши	84 886	3,18	106 892	3,38	109 970	3,29	126 638	3,32	122 344	3,2	118 509	3,0	117 317	2,9	107 450	2,7
Марийцы	79 298	2,97	90 163	2,85	93 902	2,81	109 638	2,87	106 793	2,8	105 768	2,7	105 829	2,6	103 658	2,6
Украинцы	76 710	2,87	92 289	2,92	83 594	2,5	76 005	1,99	75 571	2,0	74 990	1,9	55 249	1,3	39 875	1,0
Мордва	49 813	1,86	57 826	1,83	43 582	1,3	40 745	1,06	35 900	0,9	31 923	0,8	26 020	0,6	20 300	0,5
Удмурты	23 256	0,87	25 103	0,79	25 388	0,75	27 918	0,73	25 906	0,7	23 696	0,6	22 625	0,5	21 477	0,5
Белоруссы	18 281	0,68	23 761	0,75	29 792	0,62	17 985	0,47	17 393	0,4	17 038	0,4	17 117	0,4	11 686	0,3
Другие нацио- нальности	35 722	1,34	33 675	1,07	40 767	1,22	36 987	0,94	36 154	0,9	38 388	1,0	57 460	1,3	55 792	1,4

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных (1926, 1939, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения.

Таблица 2 — Динамика национального состава населения Республики Татарстан 1920–2010 гг., тыс. чел.*

Народ	1920	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Татары	1306,2 (44,7 %)	1263,4 (48,7 %)	1421,5 (48,8 %)	1345,2 (47,2 %)	1536,4 (49,1 %)	1641,6 (47,6 %)	1765,4 (48,5 %)	2000,1 (52,9 %)	2012,6 (53,2 %)
В том числе кряшены	–	99,0 (3,8 %)	–	–	–	–	–	18,8	30,0
Русские	1205,3 (41,2 %)	1118,8 (43,1 %)	1250,7 (42,9 %)	1252,4 (43,9 %)	1328,7 (42,4 %)	1516,0 (44,0 %)	1575,4 (43,3 %)	1492,6 (39,5 %)	1501,4 (39,7 %)
Чуваши	173,9 (5,9 %)	127,3 (4,9 %)	138,9 (4,8 %)	143,6 (5,0 %)	153,5 (4,9 %)	147,1 (4,3 %)	143,2 (3,7 %)	126,5 (3,3 %)	116,3 (3,1 %)
Удмурты	19,0	23,9	25,9	22,7	24,5	25,3	24,8	24,2	23,5
Мордва	40,2 (14 %)	35,1 (14 %)	35,8 (12 %)	32,9 (12 %)	31,0	29,9	28,9	23,7	19,2
Марийцы	22,5	13,1	14,0	13,5	15,6	16,8	19,4	18,8	18,8
Украинцы	3,2	3,1	13,1	16,1	16,9	28,6	32,8	24,2	18,2
Башкиры	139,9 (4,8 %)	1,8	0,9	2,1	2,9	9,3	19,1	14,9	13,7
Азербайджанцы	0	0,01	0,1	0,3	0,4	1,3	3,9	10,0	9,5
Узбеки	0	0,01	0,2	0,5	0,5	1,2	2,7	4,9	8,9
Армяне	0,001	0,1	0,4	0,6	0,5	1,2	1,8	5,9	6,0
Таджики	0	0	0,02	0	0,1	0,2	0,7	3,6	5,9

* Таблица составлена по материалам республиканский (1920 г.), Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения.

Двуязычие и тенденции его развития в XX веке

В научной литературе, как известно, двуязычие трактуется как практика попеременного пользования двумя языками [1], владение двумя языками и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию (даже при минимальном знании языков) или одинаково совершенное владение двумя языками, умение в равной степени использовать их в необходимых условиях общения [2].

При этом билингвизм классифицируется по более чем пятнадцати групповым признакам, и выделяется около пятидесяти его видов.

Для нас наибольший интерес представляет эволюция типов билингвизма по направленности: национально-русское и русско-национальное двуязычие.

Если анализировать национально-русский билингвизм, то, начиная со Всесоюзной переписи населения 1970 года, данные о свободном владении вторым языком начали закладываться в статистическую отчетность нашей страны. В связи с этим есть возможность проследить динамику национально-русского двуязычия в последнее пятидесятилетие как в целом по республикам, так и, что особенно для нас важно, по городскому населению. По Башкортостану эта динамика характеризуется следующими показателями (табл. 3).

Анализ данной таблицы показывает, что несмотря на уже имеющееся к 1970 году преобладание национально-русского двуязычия над моноязычием (причем в городах — подавляющее), среди башкир и татар происходил постоянный и неуклонный рост степени владения русским языком, перевалившей к концу 1980-х годов в городах уже 90%-ю отметку у обоих народов. Первоначальное порядковое отставание башкир от татар в рассматри-

ваемом смысле было связано, скорее всего, опять же с относительно поздним вступлением титульной нации республики в интенсивный урбанизационный процесс.

Нельзя не заметить и сравнительно резкий скачок национально-русского билингвизма в Башкортостане в 1970-е годы, детерминированный, по-видимому, известными правительственными мероприятиями по переводу национальных школ в РСФСР с начала 1970-х годов на русский язык обучения. Если рассматривать развитие двуязычия у титульных народов Урало-Поволжья в целом (в том числе у татар и башкир), по результатам последних переписей он выглядит следующим образом (табл. 4).

Характерно, что если в целом по этническим группам, населяющим макрорегион, различие в степени распространения двуязычия у башкир и татар, хотя и постепенно, выравнивается, но остается на всем протяжении последней четверти XX века существенным, то в городских условиях этой дифференциации практически не существует. Это еще раз подтверждает вывод о том, что основной причиной этноязыковых различий у нерусских народов Башкортостана и макрорегиона в целом являются не те или иные особенности социолингвистического поведения этносов, а масштабы их вовлечения в глобальные социально-территориальные и общественно-экономические процессы (индустриализация, урбанизация и т.д.). При этом нельзя не заметить, что в этнонациональной деревне, несмотря на высокий статистический показатель двуязычия, владение русским языком осуществляется, скорее, в форме возможности, способности селянина говорить на втором языке, а реальное речевое поведение выступает

Таблица 3 — Национально-русское двуязычие (свободное владение русским языком) среди башкир и татар Башкортостана в динамике, %

Национальность	1970		1979		1989		1994	
	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город
Башкиры	49,4	85,0	65,2	88,9	78,5	90,6	81,0	91,0
Татары	64,9	87,2	78,0	90,2	83,0	91,8	87,0	92,0

Таблица 4 — Динамика владения русским языком титульными этносами Урало-Поволжья в пределах своих республик, %

Титульные этносы	2002 г.	2010 г.
Башкиры	92,9	96,9
Марийцы	96,9	98,5
Мордва	98,7	99,5
Татары	92,9	95,8
Удмурты	98,4	99,2
Чуваши	95,6	97,9

в моноязычном виде. В городе же билингвизм и в сфере употребления был и остается реальностью, имея, кстати, устойчивую тенденцию к вытеснению своего «этнонационального крыла» даже из семейно-родственных отношений. Показательны в указанном смысле результаты анализа возрастной дифференциации во владении русским языком среди башкир и татар на материалах последних всеобщих переписей (1979 и 1989 гг.). Например, если перепись 1989 года зафиксировала степень владения русской речью у башкир и татар в возрасте от 20 до 30 лет на уровне 92,3 и 91,6% соответственно, то доля этих народов, признавших, что свободно говорят на русском языке в возрасте 60 лет и старше составила 41,7 и 50,2%. В городских условиях это расхождение выглядит менее разительным (90,2 и 89,5% — у молодого поколения, 72,3 и 77,9% — у старейшего) в связи с тем, что, с одной стороны, подавляющая часть сельской национальной молодежи мигрирует в город, с другой — значительное количество татар и башкир среди горожан старейшего поколения уже прошло «русскоязычную» городскую социализацию. Результаты переписи 1979 года полностью согласуются с материа-

лами последнего Всесоюзного статистического обследования населения.

В условиях значительного роста национального самосознания титульных народов в республиках России, возрождения этнических ценностей, а самое главное — многократного возрастания «национально-государственного» фактора в этнических процессах не только на территории бывшего СССР, но и в самой Российской Федерации, чрезвычайно актуализируется роль русско-национального билингвизма в национальных республиках. Однако, как показывает анализ динамики развития русско-башкирского и русско-татарского двуязычия в последнее двадцатипятилетие, например, в Башкортостане, оно выражается цифрами, практически близкими к нулю, и имеет тенденцию еще большего сокращения (табл. 5).

В городах число русских, владеющих языком титульного этноса и близкого к нему татарского народа, и в абсолютном и в относительном значении еще меньше, чем по республике в целом. Несмотря на огромную мозаичность этнического состава городов Башкортостана, почти все русское городское население, по результатам последних переписей, не пони-

Таблица 5 — Русско-национальное (русско-башкирское и русско-татарское) двуязычие в Башкортостане в динамике, %

1970		1979				1989					
Русско-башкирское		Русско-татарское		Русско-башкирское		Русско-татарское		Русско-башкирское		Русско-татарское	
всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город	всего	город
0,2	0,12	0,6	0,5	0,2	0,1	0,5	0,4	0,2	0,2	0,7	0,5

мают башкирский и татарский языки. Результаты социологических исследований при этом фиксируют несколько больший уровень русско-национальной языковой компетентности. Например, среди респондентов в семи городах республики, опрошенных в 1990-е годы, 1,7 % русских отметили свое свободное владение татарским и 0,6 % башкирским языками. Еще 2,3 и 3,3 % русских респондентов характеризовали свое знание соответствующих языков как владение с затруднениями. И наконец, 5,7 и 5,0 % респондентов в городах ответили, что могут разговаривать на башкирском и татарском языках, но с большим трудом. К последним, на наш взгляд, относятся те представители городского русского населения, которые, имея большой опыт общения в нерусской языковой среде и постоянно слушая нерусскую речь, приобрели некоторые навыки понимания тюркских языков республики, но разговаривать так и не научились.

По результатам анализа статистических данных о развитии русско-национального двуязычия в республиках Урало-Поволжья в целом, начиная с конца 1970-х годов до сегодняшних дней, наблюдается рост этого показателя, в некоторых случаях — существенный, но опять же — только в пределах статистической погрешности, то есть исчисляемый единицами процентов (табл. 6). При этом наибольшие показатели русско-национального двуязычия демонстрируются в Татарстане (рост почти в четыре раза), где в последнее двадцатилетие проводилась этноориентированная политика в изучении титульного языка в школах, и в Чувашии, где титульное население

сильно доминирует (67,8 %). Наибольший рост данного показателя наблюдается в Башкортостане у титульного этноса (пять раз), но не превышает 1 %.

Практически полное отсутствие русско-национального билингвизма в этноязыковом развитии Урало-Поволжского макрорегиона на протяжении последнего сорокалетия было вызвано не только доминированием русского языка во всех сферах деловой, производственной и административной жизни, но в немалой степени — невозможностью получить некоторые, хотя бы элементарные, знания о национальных языках в системе школьного городского образования как русскими, так и башкирами, и татарами. Не случайно, по результатам социологических исследований, немалая часть лиц нерусской национальности не только не знает родного языка, но и (что самое драматичное) не испытывает потребности в его изучении. Осуществляемое многие десятилетия безраздельное господство русского языка в школьном образовании городов Урало-Поволжья, в отличие от союзных республик бывшего СССР, где национальные языки титульных этносов преподавались в качестве обязательного предмета, привело к тому, что с началом демократических преобразований в стране, а на основе этого — появления решений о введении обучения национальным языкам, значительная часть городского населения (в том числе нерусского) неоднозначно восприняла идею изучения языка титульной национальности. Например, проведенное в 1992 году специалистами центра социологии межнациональных отношений

Таблица 6 — Динамика доли русских, владеющих титульными языками российских республик Урало-Поволжья (по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения), %

Титульные языки	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Башкирский	0,2	0,2	1,0	1,0
Марийский	1,1	1,3	1,7	1,5
Мордовский	0,6	0,8	1,4	1,1
Татарский	0,9	1,1	4,3	3,5
Удмуртский	1,4	1,4	1,6	1,2
Чувашский	2,8	2,4	4,7	3,9

ИСПИ РАН исследование в ряде региональных и республиканских центров-городов Российской Федерации показало, что в области политики преподавания языков титульной национальности и русского в школах, в вопросе о языковой переподготовке старших возрастных групп населения и т. д. респонденты ориентированы в значительной мере на этноязыковое поведение, выражаемое формулой: «Знание русского языка обязательно для всех, а знание языка титульной национальности — личное дело каждого». Таким образом ответили в разных столицах республик России от

38 до 58% опрошенных (в Уфе — 53%). Обратная пропорция (язык титульного этноса — обязательно, а русский — личное дело каждого) нашла поддержку только у 1–8% ответивших по регионам (в Уфе — 4%). Вместе с тем значительное число сторонников набрал один из наиболее демократичных (во всяком случае, при данном опросе) принципов этноязыкового поведения — «Знание того или иного языка — личное дело каждого. Должностные лица обязаны знать русский язык и язык коренной национальности по своему положению» (от 30 до 34% — по регионам, 31% — в Уфе) [4].

Выводы

Волго-Уральский макрорегион России занимает особое место в системе этнонациональных отношений как в диахронном значении, так и на современном этапе. Эта территория была, начиная с самого начала современной эры человечества, зоной самого интенсивного взаимодействия угро-финских, тюркских и славянских этноязыковых групп в результате осуществленных массовых миграционных потоков с Востока на Запад и обратно. К началу XX в. этноязыковая картина данного макрорегиона практически полностью стабилизировалась и привела к формированию на этой земле многочисленных этносов, постепенно перерастающих в нации, которые являются, с точки зрения проживания, «автохтонными» образованиями в рамках Российской империи. Этности были расселены как концентрированно (в рамках отдельных территорий), так и довольно часто — чересполосно. В XX веке на территории данного макрорегиона произошли фундаментальные этноязыковые изменения, вызванные самыми разнообразными и глубинными расселенчески-

ми, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, потрясающими нашу страну в этот период. К наиболее значимым изменениям такого рода, несомненно, относится развитие билингвизма.

Билингвизм в направлении национально-русского двуязычия развивался в течение столетия очень быстрыми темпами, охватив к середине XX в. более половины, а к его концу — от 97 до 99% нерусского населения макрорегиона. В то же время русско-национальное двуязычие, как показывает анализ материалов статистики и результатов репрезентативных социологических исследований, практически не развивалось, составляя немногим больше 1% от числа русских, проживающих на данной территории. Лишь небольшой всплеск роста такого типа билингвизма наблюдался, да и только в двух российских республиках, в десятилетие, находящееся на границе миллениума. В течение последних пятнадцати лет русско-национальное двуязычие опять пошло на спад.

Литература

- [1] Ахунзянов Э. М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. — Казань, 1978. — 189 с.
- [2] Аюпова Л. Л. Вопросы социоллингвистики: типы двуязычия в Башкирии. — Свердловск, 1988. — 69 с.
- [3] Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. — М.: Наука, 1992. — 347 с.
- [4] Межнациональные отношения в регионах Российской Федерации (по данным социологических исследований). — М., 1992. — 64 с.
- [5] Хантингтон Самуэль. Столкновение цивилизаций [Электронный ресурс]. — URL: <http://tower-libertas.ru/...Hantington...Stolknovenie...a6.pdf>

GALLYAMOV Rushan,
Doctor of Social Sciences, Professor
E-mail: gal-rushan@yandex.ru
Regional Research
Center "SotsInform", Ufa, Russia

ETHNO-LINGUISTIC PROCESSES IN THE VOLGA-URAL MACRO-REGION OF RUSSIA IN THE XX CENTURY (on the example of Bashkortostan and Tatarstan)

The article analyzes the ethno-linguistic processes in Bashkortostan and Tatarstan, as the key republics of the Volga-Ural macro-region, developing during the twentieth century. The author comes to the conclusion that the Volga-Ural macroregion occupies a special place in the system of ethnonational relations in Russia, since this territory has been, since the very beginning of the modern era of mankind, a zone of intensive interaction of Finno-Ugric, Turkic and Slavic ethno-linguistic groups. By the beginning of the XX century, the ethno-linguistic picture of this macroregion stabilized and led to the formation of numerous ethnic groups, which gradually developed into ethnonations that are "autochthonous" formations. During the XX century, the territory of this macroregion underwent fundamental ethno-linguistic changes caused by the most diverse and deep settlement, socio-economic and socio-political processes that shook our country during this period. A special role was played by the development of bilingualism, which developed very rapidly in the direction of national-Russian bilingualism, reaching by the end of the century from 97 to 99% of the non-Russian population of the macroregion. Russian Russian-national bilingualism has not developed at all, making up a little more than a percent of the number of Russians living in this territory, and over the past fifteen years, after a small surge, it has again declined.

Key words: ethno-linguistic processes, bilingualism.

References

- [1] Akhunzyanov E. M. Dvuyazy`chie i leksiko-semanticheskaya interferenciya [Bilingualism and Lexico-Semantic Interference]. — Kazan, 1978. — 189 p.
- [2] Ayupova L. L. Voprosy` sociolingvistiki: tipy` dvuyazy`chiya v Bashkirii [Sociolinguistics Issues: Types of Bilingualism in Bashkiria]. — Sverdlovsk, 1988. — 69 p.
- [3] Kuzeev R. G. Narody` Srednego Povolzh`ya i Yuzhnogo Urala: E`tnogeneticheskij vzglyad na istoriyu [Peoples of the Middle Volga and Southern Urals: Ethnogenetic View of History]. — Moscow : Nauka, 1992. — 347 p.
- [4] Mezhnacional`ny`e otnosheniya v regionax Rossijskoj Federacii (po danny`m sociologicheskix issledovanij) [Interethnic Relations in the Regions of the Russian Federation (According to Sociological Research)]. — Moscow, 1992. — 64 p.
- [5] Huntington Samuel. Stolknovenie civilizacij [Clash of Civilizations] [Electronic resource]. — URL: <http://tower-libertas.ru...Hantington...Stolknovenie...a6.pdf>

УДК 338(470)

АНАНЧЕНКОВА Полина Игоревна,кандидат экономических наук, профессор
экономики труда и управления персоналом

E-mail: ananchenkova@yandex.ru

ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ МОЛИТВЕННОГО ТУРИЗМА В ТЮРКСКИХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Основными аспектами, дифференцирующими молитвенный туризм от религиозного и паломнического, являются следующие: участники поездки; мотивы, способствующие участию человека в поездке; основная идея и цель молитвенного туризма; период поездки; туристическое направление, место поездки. Таким местам всегда придавали сакральное значение, совершали ритуалы, воздвигали храмы и взаимодействовали с сильной энергией этого места. Цель настоящей работы — рассмотреть понятие молитвенного туризма как нового вида туризма, его основные характеристики, представить маршруты и объекты молитвенного туризма в тюркских регионах Российской Федерации. Методом контент-анализа были проанализированы более 500 научных публикаций, посвященных религиозному туризму и паломничеству. В результате в 6 тюркских регионах Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан, Хакасия, Карачаево-Черкессия, Якутия (Саха), Дагестан) были выделены наиболее популярные объекты, определяемые туристами как «место силы», привлекательное как место, где совершаются чудеса.

Ключевые слова: туризм, молитва, поездка, паломничество, «место силы».

Для цитирования: Ананченкова П. И. Развитие молитвенного туризма в тюркских регионах Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 3 (48). С. 90–94. DOI: 10.47598/2078-9025-2020-3-48-90-94

Одним из современных трендов развития туризма является его специализация. Эпоха массового туризма подходит к концу, потребители турпродукта становятся более требовательными, они хотят большей персонализации и концентрации на индивидуальных запросах, нежели стандартных программ, маршрутов, экскурсионной составляющей и прочих элементов турпоездки [2].

К специализированным видам туризма относятся и религиозный туризм, составляющими которого являются религиозно-познавательный и религиозно-исследовательский. «Памятники религии, истории и культуры представляют существенную мотивацию посещения того или иного региона или города. Многие религиозные памятники являются объектами туристского показа и находятся под охраной государства», отмечает в своей работе В. Н. Якунин [8].

Мы не можем не согласиться с И. С. Пудяковой, которая отмечает, что «изучение культурно-исторического наследия, в том числе региональных святынь и традиций религиозных паломничеств, в последние годы стало важным направлением в работе историков, культурологов и краеведов в ряде регионов Российской Федерации, стремящихся к возрождению культурных традиций и созданию туристической инфраструктуры» [5].

В свою очередь паломничество, которое многие исследователи рассматривают как один из видов религиозного туризма, туризмом не является. Об этом говорится в работах и российских, и зарубежных авторов, чьи научные изыскания находятся на стыке теории туризма, религиоведения и теологии [3, 6, 9]. Наиболее глубокие научные исследования паломничества представлены российским уче-

ным С. Ю. Житеневым, в монографии которого указано: «Религиозное паломничество представляет собой сложное и многообразное духовное и социокультурное явление в жизни многих народов. Паломничество как вид религиозной деятельности зародилось в глубокой древности и связано с появлением развитых форм религии и высокой стадией социокультурных отношений в обществе» [4].

Паломничество (от лат. *Palma* — пальма), странствие верующих к «святым местам» (у христиан в Иерусалим, Рим, у мусульман в Мекку и др.) в надежде на «сверхъестественную помощь». Названо от обычая паломников привозить из Палестины пальмовую ветвь [7].

Однако, по нашему мнению, в практике индивидуальных поездок можно выделить совершенно особенный тип поездок, которые мы относим к понятию «молитвенный туризм». «В светском обществе молитва Богу или святым очень часто рассматривается как акт отчаяния. Используя все доступные возможности решения проблемы и не достигнув желаемого результата, человек обращается с просьбой о помощи к высшим силам, надеясь на божественное чудо, которое не получается сотворить своими руками. В большинстве случаев это молитвы о здоровье, спасении, помощи в серьезных материальных трудностях и пр.

В своем молитвенном стремлении быть услышанными Богом люди часто едут в отдаленные места, при этом такие поездки нельзя рассматривать как религиозный туризм, или паломничество» [1].

Основными аспектами, дифференцирующими молитвенный туризм от религиозного и паломнического, являются следующие: участники поездки; мотивы, способствующие участию человека в поездке; основная идея и цель молитвенного туризма; период поездки; туристическое направление, место поездки.

Основным аспектом для дифференцирования молитвенного туризма от религиозного туризма и паломничества выступает понятие «место силы». Не секрет, что с древних времен на территории практически всех континентов обнаруживались особые территории или места, обладающие особой энергетикой, фиксируемой даже физическими электро-магнитными измерениями. В этих местах встречаются

особые растения, камни, ощущается повышенное или пониженное атмосферное давление, не работают законы физики.

Такие места вызывают у людей особые эмоции: страх, восторг, умиротворение. Свидетели отмечают, что присутствие в таком месте эмоционально очищает, вдохновляет, придает сил и очищает разум. Про такие места силы часто можно услышать, что это «намоленное место», информация о чудотворности подобных мест передается из уст в уста, и люди прибывают в них с верой в то, что именно в этом месте сбываются сокровенные желания, а искренние молитвы быстрее доходят до Бога.

С целью определения наиболее известных «мест силы» в отдельных регионах России методом контент-анализа были проанализированы более 500 научных публикаций, посвященных религиозному туризму и паломничеству. В результате в шести тюркских регионах Российской Федерации (Татарстан, Башкортостан, Хакасия, Карачаево-Черкессия, Якутия (Саха), Дагестан) были определены основные «места силы», генерирующие трафик в рамках молитвенного туризма, места, которые привлекают туристов как место, где свершается чудо, молитвы быстрее доходят до Всевышнего, а желания, загаданные в молитвах, исполняются быстрее.

Исследование показало, что наиболее «сильными» с точки зрения респондентов являются следующие места в указанных регионах:

1. В Татарстане с северо-восточной стороны к Казани примыкает Высокогорский район. Он интересен святым источником с необычным названием «Анисьины грядки».

2. Самое мощное место силы в Хакасии и самое популярное у туристов — трехметровая стела Улуг Хуртуях тас (в переводе с тюркского — «большая каменная старуха»). Этому камню 4,5 тыс. лет, он находится на месте геологического разлома и обладает уникальной способностью исцелять женщин от бесплодия и лечить проблемы в период беременности.

3. Гора Ауштау (Башкирия) примечательна уже тем, что целиком состоит из яшмы. Считается, что силу этому месту придает захоронение, в котором покоится праведный странник Аулия, погибший от рук местных жителей. По легенде, уже после смерти странника выясни-

лось, что он пришел в эти места с миром. Тогда в знак уважения его похоронили со всем почестями на вершине горы. После этого у подножия Ауштау забил источник. Оказалось, что вода в нем исцеляет болезни. И сегодня люди набирают эту воду и принимают по ложке в качестве лекарства.

4. Бутылочная скала, расположенная в Нерюнгринском улусе (Республика Якутия (Саха)). Местные поверья гласят, что скала излечивает заболевания глаз и даже возвращает утраченное зрение.

5. На одном из участков трассы Буйнакского района Дагестана, протяженностью около километра, автомобиль с выключенным двигателем и нулевой скоростью, начинает самостоятельно катиться — однако не вниз по откосу, а вверх. Складывается впечатление, словно его тянет какая-то неведомая сила. Об этом участке трассы знают все местные жители, поэтому такой факт нарушения законов физики удивляет лишь приезжих.

6. Кавказской Шамбалой называют поляну в верховьях реки Большая Лаба, в Санчарском ущелье Карачаево-Черкесии. Непостижимым способом вода из источника снижает уровень сахара в организме человека, стирает межпозвоночную грыжу, спасает страдающих аллергией, поднимает на ноги людей с разными болезнями.

Указанные объекты имеют большой потенциал развития молитвенного туризма — специализированного вида туризма, отражающего глубинные, интимные мотивы поездки туриста. Однако, необходимо понимать, что те же самые побудительные мотивы участников поездки не позволяют развивать подобный вид

туризма как в организованном формате, так и в широком масштабе.

В качестве основных направлений развития молитвенного туризма, на наш взгляд, можно рассматривать решение следующих задач:

- консервация и сохранение в первозданном виде уникальных разрушенных архитектурных построек;
- поддержание объектов турпоездки в хорошем состоянии;
- проведение реставрационных работ там, где это не наносит ущерба «святости», «чудотворности» места;
- обеспечение транспортной доступности к местам турпоездки, в том числе за счет частного маломестного транспорта;
- развитие гостиничной инфраструктуры, предприятий общественного питания;
- расширение экскурсионной базы, возможность посещения и иных мест, представляющих культурно-познавательный интерес;
- повышение профессионального уровня гидов и организаторов поездок в рамках молитвенного туризма по вопросам этики обслуживания, клиентоориентированности и особенности молитвенного туризма;
- информационное обеспечение, включающее разработку брошюр, памяток и прочих информационных материалов о правилах поведения, ритуалах и традициях данного места силы.

При этом параллельно с развитием туризма вокруг «мест силы» необходимо минимизировать туристическую нагрузку, обеспечить и сохранить экологический, природный, архитектурный образ этого места, энергетику и атмосферу аутентичности и сакральности.

Литература

- [1] Ананченкова П. И. Молитвенный туризм: путешествия по особым местам с молитвой о помощи. Часть 1. Понятие туризма. Религиозный туризм и паломничество. Молитвенный туризм как новый тип туризма // Труд и социальные отношения. — 2019. — № 5. — С. 151–162.
- [2] Ананченкова П. И., Кузнецов М. Ю. Туристический имидж дестинации (на примере Азербайджанской Республики) // Этносоциум и межнациональная культура. — 2017. — № 7 (109). — С. 152–157.
- [3] Гусев В. И., Крюков Н. А. Святое паломничество и религиозный туризм: общее и особенное // Проблемы и перспективы развития туризма в Южном Федеральном округе : сб. науч. трудов. — Симферополь : ИТ «Ариал», 2017. — С. 77–79.
- [4] Житенев С. Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. — М. : Индрик, 2012. — С. 15.
- [5] Пудякова И. С. Религиозно-паломнический туризм как фактор развития Курского края: прошлое и современность // Провинциальные научные записки. — 2017. — № 2 (6). — С. 32–34.

[6] Ситдикова А. Р. Роль религиозного туризма и паломничества в международном туризме // Геосфера : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов геогр. фак. — Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2015. — С. 105–108.

[7] Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1984. — С. 957.

[8] Якунин В. Н. Религиозный туризм в Самарской области // Материалы 4-й Межрегиональной науч.-практич. конф. с междунар. участием «Тенденции и проблемы развития индустрии туризма и гостеприимства» (Рязань, 17 октября 2017 г.). — Рязань : Рязанский гос. ун-т имени С. А. Есенина, 2017. — С. 101–104.

[9] Hatem El Gohary, David John Edwards, Riyad Eid. Global Perspectives on Religious Tourism and Pilgrimage. — United Arab Emirates University, UAE, 2018.

ANANCHENKOVA Polina,

*Candidate of Economic Sciences, Professor
at the Department of Labor Economics and Personnel Management
E-mail: ananchenkova@yandex.ru
Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia*

DEVELOPMENT OF PRAYER TOURISM IN THE TURKIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The main aspects that differentiate prayer tourism from religious and pilgrimage are the following: trip participants; motives that promote the participation of a person in the trip; main idea and purpose prayer tourism; travel period; tourist destination, place of travel, determining for prayer tourism is the concept of "place of power". Such places have always been given sacred meaning, performed rituals, erected temples and interacted with the strong energy of this place. The purpose of the article — to consider the concept of prayer tourism as a new type of tourism, its main characteristics, present routes and objects of prayer tourism in Turkic regions of the Russian Federation. By the method of content analysis over 500 scientific publications on religious issues were analyzed tourism and pilgrimage. As a result, in 6 Turkic regions of the Russian Federation (Tatarstan, Bashkortostan, Khakassia, Karachay-Cherkessia, Yakutia (Sakha), Dagestan), the most popular sites were identified, defined by tourists as a "place of power", attractive as a place where miracles are performed.

Key words: *tourism, prayer, journey, pilgrimage, "place of power".*

References

[1] Ananchenkova P. I. Molitvenny`j turizm: puteshestviya po osoby`m mestam s molitvoj o pomoshhi. Chast` 1. Ponyatie turizma. Religiozny`j turizm i palomnichestvo. Molitvenny`j turizm kak novy`j tip turizma // [Prayer Tourism: Travel to Special Places with a Prayer for Help. Part 1. The Concept of Tourism. Religious Tourism and Pilgrimage. Prayer Tourism as a New Type of Tourism] // Trud i social`ny`e otnosheniya [Labor and Social Relations]. — 2019. — No. 5. — Pp. 151–162.

[2] Ananchenkova P. I., Kuznetsov M. Yu. Turisticheskij imidzh destinacii (na primere Azerbajdzhanskoj Respubliki) [Tourist Image of the Destination (on the example of the Azerbaijan Republic)] // E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura [Ethnosocium and Interethnic Culture]. — 2017. — No. 7 (109). — Pp. 152–157.

[3] Gusev V. I., Kryukov N. A. Svyatoe palomnichestvo i religiozny`j turizm: obshhee i osobennoe [Holy Pilgrimage and Religious Tourism: General and Special] // Problemy` i perspektivy` razvitiya turizma v Yuzhnom Federal`nom okruge : sb. nauch. trudov [Problems and Prospects of Tourism Development in the Southern Federal District : collection of articles scientific works]. — Simferopol : IT "Arial", 2017. — Pp. 77–79.

[4] Zhitenev S. Yu. Religioznoe palomnichestvo v xristianstve, buddizme i musul`manstve: sociokul`turny`e, kommunikacionny`e i civilizacionny`e aspekty` [Religious Pilgrimage in Christianity, Buddhism and Islam: Socio-cultural, Communication and Civilizational Aspects]. — Moscow : Indrik, 2012. — P. 15.

[5] Pudyakova I. S. Religiozno-palomnicheskij turizm kak faktor razvitiya Kurskogo kraja: proshloe i sovremennost` [Religious and Pilgrim Tourism as a Factor in the Development of the Kursk Territory: the Past

and the Present] // Provincial`ny`e nauchny`e zapiski [Provincial Scientific Notes]. — 2017. — No. 2 (6). — Pp. 32–34.

[6] *Sitdikova A. R.* Rol` religioznogo turizma i palomnichestva v mezhdunarodnom turizme [The Role of Religious Tourism and Pilgrimage in International Tourism] // Geosfera : sb. nauch. rabot studentov, magistrantov i aspirantov geogr. fak. [Geosphere : collection of articles scientific works of students, undergraduates and graduate students of the Faculty of Geography]. — Ufa : Bashkir State University, 2015. — Pp. 105–108.

[7] Sovetskij e`nciklopedicheskij slovar` / gl. red. A. M. Proxorov. — 3-e izd. [Soviet Encyclopedic Dictionary / ch. ed. A. M. Prokhorov. — 3rd ed.]. — Moscow : Soviet encyclopedia, 1984. — P. 957.

[8] *Yakunin V. N.* Religiozny`j turizm v Camarskoj oblasti // Materialy` 4-j Mezhregional`noj nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem "Tendencii i problemy` razvitiya industrii turizma i gostepriimstva" (Ryazan`, 17 oktyabrya 2017 g.) [Religious Tourism in the Samara Region // Materials of the 4th Interregional Scientific-Practical Conference with international participation "Trends and Problems of Development of the Tourism and Hospitality Industry" (Ryazan, October 17, 2017)]. — Ryazan : S. A. Yesenin Ryazan State University, 2017. — Pp. 101–104.

[9] *Hatem El Gohary, David John Edwards, Riyad Eid.* Global Perspectives on Religious Tourism and Pilgrimage. — United Arab Emirates University, UAE, 2018.

АВТОРАМ

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Научный журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология.

Редакция научного журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» приглашает к сотрудничеству на страницах журнала ведущих ученых, молодых исследователей, аспирантов, соискателей и всех заинтересованных лиц в качестве авторов статей, участников круглых столов, рецензентов и т. п.

Наш журнал новый в мире научной периодики Республики Башкортостан. Основную миссию журнала мы видим в консолидации усилий ученых России и Республики Башкортостан по формированию единого научного информационного пространства.

Целью издания является широкое распространение информации о научной деятельности преподавателей и студентов БИСТ; публикация научных трудов, дискуссионных, аналитических и прогнозных статей ученых и практиков по наиболее актуальным проблемам развития современного общества.

Журнал издается раз в квартал. Срок предоставления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Мы заинтересованы в эффективном сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами и будем благодарны всем, кто поможет нам сделать журнал ярким и интересным.

Порядок направления статей размещен на сайте журнала www.vestnik-bist.ru.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически. **Внимание!** Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел»;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине;
- сноски концевые;
- нумерация страниц производится внизу справа, начиная с 1-й страницы. **Внимание!** Не используйте колонтитулы для нумерации страниц.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. **Внимание!** Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или

*.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Список используемых в статье источников оформляется в конце статьи в строгом алфавитном порядке (авторов или заглавий). Отдельно выстраивается алфавитный ряд на кириллице (русский язык, болгарский и т. п.) и ряд на языках с латинским написанием букв (английский, французский, немецкий и т. п.).

Библиографический список должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

8. Отсылка к списку используемых в статье источников в тексте статьи заключается в квадратные скобки.

9. К материалу прилагается следующая информация **на русском и английском языках**:

- Заголовок статьи.
- Сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, почетные степени и звания, место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
- Аннотация текста публикуемого материала с указанием предмета и объекта исследования; целей и задач исследования; кратких выводов.
- Ключевые слова (не более семи речевых единиц).
- Список используемой литературы.

10. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

11. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

12. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

13. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

14. Для своевременной подготовки журнала необходимо заполнить и предоставить в редакцию на отдельном бумажном носителе и в электронном виде **регистрационную карту** по следующей форме:

Фамилия, имя, отчество	
Место работы, занимаемая должность (с указанием кафедры, отдела, лаборатории)	
Ученая степень, ученое звание (при наличии)	
Полное название статьи	
Отрасль научной статьи	
Эл. почта (обязательно)	
Контактный телефон (обязательно)	
Адрес (с указанием почтового индекса; обязательно)	

Информация об авторе (-ах) **обязательна** для заполнения. При отсутствии сведений об авторах статьи не рассматриваются.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Регионалистика и этнополитика». 2020. № 3 (48)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 16.09.2020. Подписано в печать 30.09.2020.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 11,27. Уч.-изд. л. 12,94.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 5

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Юридический адрес редакции:
ул. Р. Зорге, д. 17/1, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
Фактический адрес редакции:
Проспект Октября, д. 74/2, к. 105, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 241-42-59
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru